ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК
в Сан Франциско
1923 — 1957

У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

СБОРНИК

Printed in U.S.A.

У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

СБОРНИК

Пролив, соединяющий Тихий Океан с заливом Сан Франциско, называется «Золотые Ворота». В своих мемуарах американский генерал, Джон Фремонт, написал:

«Я дал этому проливу название «Золотые Ворота», потому что гавань Византии (Константинополя, а теперь Стамбула) зовется «Золотой Рог» за свою округленную форму и за необычайную красоту».

Фремонт выбрал это имя в 1840 году, предвидя день, когда богатства Великого Востока польются через Золотые Ворота подобно тому, как богатства Малого Востока проходят через Золотой Рог в Византии.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК
в Сан Франциско
248 Santa Clara Ave. — Oakland 10, California

1923 — 1957

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник «У Золотых Ворот» собрал некоторые сведения о культурной работе русских эмигрантов, живших и живущих в Сан Франциско и его окрестностях. Для отдела «Дела и Люди» были использованы материалы из Музея-Архива в Русском Центре и архива Литературно-Художественного Кружка, а также сведения, присланные русскими организациями и отдельными лицами из разных мест Калифорнии. В этом отделе было обращено внимание больше на то, ЧТО было сделано, чем на то, КТО участвовал в культурных достижениях. Ценное выбиралось из различных отраслей русской культуры, причем редакция избегала по возможности перечисления участвующих лиц.

Нина Федорова

ШПИОН

В Харбине мы имели своего шпиона, лично приставленного к нашей семье. Это произошло из-за дяди.

Наш дядя был военный, но с годами он охладел к войнам и занялся изучением Отцов Церкви. Как-то раз, случайно, прочел он житие св. Симеона Столпника и был потрясен прочитанным. Поэт в душе и стратег по образованию, он по достоинству оценил раскрывшуюся ему картину многолетней борьбы с самим собою из-за своей души. Он был восхищен драматизмом положения, где враг — невидим, а приз воображаем, где — поле битвы, нападающий, орудия, враг, отступление и наступление, все это — сам же подвижник. Чтение житий и поучений сделалось единым занятием и единой страстью дяди. Он стал неудержимо завидовать жизни подвижников и аскетов. Пустынное житие стало его мечтой.

— Да... Если бы знать это раньше! Ушел бы я в молодости в пустыню, выкопал бы пещерку и стал бы спасаться... вдали от житейской суеты в тиши, в посте, в подвиге, в уединении.

Мало-по-малу мы все заразились его энтузиазмом.

По вечерам, бывало, сидим все за работой, а дядя нам из «Отцов Церкви» читает:

«Ум блуждающий устанавливают — чтение, бдение и молитва. Похоть пламенеющую угашают алчба, труд и отшельничество. Гнев волнующийся утишают — псалмопение, великодушие и милостивость».

Тетя первая начинала вздыхать, а за нею и все остальные.

...«Бегающий мирских удовольствий есть башня, неприступная для демона печали»...

Тетя вытирала набежавшую слезу. И мы плакали. Нас по молодости более всего трогала высокая поэзия чувств и выражений. Трудно было сохранять спокойствие, когда дядя вдохновенно читал:

«Утверди, Господи, на камени заповедей Твоих подвигшееся сердце мое, яко свят еси и Господь».

Тетя откладывала в сторону работу, (она перелицовывала дядину куртку), слезы мешали ей работать. Эта генеральская куртка перелицовывалась в пятый раз. Все из нее выносилось — и цвет, и покрой, и фасон, — оставалось лишь добротное военное сукно. Оно бросало вызов и войне, и революции, — оно не изнашивалось. Оно казалось неисчерпаемым, так как с годами дядя делался все меньше и меньше, и тетя могла варьировать фасон, сколько угодно.

За тетей и мы все откладывали работу. Начинался разговор. Нам всем хотелось уйти в пустыню и, сузив жизнь до одного лишь попечения о спасении души, неустанно петь псалмы и читать кафизмы.

Но уйти не удалось. В Харбин пришли японцы. Русское население было поставлено на учет. Дядю, как военного специалиста, стали вызывать то в штаб японский, то в полицию, но он от всякой активности отказывался. И с прежними товарищами по оружию пошли споры. Они ему о войне, а дядя им о любви к ближнему. Они о стратегии, а дядя от Писания. Они о сотрудничестве с японцами, а дядя о спасении души.

— Представляется случай большевиков сбросить...

— Не я их сажал, не мне их сбрасывать.

— Переменить власть...

— Одна есть в мире власть: Божия. Ее не перемените.

— Полно! Тут на земле есть тоже...

— А на земле «несть же власти, аще не от Бога»... Заслужили и получили. Замолим грехи, Бог помилует, без моих и ваших трудов низложит. Россию не завоевывать с японцами надо, а вымаливать у Бога... Что может сделать японец без Божьего соизволения?

— Но жить невозможно...

— Поскольку главное занятие христианина есть спасение души, то большевики тут ничему не мешают. Наоборот, способствуют.

И в «кругах» решили, что дядя перешел на сторону большевиков, душу продал коммунистам, работает, как советский агент, получает приличное жалование и, отныне, он — человек подозрительный и опасный.

Тетя плакала от этих слухов. Нас дразнили в школе. Приходили анонимные письма с угрозами. Но дядя лицом был светел, душой спокоен и готов к мученичеству.

Тут-то и приставили к нам шпиона.

Мы его обнаружили утром. Из окна увидали. Сидит человек на скамейке у входа: воротник поднят, шляпа на глаза надвинута, в руках записная книжка и карандаш наготове. Мы решили, что это поэт, и не надо ему мешать: вот, ведь, с каким трудом пишет, за два часа ничего не написал.

Но когда дядя вышел на прогулку, то шпион, быстро записал что-то, выскочил, как бы ударенный электрическим током, и, засунув руки глубоко в карманы, пошел за дядей какой-то необыкновенной, крадущейся походкой.

Дядя был неутомимый ходок. Не имея никакой службы, он в ходьбе тратил свою энергию. Закаленный в походах, он был необычайно вынослив. Углубившись же в размышления о «Поучениях Отеческих», он, забыв себя, мог ходить часами.

Когда дядя возвратился с прогулки, шпион ед-

ва плелся за ним, вспотевший, еле живой; от его прежней стилизованной походки ничего не осталось.

Конечно, мы не сразу поняли, что это — шпион, но так как это хождение за дядей и записыванье повторялось, то и сомнений уже быть не могло.

Шпион был русский молодой человек, с лицом решительным и взглядом нахмуренным. Но была в нем какая-то детскость, что-то наивное и голодное, что-то честное и старательное. В своей должности, очевидно, неопытный, он играл ее добросовестно, следуя лучшим образцам детективного искусства, как его понимают в кинематографе.

Он наполнил нашу жизнь.

— А вы видели шпиона? — спрашивали мы у приходящих. — Наш собственный. За дядей следит.

Кое-кто перестал у нас бывать. Иные просили нас не заходить к ним, дабы не навлечь подозрения в общении с коммунистами. Дядя же, несмотря на смирение, был даже несколько горд:

— Да-с... Личного шпиона приставили. Записывает малейшее движение. Опасным находят для японского правительства.

Нам очень хотелось познакомиться со шпионом поближе. Другой такой случай когда еще наживешь. Но тетя категорически запретила всякие попытки вступать с ним в разговор.

— Это ему повредить может. Человек на жаловании. Долго ли, обвинят в дружеских сношениях с нами, вот службу то и потеряет...

Дело шло к зиме. Становилось холодно. У тети болело сердце: шпион был плохо одет.

Дядя начал увлекаться Псалтирью. Учил ее всю наизусть. Восхищался и плакал. Он приобрел привычку непрестанно шептать стихи псалмов и, углубленный во внутреннее их созерцание, он не

шел, а летел, как птица, по городу, по кладбищу и окружающим полям. Шпион начал приметно худеть.

Частенько тетя встречала дядю укором:

— Андрей Петрович, Бога побойся! Опять долго гулял: загоняешь мальчишку. Просила я тебя: погуляй немножко, да не бегай... Ходил бы шажком!

— Виноват. Привычка. Забываю.

И прежде чем запереть входную дверь, тетя еще раз бросала соболезнующий взгляд на шпиона:

— Сидит, записывает... Господи, ведь простудится мальчишка. Жалованье, верно, крохотное. Японцы гроши платят. А он, может быть, мать кормит... сестер, братьев... Может и бабушка еще жива. У семьи за него, верно, как сердце болит...

И тетя вытирала слезы.

Зима была суровая. Шпион ходил в полуботинках и легком драповом пальто. Мы серьезно беспокоились о его здоровье.

— Если б знать, что ему лучше: ходить или сидеть? — говорила тетя.

— Без движения, пожалуй, хуже. Но с другой стороны, двигаясь, он потеет и потом сидит на холоде опять без движения. О, Господи, верный способ схватить воспаление легких! Ну, сходи погуляй! — говорила она дяде. — Только помни: шажком, на полчасика, иди по подветренной стороне.

И дядя послушно шел «прогуливать шпиона».

Мы старались сократить его «рабочие часы». Вечером, запирая дверь, тетя говорила громко:

— Ну, теперь спать. Больше никуда сегодня не пойдем. И дверь на цепочку запираю.

А войдя в дом, добавляла:

— Пусть уходит с Богом. Да не сидите в столовой, свет видно из окна, не уйдет еще. Будем сидеть в кухне.

Перед Рождеством поднялись ветры и метели. Шпион был покрыт инеем. Он казался серым и свер-

кал на солнце. Он не мог сидеть спокойно и беспрестанно двигал ногами. Тетя стала повсюду ходить с дядей.

— Хоть ради меня будешь ходить медленно. Ведь замучил человека.

А дядя шептал 50-ый псалом:

«Помилуй мя, Боже... Яко беззаконие мое аз знаю... и грех мой предо мною есть выну»...

Выйдя из дома, тетя кричала, якобы нам:

— К Чурину идем, на Пристань, — и сразу домой!

Делая покупки, она просила дядю стоять у входа на видном месте, чтобы шпион не беспокоился, и сама все старалась увидеть, за окном ли шпион. Увидев, она махала руками, чтобы знал: здесь, мол, мы, здесь.

Один раз они потеряли шпиона на базаре. Оглядывались, оборачивались, не могли найти. Нет, как нет!

— Господи, что теперь ему будет? Прогонят его японцы. Потеряет службу. Скажут, не умеет шпионить...

Они долго искали шпиона по базару и улицам. Тетя громко кричала, как бы разговаривая с дядей, — авось, голос услышит, на голос придет... Выбившись из сил, возвращались домой на извозчике,— и тут, напротив дома, увидали шпиона. Он растерянно топтался у входной двери. Тетя страшно обрадовалась.

— Слава Богу! нашелся! — и закричала: — Вот мы и дома! С базара приехали!

На Сочельник шпион явился обмотанный коричневым вязаным шарфом. Тете шарф понравился:

— Мама шпионова, видно, хорошая рукодельница. Как связано! Надо бы снять узор. На будущий год я Андрею Петровичу свяжу такой же шарф.

В первый день Рождества никуда не ходили: пусть совсем отдохнет. Возмущались японцами: ну, и условия труда! Никаких отпусков, даже ради такого праздника.

На второй день пришла печальная весть: шпион был нездоров. Он кашлял. Он уже не двигал ногами, а сидел неподвижно, уткнувшись лицом в шарф. По временам сильный приступ кашля подбрасывал его со скамейки, а затем он снова погружался в неподвижность. Из-за двойных рам не слыхали звуков кашля и в окно могли только видеть страдания шпиона. То и дело кто-либо подходил к окну и докладывал: сидит! кашляет! сидит!

— Замерзнет человек! Грех-то какой! — говорила тетя. — Прямо у нашего дома скончается!

И затем тихо, покаянным тоном добавляла:

— Одно смущает мою душу: вдруг он заболел именно оттого, что я не пустила Андрея Петровича гулять на первый день. Шпион был без движения. Если это так — моя вина. Ужасно!

И она рассеянно внимала дяде, который читал:

«Если станет тебя крушить зависть, вспомни, что мы все члены есьмы Христовы — и успокоишься! Если станет одолевать тебя гордыня, то вспомни, что она губит весь твой труд — и успокоишься! Если берет сердце твое желание уничтожить ближнего, то вспомни, что за это Бог предаст тебя в руки врагов твоих — и успокоишься. Если красота телесная влечет сердце твое, вспомни об умерших уже, куда они отошли — и успокоишься».

Накануне Крещения шпион исчез. Мы не знали, что подумать. Мы не могли привыкнуть к его отсутствию. Приходили на ум черные мысли: вдруг он умер? Снились страшные сны.

Тетя просила всех нас хорошенько смотреть по сторонам на улицах: только бы раз увидеть! Только бы знать, что он живой, — и успокоишься. Но

никто из нас его больше не видел. И с тех пор, по вечерам иногда, за работой, тетя вдруг неожиданно крестилась и шептала:

«Помяни, Господи, раба Твоего шпиона нашего, если он умер».

СТИХИ О ВОЙНЕ

Сегодня ночью плакали сирены
О горькой человеческой судьбе.
А мы вернулись, Господи, к Тебе
Из темного мучительного плена.
И тихо стало нам, и так легко,
По-новому светло и терпеливо,
И где-то в небе высоко
Гремели молнии разрывы, —
То от миров иных склонялась мать
К сынам неверья и роптанья,
То к людям приходила благодать
Последнего всемирного призванья.

Каждый день мы умираем снова,
Через смерть проходит Бытие...
Господи, скажи нам только слово,
Слово вечное Твое.

Ничего не ждем и не умеем
Ждать от жизни в том краю,
Где все горестнее и больнее
Убивают жизнь Твою.

Будет Пасха — поздно или рано,
А теперь страдание всего.
Вся земля теперь болит, как рана,
Рана Тела Твоего.

Епископ Иоанн (Шаховской)

Н. Нароков

БЕЗ СЛЕЗ

1

Это случилось давно, когда ему еще не было двух лет и когда мама называла его ласково и любовно:

— Люлю...

В эти ранние дни он повстречался с человеком, которого ни он, ни его мать до того не знали и который после того исчез из его жизни. Этот человек провел с ним, ребенком, только полтора часа и сказал при нем и ему только несколько слов. Это было все.

Люлю ехал по железной дороге и сидел у матери на коленях, тараща глаза и жадно вбирая в себя линии, формы и краски богатой жизни. Они переполняли его душу, подавляли воображение и натягивали его неокрепшие, беспомощные нервы.

И он устал. Он невероятно устал от лавины впечатлений. Поэтому он вдруг беспокойно заерзал на свем месте и наморщил лоб. Заплакать? Для этого не было причины, но один из пассажиров громко кашлянул, и Люлю не выдержал внезапного звука.

— А-а-а!...

— Люлю, мой мальчик!... Что случилось?

Конечно, Люлю не мог объяснить. Поэтому он судорожно всхлипнул, конвульсивно захлебнулся воздухом и заплакал еще громче.

— Ну-ну... Перестань, маленький! Мама же здесь! Зачем ты плачешь?

Люлю знал, что мама здесь, но он не мог удержаться и стал рыдать горестно и отчаянно.

Мама взяла зеркальце и стала крутить его перед

Люлю. Почтенная старушка, сидевшая напротив, начала вертеть перед ним яблоко. Толстый господин очень аппетитно щелкал пальцами и напевал какое-то несуразное «бум-бум-бум». Все старались успокоить Люлю.

Только одинокий господин, сидевший рядом с мамой, относился безучастно к его слезам. Он вошел в вагон на одной из предыдущих станций и, хотя ехал уже около часа, не проронил ни одного слова. И остальные пассажиры не пытались заговорить с ним, а только поглядывали на него. Ему было лет за сорок, на его лице была видна сила и властность, и он, несомненно, был бы красив, если бы его не портил глубокий красный шрам, который шел через левый висок, пересекал бровь и заходил на лоб. Кроме того пассажиры видели, что у него нет левого уха.

2

Все средства успокоить Люлю не приводили ни к чему. И вот тогда-то вмешался господин со шрамом.

Он мягко и не спеша повернул Люлю за плечи к себе, положил ему ладонь на голову и очень ласково, но очень убедительно сказал ему тем тоном, каким обычно говорят со взрослыми, а не с детьми.

— Не надо плакать. Успокойся.

Люлю посмотрел на него и искривил рот, чтобы захлебнуться в плаче, но вместо того его рот стал медленно закрываться, а через две секунды закрылся совсем. И лицо его стало спокойным.

— Не надо плакать! — так же убедительно повторил господин со шрамом. — Не будешь больше? И не надо. Никогда больше не плачь!

И сел на свое место. Мама благодарственно посмотрела на него.

— Однако! — усмехнулся толстый господин. — Он вас сразу послушался!

— Да, он меня сразу послушался! — вежливо наклонил тот голову.

— Вы, вероятно, хорошо умеете влиять на детей! — сказала старушка.

— Да, сударыня! Я умею хорошо влиять... на детей!

— У вас, вероятно, большой опыт... Вы педагог?

— Нет, сударыня, я не педагог.

— Но у вас самого есть дети?

— Нет, сударыня, у меня нет детей.

Через полчаса господин со шрамом вышел на какой-то станции и навсегда исчез из жизни Люлю.

3

Сначала ни папа, ни мама не замечали ничего. Да и что можно было заметить? Разве не был Люлю славным мальчиком, мальчиком, «как все»? Каким он был до встречи с господином со шрамом, таким он и остался.

Через две недели Люлю как-то запнулся о ковер и со всего размаха шлепнулся на пол, сильно ударившись о дубовую ножку стола. Отец подскочил к нему, схватил его на руки и приготовился утешать. Но Люлю не заплакал. Он только сморщился от боли, но он не заплакал.

— Молодец! — восхитился отец. — Здорово треснулся, а не плачет! Молодец мужчина!

— Он в последнее время вообще редко плачет! — сказала мама.

— Да? Это интересно... Надо будет проследить!

Мама и папа стали внимательно следить за Люлю: как часто он плачет? Но Люлю не плакал: он сердился или кричал от детской обиды, он сжимал рот и хмурил брови, он стучал кулачками, но он не плакал. Было похоже на то, что он разучился плакать.

— Странно! — недоумевал папа.

— Это не опасно? — тревожилась мама.

— Это, конечно, не опасно, но... но мне это не нравится! В этом есть что-то ненормальное. Человек должен уметь плакать... Разве может человеческая душа быть полноценной без слез?

Но Люлю не плакал. Проходили годы, он рос, но не плакал никогда.

— Почему он не плачет? — волновалась мама. — Почему?

И вдруг вспомнила:

«Никогда больше не плачь!» — приказал господин со шрамом.

И когда она вспомнила это, то похолодела.

4

Люлю было восемь лет, когда он понял, что в нем нет слез. Ему никто не говорил об этом, при нем тщательно замалчивали его странность, но он смотрел, наблюдал, по детски сопоставлял и, наконец, понял: он не умеет плакать.

Хорошо это или плохо? Стыдиться этого или гордиться этим?

Он спросил маму:

— Мама! Отчего люди плачут?

— От горя, милый! — осторожно ответила мама, испугавшись вопроса.

— А если нет горя? Тогда тоже плачут?

Мама захотела уйти от вопросов и чем-нибудь отвлечь внимание Люлю, но тот был настойчив.

— Вчера дочь соседа, — медленно и раздумчиво продолжал он, — вышла гулять в новом платье, а проехал автомобиль и обрызгал ее грязью. Она заплакала. Это — горе?

— Нет, милый, но это ее огорчило.

— Значит, от огорченья тоже плачут?

— Да... и от огорченья... тоже...

— А помнишь, к жене садовника приехал ее

сын. Он вошел в калитку, она увидела его, подбежала, обняла и заплакала... Разве это было горе или огорченье?

— Нет, конечно... Это была для нее радость!

— Разве от радости тоже плачут?

— Плачут и от радости...

— А еще от чего?

— Не... не знаю! — слегка растерялась мама. — Мало ли от чего! Ну, от боли, от обиды, от досады... От многого!

— От многого? — вдумываясь в это слово, переспросил Люлю. — А почему я ни от чего не плачу?

Мама испугалась вопроса. «Вот оно!» — подумала она, чувствуя, как у нее сжимается сердце. Что ответить? Что?

— Потому что... — нерешительно начала она, — Потому что...

И вдруг нашлась. Посмотрела на Люлю и очень твердо, почти весело докончила:

— Потому что ты у меня умный мальчик!

— Да? — обрадовался Люлю. — Умные не плачут?

5

Люлю было уже 12 лет, и он учился в школе. «Мальчик без слез!» — прозвали его товарищи, и он гордился этим прозвищем, потому что понимал: в нем есть что то стойкое, сильное, мужское. «Мальчик без слез!» Это звучит почти так же красиво, как — «Ричард Львиное Сердце» или — «Рыцарь без страха и упрека». Люлю гордился, но тайно (очень, очень тайно!) хотел научиться плакать.

«Когда придет настоящее горе, — думал он, — я заплачу».

Летом заболел папа. Люлю мало понимал в болезнях, но видел, что в дом вселилось что то страшное. Приходило много докторов, в комнатах пахло

лекарствами, мама ходила со сжатыми губами, и все старались ступать бесшумно, говорить тихо. Дни были наполнены тревожным ожиданием.

«Папа умирает... — думал Люлю. — Если он умрет, я заплачу!»

И при мысли о смерти отца ему становилось больно, нестерпимо больно.

В одну из ночей мама разбудила Люлю.

— Пройди к папе — тихо сказала она.

Люлю понял. Он не испугался, не заметался, а только почувствовал, как сжалось его сердце и сразу же забилось быстро-быстро... «Уже? Сейчас?» И пальцы начали дрожать.

— Папа... Ему плохо?

— Пройди к нему.

Люлю вошел в комнату отца. Тот лежал на спине и тяжело, медленно, с трудом дышал неровными толчками. Его левая рука свисла с кровати, и он слабо шевелил ею. Люлю нагнулся и поцеловал эту руку.

— Папа! — очень нежно позвал он. — Папа!...

Потом выпрямился и стал смотреть в лицо отца. Смотрел долго, пристально, стараясь что то увидеть. И прислушивался к тому, как все его существо наполняется неизбывной болью, как сердце сжимается от тоски, жалости и любви, как стон несносной муки уже готов сорваться с губ.

И вдруг — вспыхнула почти радостная мысль:

— Я заплачу! Я сейчас заплачу!

Ему ее было стыдно этой радости: разве он ею оскорбляет отца? Разве сам отец не обрадовался бы тому, что он заплачет?

И мама... Мама пытливо смотрит на него и ждет. Да, она ждет! И Люлю знает, чего ждет она.

Умирающий дышал медленно и тяжело. В комнате было полутемно.

Прошла минута... две... три... Сколько их про-

шло?

Душа Люлю разрывалась от боли и любви. Но он не дождался слез. И мама тоже не дождалась их от него.

— Иди к себе! — еле слышно сказала она и поцеловала его в голову.

6

Проходили годы. Прошло много лет.

Умерла мать. Любимая женщина изменила и бросила. Ребенок, которого она оставила Люлю, тоже умер.

Люлю никогда не плакал.

Человеческая память несовершенна: она не сохраняет прошлого таким, каким оно было. Она неизменно улучшает, украшает и облегчает его.

Все то горькое, жестокое и больное, что было, все прошлое горе и страданье с годами тухнет, смягчается и умиротворяется. Память хранит воспоминание о муке и боли, но муку и боль она не хранит, а погашает. Люди только вспоминают их, но перестают их чувствовать. «Время все залечивает!» Но оно умеет залечивать только потому, что ему помогает память: она сохраняет лишь ТО, что было, но не сохраняет его ТАКИМ, каким оно было.

— Когда я переживал все это, мне казалось, что ужаснее ничего не может быть! Но вот прошли годы, и я вижу, что было совсем уж не так непереносимо, как мне казалось.

И наоборот: все светлое, радостноое и прекрасное, что было в прошлом, с годами кажется светлее, радостнее и прекраснее. Просто приятное вспоминается, как что-то чудесное, а хорошее время в воспоминании кажется счастьем.

— Какие это были чудные годы! Какие это были прекрасные люди! Как счастлив был я тогда!

Все плохое, что было, перестает мучить. Но все хорошее не перестает радовать.

Это — несовершенство памяти. Но надо быть благодарным ему: если бы его не было, жизнь была бы нестерпимой.

Память Люлю была свободна от этого несовершенства. Она сохраняла былую боль, былое горе и былые страданья такими, какими они были в прошлом. Ничто не утихало с годами, ничто не примирялось. Его сердце продолжало ныть от удара, который был нанесен много лет назад. Его душа терзалась и тосковала от боли, которая пришла к нему много лет назад. Страданье и горе оставались как бы неподвижными во времени, не утишались и не проходили. И он жил с ними, не теряя ни одного, но накапливая их в своей душе. Они лежали в нем тяжелым гнетом, который не растворялся в памяти, но год за годом мучил и давил.

Через несколько лет после смерти отца Люлю страдал так же, как страдал, стоя у его гроба. Боль от смерти матери не утихла за годы. Измена любимой терзала сердце так же, как в те минуты, когда он читал ее последнее письмо: «Я ухожу»...

От этого душа Люлю стала больной, разорванной, кровоточащей. Пережитые страдания не умирали и жили в ней.

Он отошел от людей, жил одиноко и в 35 лет выглядел почти стариком.

«Я не выплакал своего горя! — часто думал он. — Поэтому оно и не умирает во мне. Если человек выплачет свое горе, оно утихает, а у меня — нет слез!»

Слез у него не было никогда.

7

Он шел по улице.

Вдруг (совсем близко от него) раздались крики. Через минуту целая толпа сгрудилась около кого-то, кто лежал на мостовой. Люлю подошел и стал смотреть.

Автомобиль толкнул человека, и тот упал, ударившись головой о трамвайный рельс. Он лежал неподвижно, и кровь медленно натекала. Откуда-то появился врач, который опытными руками стал ощупывать лежащего, слушая его сердце и прислушиваясь к дыханию. Толпа тихо гудела. Полицейский энергично чиркал карандашом в своей книжке, а бледный шофер пытался что-то разъяснить ему, растерянно лепеча спутанные оправдания.

Наконец врач, не вставая с колен, выпрямился и запахнул полы пальто на груди лежавшего.

— Кончено! — махнул он рукой. — На месте!

За спинами любопытных Люлю не видел убитого, но он вдруг почувствовал, что в нем оборвалась какая-то натянутая цепь. Она оборвалась, и что-то сразу оборвалось в нем. Он слегка даже пошатнулся. И непонятная, сладостная боль стиснула его сердце. Такой боли он еще никогда не чувствовал: она приносила облегчение. Очень странное ощущение начало наполнять его: как будто что-то уходило, как будто что то открывалось. И он безудержно захотел узнать, обязательно узнать, хотя и не понимал, что именно узнать хочет он.

Он решительно растолкал стоявших людей, протиснулся вперед и с почти страстной жадностью впился глазами в убитого. Но убитый был совершенно незнаком ему.

Это был глубокий старик. Даже на его мертвом лице можно было видеть силу и властность. Он, несомненно, был бы красив, если бы его не портил глубокий красный шрам, который шел через левый висок, пересекал бровь и заходил на лоб. Кроме того у него не было левого уха.

Люлю смотрел на труп. Нахлынувшее ощущение все больше и больше наполняло его. И что-то непреодолимо властное притягивало его к убитому. Кто он? Что значит его смерть для Люлю?

Горький комок вдруг подкатил к горлу, и Люлю заплакал. Горячие, страстные, неудержимые, благостные слезы полились из глаз, и он растерянно не понимал их. Он ничего не понимал. Но он с наслажденьем, с радостью, с восторгом плакал, сотрясаясь от слез.

В толпе слегка двинулись. Кто-то участливо положил ему руку на плечо.

— Ваш родственник? Отец?

Люлю не отвечал. Плач переходил в рыдание, и новый свет освещал его душу.

ЗАБВЕНЬЕ

Где храм разрушенный белеет над горою
Укрыли знойный прах и горькая полынь
Героев бронзовых и мраморных богинь,
Былую славу их сравняла Смерть с землею.

Лишь изредка пастух приводит к водопою
Здесь черных буйволов, тревожа сон пустынь
Свирелью древнею; вдали морская синь
Струится маревом за темной чередою.

Как мать Земля блюдет поверженных богов:
Весной растит акант, чтоб вечно зеленели
Листы над мрамором разбитой капители.

Но Человек забыл предания отцов,
Бесстрастно внемлет он как ночью, на просторе,
Исчезнувших сирен оплакивает Море.

Хозе Мария де-Эредиа.

Перевод М. Авиновой.

Александра Мазурова

ДВЕ ВЕСНЫ

(Из дневника маленькой женщины)

Памяти старого друга, Леонида Галича.

После того, как оказалось, что мой учитель, товарищ Брянский, — самый обыкновенный, благоразумный взрослый, и бежать со мной в Америку во имя идеи не готов, вернее просто боится, (а я-то думала, что с. р. тем и с. р., что ничего не боится), жизнь и революция для меня отцвели. После отчаянных слез в ванной, куда я заперлась и откуда слышала, как товарищ Брянский щелкнул входной дверью и ушел; я, рыдая в мохнатое полотенце, забормотала: «Пусть ушел! раз он — не он».

К вечеру у меня был жар, а на утро я заболела свинкой. Свинка избавила меня на три недели и от уроков, и от свидания с товарищем Брянским. За эти три недели я все передумала и пришла к решению: единственный исход — уйти в философию. Еще в 10 лет я написала сочинение на тему «Царство Божие и царство человеческое», теперь же мне было почти 15, а пережитая драма состарила меня даже больше. Мама как будто догадывалась, что я что-то затаила, о чем говорить не могу, и потому согласилась на мой план: записаться вольно-слушательницей в университет. Правда, она сперва настаивала, что курс по французской литературе больше отвечает моим нуждам, и что никто не изучает философии в 15 лет. Но мне удалось ее уговорить.

Из скопленных на неудавшийся побег в Америку одиннадцати франков я купила себе «сервьет», толстую тетрадь и стило для записывания лекций,

как настоящая студентка. Мое выздоровление и возвращение к занятиям открылись первой лекцией профессора Мийю по общей философии. Часы у него были ранние, с 8-ми до 10-ти утра, а жили мы на другом конце города. Встала я, пока еще все спали, наспех выпила кофе в кухне вместе с Луизой, нашей прислугой, и понеслась по крутому Пти Шэн так, что дышать было больно, чтобы успеть на Пляс Сан Франсуа к раннему трамваю. По широким ступеням Пале де Рюмин поднималась с благоговейным сознанием перехода из одной жизни в другую. Хотя по французски я говорила бойко с шести лет, однако, сколько ни напрягалась, следовать за профессором было трудно. Не поймешь одного слова, нить оборвется. А иногда и все слова понимаешь, а смысла — мало. К концу второго часа голова заболела, и слезы навертывались от досадной догадки, что не готова я для университетской философии. Хорошо, что экзамена свободные слушательницы не сдают, значит кроме меня никто не узнает о моем невежестве. Но самое себя не обманешь... Десятичасовый звонок затрещал весело и бодро. С облегчением сложила тетрадь. В высоких окнах аудитории стояло голубое небо с холодными белыми облаками. На подъезде меня встретил ветер и уличный шум. Из других дверей вышел грузный, сумрачный профессор Мийю и пошел вверх по крутой улице, что вела в голубое небо с белыми облаками. Он нес набитый портфель. Боже, сколько в нем философии, которой я еще не знала! Но отчаяние отпустило. Оглянулась кругом и подумала, что времени еще много впереди. Решение «уйти в философию» не поколебалось. Первый шаг сделан, но в философию не юркнешь, как в подворотню. Доберусь долгой работой. Работать я была готова, как была готова бежать в Америку и сделаться там прачкой, и тем искупить грехи мо-

их «бар»-предков.

Когда я сошла с трамвая на Пляс Франсуа, я увидела торговца жареными каштанами, почувствовала, как голодна, купила каштанов, они оказались вкусными превкусными. На следующем углу старушка продавала фиалки; еще больше, чем каштанов, захотелось купить цветочков и приколоть пучок душистых фиалок на отворот нового зеленого пальто — отпраздновать начало моей новой студенческой жизни. (Все это из тех же неиссякаемых одиннадцати франков, скопленных на побег в Америку). Теперь я была свободна распоряжаться этими деньгами, и не было стыдно роскошествовать. Даже не вспомнились старые, потрепанные полотняные башмаки Брянского, которые долго были упреком нашему благополучию. Но вдруг я увидела их на ступеньке подъезжающего трамвая, и сам товарищ Брянский спрыгнул и остановился передо мной. Мы впервые встретились на улице. Он с улыбкой протянул мне руку.

— Аля, откуда и куда? Отболели, выросли, совсем большая девица. Три недели не видал вас, а три недели большой срок в вашей жизни.

Я почувствовала по выражению его глаз, что я —«совсем большая девица», и что говорит он со мной иначе, чем дома, за уроками.

— Слышал от мамаши, что вы в университет собрались. Ну-ка, расскажите!

— Не собралась, а уже там. Возвращаюсь с лекции по общей философии.

Я старалась говорить непринужденно, скрывая свое торжество.

— В пятнадцать лет университетский курс по философии? Затея смелая! Боюсь, что опередите своего учителя. Мне за вами не угнаться.

Мы оба рассмеялись под шум и звон трамваев на суетливом скрещении семи разных путей. Мне

следовало спешить на урок музыки, но я нарочно пропустила свой трамвай. Хотелось делать не то, что «следует». Возможно, что и товарищу Брянскому нужно было спешить куда-нибудь, но и он замешкался. Ведь в первый раз мы встретились на улице, среди чужих людей, вне уроков, совершенно свободные на ветру и в солнце.

— Вы совсем весенняя в этом зеленом пальто... и фиалки... Он нагнулся к отвороту моего пальто понюхать их.

— Какие нежные, душистые... мои любимые цветочки.

Фиалки дрожали, как живые, так билось сердце. Я порывисто отколола с отворота пучок фиалок, ничего не говоря, всунула его в рваную петлю тужурки Брянского и очень, очень счастливая впрыгнула в отходящий трамвай, не посмотрев, куда он идет.

* * *

За обедом папа и мама объявили, что решено через три недели возвращаться в Тверь, потому что какие-то «обстоятельства изменились». А у меня вся жизнь изменилась! Почему же это ни во что не считается? А философия?... Встреча с Брянским на улице, весенний ветер, фиалки?... Что же с этим будет? Я пихала рулет в рот, чтобы заткнуть свое отчаяние. Уезжать из Твери было до смерти больно. И тогда папа говорил:

— Два года в Лозанне промелькнут, и вернемся мы домой, и все будет попрежнему.

Конечно, это не сбылось. Взрослые всегда предсказывают, как им сейчас удобнее, а случается вовсе не как удобнее, а как неожиданнее. Судьбу не уговоришь. Она все по-своему. Не «промелькнули» эти два года, а точно два века прошли. Все изменилось. Папа с мамой остались те же, но мы с братом стали совсем другими.

Весна в Твери позже, чем в Лозанне, и у нас оказались две весны: весна разлуки с новым и весна встречи со старым. Нельзя было поверить, что это та же Тверь — чудный город, из которого было так жаль уезжать два года тому назад. Даже люди, которые встретили нас на вокзале, были те и не те. Суета, поцелуи, как при прощании, а чувствуется иначе. Вокзал сырой от ненастья, немощеную дорогу развезло. А разве слякоть на улице была заметна два года тому назад? Объяснить нельзя, что изменилось, но изменилось, и меняет все. Старое перестало быть «своим».

С вокзала поехали в Центральную гостиницу. Какой роскошной она мне казалась в детстве и какой убогой — теперь, когда поднимались по ковровой лестнице с медными прутьями. Нас встретил владелец гостиницы. Мама объяснила, что все три номера должны выходить в сад, а не на улицу, потому что «детям» нужно усиленно заниматься к экзаменам. Ведь будь мы дети, ничего бы не нарушилось и чувствовалось бы, как при отъезде. Но в том-то и дело, что мы уже были не дети.

Наконец, в дверях появился Захар. Он привез багаж. Захар тот же, тот же старый детский друг. Я бросилась ему на шею. Жесткая борода шерстит щеку. Какой знакомый, затхлый запах от платья; за него журил Захара папа и называл его «неряхой». Но для нас этот запах дорогой, в нем оживает наше детство, когда Захар таскал меня на закорках, усталую с дальней прогулки в Святогорихе... Захотелось, чтобы оставили меня с Захаром, уткнуться в его плечо и, ничего не говоря, побыть с прошлым. Но Захар смотрел на меня недоумевая, точно не знал, как ему быть с этой взрослой девицей. Даже папа заметил и сказал:

— Что, Захар, изменилась твоя питомица?

— И как! — выговорил Захар смущенно, глу-

хим голосом: — Невеста!

Он растерянно улыбался. Даже к Захару нет возврата...

До экзаменов оставался только месяц. Экстернов экзаменовали строго, гоняли по всему курсу. Я призналась своему старому учителю, как плохо я подготовлена, и ему одному про все рассказала, даже про неудавшийся побег в Америку с Лозанским учителем. Он выслушал внимательно и сказал:

— Всему этому есть место в молодой жизни. Многое из этого куда важнее всяких экзаменов. Но за нарушение обязательств придется платить. Все, что можно сделать за один месяц, это «натаскать» к экзаменам. Работа скучная, гнать придется и в хвост и в гриву, или терять год.

— Буду работать! — ответила я твердо — Вина — моя, жалеть себя не стану.

Мне хотелось показать моему другу-учителю, что воля и чувство долга у меня есть, что я «сознательная». Да я была и рада зарыться в учебу. Пусть скучно и трудно, но это какой-то причал, а то я совсем растерялась.

Мама ошиблась, выбрав задние комнаты из-за тишины. Правда, они выходили в сад, но в саду играла музыка — пожарный оркестр, не только вечером, но и днем. Сосредоточиться и зубрить было невыносимо, когда гремели «На сопках Манчжурии» или ныли «Мы расстались с тобой навсегда, навсегда». Я затыкала уши и долбила: Канин, Кольский, Скандинавский, Аппенинский. А то еще труднее: под литавры марша Ракочи долбила про объем параллелепипеда, плохо понимая, какую роль в моей жизни сыграет параллелепипед и его объем. Но обещание зубрить было дано, и доверие моего все понявшего учителя я хотела оправдать, особенно после того, как он сказал:

— Большую взяли на себя задачу, но сообща

справимся. Только старые дураки говорят, будто у юности нет трудных задач и горя. Это все равно, что сказать, что весной не бывает ненастья. Но и в ненастье есть весна, Алинька.

Тут он погладил меня по голове.

— Бедовая эта головушка, но сродни мне, хоть я и старый.

Я благодарно и нежно посмотрела в глаза старого учителя — верного друга, который помнил, как чувствует молодость, знал, что «и весной бывает ненастье», но что «и в ненастье тоже — весна». Сказать было нечего и ненужно. На губах только — улыбка, без слов, а в глазах — слезы, но не горькие, а те, в которых мир то застилается туманом, то играет солнце. В небе было солнце, а на стеклах окна еще капли от случайно пролившегося облачка, тоже — искристые...

— Ну, а как насчет параллелепипеда? — разбудил тишину учитель, сам протирая очки.

Я бойко отрапортовала формулу его объема. Вдалеке синела и рябила Волга, еще холодная, после недавнего ледохода. Белая лодочка, отважившаяся в ранний рейс и помятая запоздалыми льдинами, покачивалась на якоре у пристани, уже починенная, подкрашенная и готовая к следующей буре.

Дано мне ощутить зов жизни бесконечной,
Вздох матери земли в великий час весны...
Дано мне счастие в гармонии предвечной
Быть трепетом натянутой струны.

И этот сердца ритм, и каждое дыханье,
Мой голос и мой стих задумчиво простой —
Предчувствие грядущего слиянья
С единой совершенной красотой.

Е. Грот.

Петр Балакшин

СИАМСКИЙ ТЮЛЬПАН

Эрика всматривалась в его лицо, казавшееся ей то незнакомым, то таким близким, словно знала она его всю жизнь. Она задумывалась, прислушиваясь к ритмическому вздрагиванию пола, приоткрывала дверь в коридор, откуда несло запахом, который бывает только на морских пароходах, закрывала ее и вновь наклонялась осторожно над спящим человеком. В полутьме каюты его лицо вдруг принимало расплывчатые формы, и вместо него появлялась раз навсегда запечатленная в его памяти картина: серое небо осени, ровные пространства убранных полей, перерезанных каналами, маленький голландский городок неподалеку от немецкой границы. Год был 1942, когда впервые со времени 30-летней войны появились солдаты, как появляются они обычно: рано поутру, стекаясь колоннами к городской площади. Маленькими группами они разошлись по домам и после быстрого обыска вывели часть жителей на улицу и погнали их к пустому составу товарного поезда.

Это было одним из тех непредвиденных событий, против которого, как против стихийного бедствия, бессильно все. Эрика была во дворе, когда к дому подошли немецкие солдаты. Она сразу насторожилась и отступила вглубь сарая. Несколько солдат заглянуло в открытую дверь. То, о чем они говорили, сковало ее. Она хотела остановить свое сердце, чтобы гулкий стук не выдал бы ее. Она пробралась под крышу сарая и выглянула в слуховое окно. Группа людей под конвоем солдат заворачивала за угол. По той тишине, что была во дворе и в доме, она догадалась, что среди них были ее отец, мать и брат.

Она не помнила, как очутилась в Амстердаме, но на вокзале встретила человека и припомнила, что видела его накануне в поезде. Он обратился к ней по-немецки с той точностью, которая бывает только у иностранцев, знающих хорошо язык. Его кожа была шафранового оттенка, прозрачная и нежная. Это она заметила, незаметно, сравнивая в зеркальной витрине отражение его и своего лица. Она заметила и его глаза, их форму голубиного крыла и, невольно, со смущением и грустью, сравнивала их со своими. Он рассказал, что служил при сиамском посольстве и теперь возвращался домой. Затем она оказалась среди его друзей, рассматривавших ее с тем любопытством, которое было ей незнакомо раньше, но к которому она позже привыкла настолько, что не обращала на него никакого внимания.

Все это казалось ей переменой, в которой она сама не принимала участия, словно эта перемена в ее жизни была только лишь подготовкой к спектаклю, который мог даже и не состояться. Только на пароходе она отдала себе отчет, что была замужем за сиамцем, и что он увозит ее в свою страну навсегда от того, что еще недавно составляло ее привычный мир. Вместе с этим сознанием вросло новое, неизведанное до этого чувство. Эрика смотрела на него уже не украдкой, как прежде, а пристально, с замиранием сердца, осторожно, боясь разбудить его, касалась его лба, щеки, гладкой, как у молодой девушки, трогала его маленькие уши.

* * *

Они прибыли в Бангкок, фантастический город, поразивший ее грандиозными храмами и дворцами, яркой зеленью и шумом птиц. Они остановились в доме, из которого накануне выехали его родители. Об этом ее муж сказал ей так, что она не нашла нужным спросить о причине их отъезда, в то

же время чувствуя, что дом не был пуст, что кто-то не переставал рассматривать ее из других комнат. Сиамец был внимателен к Эрике, заботился о ней, ласкал и охранял от всех, как редкое растение в оранжерее, вдали от своей семьи и друзей.

Раз она заметила группу женщин, рассматривавших ее из-за таинственного прикрытия дальних комнат. Затем, словно вырвавшись из чьих-то рук, в комнату вбежал босоногий мальчик и испуганно, затаив дух, остановился перед ней. Эрика поймала его за руку, привлекла к себе, положив пальцы на острые позвоночники его гибкой спины, трогая его узкие плечики. Она прижала к себе оробевшего вначале мальчика, но он скоро успокоился и сам крепко прильнул к ней. Теперь она могла рассмотреть его так, как на пароходе рассматривала лицо спящего мужа. Мальчику было шесть-семь лет и по сходству с ее мужем не оставалось никаких сомнений, что он был его сыном.

В порыве внезапного восторга Эрика повторяла слова ласки и любви, которые может выразить только мать, но позади раздался шорох, и в комнату вошла молодая сиамская женщина. Она посмотрела выразительно на Эрику, и по ее взгляду, по вызову, та поняла, что была здесь чужой.

Эрика вдруг почувствовала, что вокруг стало пусто, словно этот мальчик был ее собственным сыном, которого она только что увидела после долгой разлуки и которого тотчас же потеряла. Ей вдруг стало больно и незаслуженно обидно, что она была нужна мужу лишь как показная вещь, как редкое растенье, которое надо держать в оранжерее, в тени, вдали от жизни, от тех комнат, которые были наполнены голосами и смехом.

Эрика подошла к зеркалу и пытливо посмотрела на себя, на свое узкое, горбоносое лицо, показавшееся ей чужим, за исключением глаз, которые

попрежнему смотрели неуверенно и недоверчиво, как смотрят обычно глаза косящих людей.

Здесь, во второй раз в жизни, она встретилась с потерей, с которой не могла примириться. Она еще чувствовала неожиданный прилив крови к груди и восторг при виде прижавшегося к ней робкого мальчика. Но его больше не было, и вместо него осталась только пустота. Эрика знала, что ей не справиться с этой пустотой, как не справиться и с тем, что показалось ей чудовищным обманом и незабываемой изменой. Она знала, что для нее осталось только одно — порвать решительно с этим домом, где она была только никому ненужной диковинкой.

* * *

Прошел год. Война докатилась до Сиама, и японские войска стали хозяевами в Бангкоке. Эрика случайно встретила капитана Обата из штаба японской экспедиционной армии. Она видела, что капитан любил ее, что искал в ней поддержку. Она объяснила это тяжестью войны и его оторванностью от дома и семьи. О своей любви к ней капитан говорил с той застенчивостью, которая трогала ее и незаметно привлекала к нему все больше.

Война была в самом разгаре, но фортуна ее решительно отвернулась от Японии. Прошло две зимы и одно лето. Поздней осенью 1945 года остатки демобилизованных армий начали прибывать в Японию. Среди репатриированной массы, потерявшей форму и облик армии, был и капитан Иошио Обата. Он был болен уже с год, но теперь его здоровье ухудшалось с каждым днем. Эрика понимала, почему в начале их встреч он так тянулся к ней, не столько как к жене, сколько как к другу, к матери, ища в ней опору и поддержку. Он старался не подавать вида, но по лихорадочному румянцу его щек, про-

зрачным глазам, выпуклым ногтям и одышке она знала, что у него был туберкулез.

До Иокогамы капитан еще крепился. Но когда из окна поезда он увидел серое пепелище Токио, провалившийся вокзал и людей, которые выглядели еще хуже репатриированных остатков армии и которые смотрели на них, как на виновников катастрофы, он сразу сдал.

Его родные встретили их холодно. Эрике казалось, что они не могли простить ей, считая ее причиной болезни сына. Отец Иошио встретил ее учтиво, но это была скорее учтивость обычая и старины. Мать Иошио не могла скрыть свою враждебность, а младший брат Иошио и его сестра не сводили с Эрики любопытных глаз.

Иошио был вне себя от радости, что наконец вернулся домой, но Эрика чувствовала, что эта радость была притворной, что он просто хотел сгладить шероховатость ее встречи с его родными. Пока он торопливо рассказывал им о себе, придавая значение тому, что его встреча с Эрикой произошла вдали от родины, в стране, куда они оба попали вопреки желанию, его семья слушала его в торжественном молчании, и только отец время от времени ронял скупое «то-дэт» и поглядывал вскользь поверх Эрики, словно желая связать ее с рассказом сына. Эрика старалась привлечь к себе брата и сестру Иошио, но она не знала японского языка, кроме нескольких ласковых слов, которые она слышала от мужа в интимные минуты. Несколько раз она услышала выражение «Саму тюрипу», произнесенное младшим братом, и хихиканье его сестры; после этого их отец поворачивал голову, поднимал бровь не то от гнева, не то от удивления от остроумной выходки детей, и затем вновь скользил взглядом по Эрике.

Кроме выражения «сиамский тюльпан» она не-

сколько раз услышала выражение «Лондон-Пари», после чего раздавался приглушенный смех. Эрика сперва решила, что они хотели этим сказать, что она иностранка и, повидимому, жила в этих городах, но затем догадалась, что это выражение относилось к ней самой, к ее заметно косящим глазам. В смущении она перешла в комнату, отведенную им, и там внимательно посмотрела на себя в зеркало. Теперь ее лицо казалось ей совсем чужим, острее выделился большой горбатый нос, лишь глаза глядели попрежнему недоуменно и испуганно. Она тревожно оглядела темную комнатку с одинокой лампочкой под потолком, грязные изношенные цыновки, и ей стало страшно. Острая жалость к больному Иошио и к себе охватила ее сердце.

Казалось и Иошио был охвачен этим чувством. Он лежал на цыновках под тяжелыми одеялами, не сводя глаз с дверей, за которыми жила его семья, пугливо прислушиваясь к голосам и смеху. Но дверь оставалась закрытой, а если и открывалась, и кто-нибудь заходил к нему, то только тогда, когда Эрики не было в комнате.

Эрика простила им недружелюбный прием, как простила им насмешливые выражения: «сиамский тюльпан» и «Лондон-Пари», но она не могла простить им глухо задвинутой двери. Дом внизу был темный и сырой, но на втором этаже была большая комната с широкими окнами и балконом, вся залитая светом, предназначенная только для редких случаев чайной церемонии. На стене в рамке на золотой бумаге были выписаны китайские иероглифы, означавшие Добродетель, Милосердие, Нравственность, но Эрика думала о том, что в этом доме не было ни добродетели, ни милосердия, ни нравственности.

Она решила пойти на то, что родные Иошио приняли бы только как святотатство: с помощью

женщины из соседней лавки она перенесла Иошио наверх и уложила лицом к окнам, чтобы он мог видеть верхушки деревьев, очертания черепичных крыш, сквозившие сквозь легкую листву, небо, то серое, то голубое, то золотистое, и далекий миражный силуэт, символ прекрасного и вечного, снежную вершину Фуджи-яма.

Она сразу успокоилась, простив им все, что относилось только к ней самой, уверенная в том, что семья Иошио не отважится снова запрятать больного в темную комнату под тяжелые одеяла, вблизи наглухо закрытых дверей. Но как, думала она, можно простить им измену их сыну? Разве она сама не хотела войти в их семью и найти в ней, если не отца и мать, то хотя бы младшего брата и сестру? Разве она не хотела отплатить им добром за то добро, которое она нашла в их сыне? Неужели, думала она, его семья боится, что от брака Иошио с нею что-то случится с японской кровью? Разве она сама, пройдя через тысячелетия и тысячелетия, не сохранила в себе ту же кровь, которая была у жены Лота, у Эсфири и у Руфи в ветхозаветные времена? Что из того, что она некрасива! Разве к таким же дочерям древнего Израиля не спускались с неба ангелы в поисках земных жен? И разве в мире есть только одна красота? Разве нет ее в другом: в прекраснодушии, в восторженности чистой мысли, в движении добра, в благостном биении сердца? Разве, наконец, глаза косящих людей не способны видеть Фуджи во всем великолепии и царственной красоте? Ведь нет же! Разве Иошио не любил ее такой, какой она есть? Разве с первых дней их встречи не искал он в ней опоры и участия? И разве теперь, когда все должно повести к его выздоровлению, она может оставить его? Конечно, нет! Разве, спрашивала она себя, находя в себе самой поддержку и озаряясь внутренним горением,

Добродетель, Милосердие и Нравственность должны быть мертвыми знаками на золотой доске, а не сверкать в душах человеческих? Как они ошибаются! Вот она приносит им себя в свидетельство: через неисчислимые века она бережно пронесла то, что гораздо выше всего на свете и что включает в себе добродетель, милосердие, нравственность и тысячи тысяч других вещей, ощутимых, чуть ощутимых и совсем не ощутимых, но одинаково растворяющихся в одной, вечной, неизменно прекрасной Любви.

* * *

Прекрасный слог старинного стиха,
Войди в мои тоскующие строки,
Пусть будет песнь размеренно тиха,
Как шопот звезд, как шелест трав далеких.
Чеканность строк, тоску переборов,
Поможет жить надменно и спокойно,
Есть много тайного в размере строгих слов,
В напеве и пленительном, и стройном.
Не сможет жизнь их силу сокрушить,
И горести напевность не изменят
И в панцырь творчества отчаянье души
Оденут дни великих искуплений.
Все выстрадать, все вынести, как Рок,
Дарованный во имя жизни свыше,
И перелить в созвучья строгих строк,
Чтоб слышал тот, кому дано услышать.
Во имя творчества я жизнь свою люблю
И одинаково приемлю радость с горем,
И улыбаюсь сумрачному дню
Улыбкой, равной смелости героя.
А если радость тихо не спеша,
В окно заглянет таинством волшебным,
Сорвется гимном радостным душа,
В стихи мои непобедимым звоном.

Ольга Скопиченко.

П. Лапикен

ВОСХОЖДЕНИЕ НА МОНБЛАН

День был дождливый. Это — предисловие. Самое короткое предисловие в истории человечества. (Арапские сказки).

Было сыро и серо. Ветер наносил тучи и дождь. На реке, туманной от паров, подвывали сирены, разгоняя лодченки, сновавшие между спесиво идущими кораблями. Утром этого дня река Хуан-пу или Вампу встречала тридцать четыре парохода. Каждый из прибывавших был желанной добычей. Был заранее облюбован главарем грузчиков, сторгован и распределен для разгрузки. Шел черный дым из труб. Ветер гнал тучи, сырость и холод. Были свистки и крики, гудевшие автомобили, трамваи исступленно звенящие, вопли, стоны...

Предпортовый мир большого города был в пещерно-первобытном беспорядке, зверино-жаден к наживе, и казалось всякие человеческие чувства отлетели с голубоватым паром пароходного свистка.

Но это было не так.

Госпожа Шен-Ли-Ши была полна восторгов, а случилось это потому, что день начинался счастливо, согласно предсказанию, вытащенному накануне. Хотя оно было на тонкой бумажке, получено за медяк в одну трехсотую доллара, но в ящике, откуда выпала судьба, были настоящие боги и горели жертвенные свечи. На бумажке были знаменитые слова:

— Облако ушло — свет солнца. Несчастье померкло — жди удачи.

Госпожа Шен-Ли-Ши чувствовала себя счастливейшей женщиной мира, заштопав ветошь рикш за 18 копперов. Выловив из мусорной телеги две щепки, она осторожно попала под автомобиль и получила целый доллар; даже особенно стонать и

валяться не пришлось.

Отпрыски госпожи Шен расползлись на заработки соответственно своему возрасту. Старший, с гордым именем А-Ху, тигр долин, продавал гнилые апельсины, украденные из-под метлы подметальщика сора. Двое других, настолько еще маленьких, что у них не было настоящих имен, бродили с совками и маленькими вениками, подметая зерна риса и бобов, просыпавшиеся из разгружаемых мешков. Тянули они и любую добычу, попадавшую в поле их зрения. Так в корзине госпожи их матери оказался кочан капусты, пеньковая веревка, щепотка чая и сдохшая черепаха, выброшенная из ресторана по случаю непрошенного посещения санитарного надсмотрщика. Лиловые пятна разложения на белом брюхе черепахи замазывались известью. Двадцать копеек были почти положены в руки госпожи матери.

День начинался счастливо. Почтенный муж ее, господин Шен, уже с утра разменивал деревянные палочки на медные монеты. Поясним. Главарю их шайки удалось захватить разгрузку парохода, и его члены, охая и вздыхая, восходили и нисходили по длинной узкой доске на Монблан. Восхождение на Монблан было неприятным. Был сильный прилив, и пароход у пловучей пристани являлся горой для грузчиков. Спуск с Монблана был еще тяжелей. Одушевленные мешки скользили: день был дождливый. Уже два тюка прессованного хлопка благополучно свалились в воду и были выловлены надлежащей лодкой. Охранителю грузов пришлось заплатить за товар.

Сейчас господин Шен нисходил с мешком на спине. Разгружали рис. Незаметно проколов крючком дыру, господин Шен оставлял струйку риса для сосудов своих отпрысков, отгоняя пинками чужеродные племена. День начинался счастливо. Главарь

шайки обещал ему повышение за удачное избиение чужаков, ставших в цепь грузчиков. Даже фамильный знак предсказывал удачу. А как все было плохо два дня назад:

— Жена не сумела пронести морфий мимо полицейского патруля. Правда, не ее вина. Ясно, что их сосед дружил с рябым полицейским. Дружба видна. Кто сможет так открыто приводить своих диких куриц для развлечения портовых рабочих? Почему других женщин совершенно изгоняют с пристани в это дежурство? Морфий был положен в мешочек из под зубного порошка. Жена с вещами шла бесстрашно на полицейский патруль. Именитый муж и полководец Чжу-Гэ-Лян когда-то писал, что лучшая защита — атака. (Возможно, что она и не была знакома с изречением древнего патриота, но, повинуясь инстинкту практической мудрости, следовала ему). Ее отвели в участок. Но опыт и тонкая лесть выручили:

—Зубы! У нее старые зубы. Был обещан чудесный порошок, исцеляющий старые десны. Где купила? Конечно скажет, но тогда порошок потеряет свою волшебную силу. Отдайте! Драгоценные, цветущие, добродетельные, прежде-рожденные! Отдайте! У вас белые хорошие зубы. Вы ослепительно смеетесь. Отдайте! Это яд? Сердце не хочет верить. Неужели тот старый почтенный человек есть помесь жабы и крокодила? Стоит больших денег? Почему продают за десять медяков? О люди, склонные к добродетели! Они отдают порошок презренной старухе. Отдайте! И госпожа Шен потянулась за порошком. Ее отпустили.

Так вспоминал господин Шен, спускаясь в который раз с Монблана. День был дождливый, и черный дым застилал небо. Тонкий вой проходящего катера походил на плач. И почему-то счастливое начало дня переставало радовать.

— Ум смутился. Похож на пустую тыкву. Попусту тревожусь.

А в это время грузчик поскользнулся. Острый гвоздь впился в босую ногу подобно тигровому зубу. Грузчик упал, роняя мешок, сбивая других. Доска качалась, люди скользили, падали...

— Сколько убитых, сколько искалеченных! О горе, о разорение! Сколько гробов надо покупать! По счастью некоторые утонули и их не надо искать.

Шен-Ли-Ши бежала на крики с черепахой в руке. Она не сразу разыскала своего господина и мужа. Он лежал около сходней, придавленный мешками. Ли-Ши опустила на пристань черепаху и присела, чтобы взглянуть в лицо господину. Она не закричала, хотя это было совершенно неприлично, но она не могла кричать. Из неведомых складок своего рубища она вытащила кусочек тонкой бумажки. На ее ладони, придавленное длинным желтым ногтем, дрожало предсказание: облако ушло... Рядом с лицом ее мужа лежала черепаха, удивительно похожая на него своими лилово-трупными пятнами. Отпрыски стояли тут же: А-Ху и двое других, у которых не было еще настоящих имен.

А на Монблан уже начали восходить, и господина Шен пришлось отодвинуть в сторону.

«Как грустно и печально, что хорошее умирает так же, как и плохое; жаль, что за теплом следует холод; увы! за теплым днем следует дождливый; но таков порядок вещей и ничто не в силах переменить его».

Борис Дудоров

РЕЦЕПТ

У Марьи Власьевны на именинах был чудесный пирог. С ягодами. А тесто — просто мечта. Возьмешь кусок в рот и жевать не надо: само тает во рту.

Удивительная хозяйка эта Марья Власьевна! Не даром говорят, что у них в роду из поколения в поколение передавались кулинарные секреты и рецепты.

Вот вынесла ее судьба заграницу. Потеряла она на родине все, что имела: и мужа, и имение, и деньги, но свое искусство готовить вывезла с собой на радость всем ее друзьям и знакомым.

Одна беда: нет у нее никого, кому бы передать это наследство. Дочери нет, а сын сдуру женился на американке, которая кроме бобов в томатовом соусе да шорт-кеков, от которых в горле першит, ничего толкового не умеет готовить, да и не хочет уметь, предпочитая кормить мужа сандвичами.

Подумал я об этом, взгрустнулось о погибающем национальном искусстве, и вдруг пришла в голову блестящая мысль: — дай, думаю, запишу ее рецепты на поучение потомству. Издам книгу, — много превосходящую всякие «Подарки молодым хозяйкам», переведу ее на всякие языки и осчастливлю человечество вкусной, здоровой пищей, а себя — немалыми доходами.

Недолго думая, решил тут же и начать с самого пирога, что заставил меня пошевелить мозгами. И даже вступление к книге сейчас же придумал.

Вот, дескать, сколько на свете людей было, которым набивали на лбу шишки падающие на них яблоки, а только один Ньютон вывел из такого факта закон всемирного тяготения. А почему? А

потому, что был гений. Сколько сотен, а, может быть, и тысяч людей за долгую жизнь Марьи Власьевны, ее матери, бабушки и так далее, кушали их пироги и прочие вкусные вещи, но кроме животного удовольствия, да порой, от невоздержанности, и несварения желудка ничего не выносили. Только я один додумался написать о них книгу на пользу человечеству. А почему? Да потому что я... Впрочем, пускай другие на это ответят. Я же, по скромности, помолчу.

Составив в уме предисловие, подсел я к Марье Власьевне и давай расхваливать ее пирог.

Вижу, старушка растаяла. Ну, думаю, пора.

— А скажите, Марья Власьевна, — запел я сладким голосом, — из чего это тесто такое вкусное вы делаете? Ведь сколько пирогов на своем веку съел, а подобного теста ни разу в жизни не пробовал. Наверное, секрет какой-нибудь знаете?

— И, батюшка, — усмехнулась она, — какой секрет? Известно из чего тесто-то делается: из муки да сметаны, яичек положишь, масла, сахару, соли — вот и вся премудрость.

— Так-то так — говорю — да ведь все же надо пропорции знать. Вот, например, скажем: сколько вы муки берете?

— По размеру, родимый, по размеру. Смотря какой пирог затеваешь. В большой — больше идет, в маленький — поменьше.

— Ну, это само собой разумеется — отвечаю, а сам думаю: хитрит старуха, секрет соблюдает. Ну, а я все же выпытаю.

— А скажем, вот, сколько тогда сметаны надо прибавить?

— Сметаны? Ну, сметаны в пропорции клади. Смотря по тому, опять же, сколько муки взял. Положишь сметаны-то и мешай.

— Так, так, понимаю. Значит, надо взять спер-

ва муки и сметаны и мешать? А сколько времени мешать?

— Пока не вымесится, батюшка, пока не вымесится. Да не так, чтобы слишком густо, а в меру мешай. Ну, конечно, и всего другого-то положить не забудь.

— Ах, да ведь еще масла, говорили, надо. Что же, его много требуется?

— Зачем много? Много не надо. Ты только столько положи, чтобы сдоба была. Без сдобы ничего не выйдет. А ты в пропорцию клади, милый, все в пропорцию.

— Ну, а сахару много кладете?

— По вкусу, батюшка, по вкусу. Много положишь, — приторно будет, мало — так и совсем не вкусно.

А яиц сколько штук?

— Яиц много не надо. Это не куличи. Тяжело тесто будет. А ты так, значит, положи, чтобы тесто-то легкое было. Больше не клади.

— Вы говорили, что еще соли надо?

— Да, да. Непременно присоли.

— А сколько соли взять?

— Вот чудной. Кто ж тебе скажет сколько? На глаз возьми. Соль-то, она всегда на глаз берется. Ну, и тут на глаз положи.

— Отлично, понимаю. Ну, вот, замешаю я тесто, а дальше что?

— А дальше сделай из него лепешку, заверни края, да присыпь картофельной мукой, чтоб сок-то от ягод в тесто не ушел.

— И много сыпать надо? Картофельной-то муки?

— А по усмотрению. Это уж само собой видно будет. А сверху ягоды положишь, и в духовку. Вот и вся недолга.

— Сколько же времени печь его надо?

— До готовности, родимый, пеки до готовности. А потом вынь и подавай на стол. Видишь, как все просто-то? А ты про секреты выдумал. Какие тут секреты? Все проще простого. Однако, заболталась я с тобою, а другие гости, поди, обижаются, что я их бросила. Прости, пожалуйста, пойду ужо к ним.

Выведав у Марьи Власьевны рецепт пирога, я все же решил попробовать его на практике, чтобы убедиться, что все правильно записал.

Купив всего, что сказано, клал и в пропорцию, и по усмотрению, и по вкусу, и на глаз, и месил до седьмого пота, и пек до готовности, а как вынул из печи и попробовал, так...

Словом, от мысли составить кулинарную книгу по рецептам Марьи Власьевны я совсем отказался.

Попробуйте вы, — быть может вам это удастся.

ИЗ ЦИКЛА ПАРОДИЙ

Поклоннице В. Инбер.

На западе закат оранжевеет,
Но день уже погас.
Ночная, блеклая оранжерея
Цветов у нас.
Резвятся нимфы с пением и плеском
На разные лады.
Луна одела серебристым блеском
Мои сады.
Душистый вздох цветущего жасмина
Окутывает всех...
Но с чьих-то губ трепещущих, змеиных,
Сорвется смех.
Я выйду в сад, скажу: какая прелесть!
Вздохну и загрущу.
И мне в ответ Пан на своей свирели
Споет...
Чуть-чуть.

П. Лапикен.

Е. Левицкий

НА ПАРОХОДЕ

Американские очерки

Пароход-паром оперирует между Окландом и Сан Франциско. В конторе идет прием рабочих. Короткий опрос:

— Фамилия? Сколько лет? Русский?

— Русский!

— Адрес — 1845 Пост стрит?

— Нет, 1731 Пост.

— Граф? Подполковник?

— Не совсем.

— Неправда! Все русские — графы или подполковники!

Я молчу.

— Ну, все равно. Нам нужно одного «графа» мыть посуду. Согласны?

— Умираю от восторга.

— Хорошо. Завтра в 5:30 утра. Здесь. Гуд бай!

С утра надо было грузить пятидесятифунтовые куски льда; обняв мокрую скользкую холодную глыбу, спускаться с ней по узкой крутой винтовой лестнице вниз. Потом грузить продукты; когда пароход трогался, мыть в кухне вороха посуды; в это же время мимоходом завтракать. Пока пассажиры в Окланде сходили на берег, нужно было «мапить» (шваброй мыть столовую).

Когда приближались к Сан Франциско, нужно было, нагрузив ручную тележку пустыми ящиками, банками и т. п., стоять на носу, впереди пассажиров, подавшись всем корпусом вперед, и как только грохотал спущенный «фартук», нестись галопом на другой конец пристани. Там быстро разгрузить тележку, получить по списку заказанные продукты, погрузить их и переменным аллюром, лавируя меж-

ду спешащими пассажирами, нестись обратно на пароход. На всю операцию было 6 минут: пароход отходил обратно в Окланд.

Каждый день я собирался уйти, каждый вечер откладывал. В одно прекрасное утро, вталкивая кусок льда в холодильник, я не рассчитал, толкнул его слишком сильно, и он ударился в противоположную стенку, которая другой стороной выходила в столовую; в ней было вделано большое зеркало. От удара изнутри зеркало треснуло от центра во всех направлениях, изобразив нечто вроде флага страны восходящего солнца.

Это меня очень удручило, и я окончательно решил уйти. Сделав еще один рейс, я заскочил в контору. О несчастьи с зеркалом там уже знали.

— Знаете, я решил оставить эту работу. Сегодня вечером.

— Вечером? — взревел форман, — не вечером, а сейчас! — и он сунул мне уже заготовленный чек.

Так закончилась моя морская карьера.

* * *

Это было давно. Это было до издания рабочих законов, до социального обеспечения, до пособий при безработице, до страхования здоровья, до права на вакации. Это было до юнионов, до Русского Центра, до Дома св. Владимира.

Это было в доброе старое время.

Е. Печаткина

СЛУЧАЙ С НЯНЬКОЙ

Как-то приходит нянька к своей барыне.

— Скула, — говорит, — болит. Уж так болит, так болит... Хины, матушка, дай.

— Поди в детскую, найди там в аптечном шкапике детскую хину в бутылке и накапай 60 капель.

— Руки у меня, матушка, трясутся: накапай уж сама.

Барыня пошла к аптечке, вынула пузырек, накапала 60 капель.

— Пей, нянька!

Нянька пила уж как-то раз хину, тоже от зубной боли, и знала, что хина горькая как собака, поэтому пошла предварительно в кухню, отрезала ломоть черного хлеба, крепко посолила его, а затем уж выпила капли, заев их хлебом. Выпила и обрадовалась: хина-то на сей раз совесм не горькой оказалась, а даже напротив — как бы сладкой. На радостях приходит к барыне.

— Ну, матушка, и зуб больше не болит, и хина сегодня сладкая была.

— Как сладкая?

— Да так: совсем и не горькая. Я ее черным хлебом с солью, а она — ничего.

Барыня к аптечке бросилась, хвать, — оказывается она няньке вместо хинина мышьяку дала — шестьдесят капель! За голову схватилась и к мужу побежала.

— Няньку, — кричит, — отравила!

Муж к телефону бросился карету скорой помощи вызывать, чтобы няньку скорее в больницу везти желудок промывать.

Взяли няньку в больницу, как была: в старой юбке, в шлепанцах, в платочке на голове.

А доктор в больнице был из армян, щупленький, маленький, ростом всего аршина в полтора. Взял это он резиновую кишку и няньке в рот сует.

Няньку ужас объял: гадость-то этакую, кишку, да чтобы в рот живому человеку совать! Где это видано! И как развернулась нянька, — доктор прямо так и полетел в сторону, лбом дверь открыл.

— Вот так старуха! — подумал доктор и, не рискуя к ней больше подходить, фельдшера вызвал.

Нянька фельдшера уважала: это не то, что доктор какой-нибудь. Он, по ее убеждению, и в медицине больше понимал, хоть и признавал-то всего два лекарства: иод да касторку. Если снаружи что у пациента болит — иодом смажет; если же больной жаловался на неопределенную боль внутри — порцию касторки отпускал. И боль, бывало, как рукой снимало! С большим пониманием был человек. А доктор, — шут его разберет: пишет, пишет, объясняет, объясняет, — что поймешь, а что и мимо ушей пропустишь; одно после еды, другое до еды... Вообще, намелет столько, что все равно всего не запомнить. Ну и от лекарств его тоже пользы не было.

За точные и определенные знания нянька и уважала фельдшера. Но чтоб позволить какую-то кишку себе в рот засунуть — не могла нянька допустить даже и ему: дерется баба и кишку вон выбрасывает.

Что делать? Доктор на помощь санитаров вызвал. Говорит им доктор:

— Держите вы эту ведьму за руки и за ноги, я ей в рот два пальца засуну, а фельдшер тем временем пусть кишкой орудует.

А нянька, не дура будь, кишку-то вместе с докторскими пальцами зубами прищемила — вода-то и не идет! Доктор кричит от боли, а фельдшер тихо ей так и говорит:

— Пусти, нянька, кишку, пусти!

А сам, окаянный, ногой ей на больную мозоль давит.

— Пусти, нянька, — а сам на мозоль... Доктор же с перекошенным армянским лицом подзуживает фельдшера:

— Энергичней, энергичней, Сидорыч!

Подействовало!

А как пустили няньке в рот воду, с ужасом стала она замечать, что толстеет и толстеет, и вдруг от натуги юбка у нее возьми да и лопни! Чувствует нянька, что юбка у нее падает — (срам-то какой!) — про кишку забыла, за юбку хватается. А тем временем желудок-то ей и промыли.

Как промыли, вежливенько эдак сказали:

— Иди, нянюшка, домой: все у тебя промыли, ничего не осталось, иди!

Нянька со стула встает, юбка падает, всю-то ее руками не удержишь, (юбка в четыре полотнища была сшита, широкая). А фельдшер, хоть на мозоль и наступал, подлый, все же добрый был человек и няньке откуда-то веревочку достал.

— На, — говорит, — нянька, повяжись, Бог с тобой!

Повязалась нянька веревочкой и, хныча, поплелась домой.

Идет, а от воды-то ее мутит и во все стороны шатает. Кофта вдобавок вся промокла во время борьбы с больничным персоналом, обвисла, — вид у няньки аховый.

А тут, как на грех, встречает ее барынина кума. Узнала няньку, окликнула. А та и не слышит ничего: в ушах шумит, в голове трещит — где уж тут что расслышать!

А барынька ручками всплеснула, да на первого попавшегося извозчика вскочила и рысью к куме поехала: «Ай, да нянька!» — думает.

Возбужденная такая входит она в дом и сейчас же радостно объявляет:

— Нянька-то ваша!

— Видели? Ну, как она?

— Пьянехонька! Юбка на боку, платок съехал, идет, шатается... Вдребезги! Это 50-летняя старуха-то! Вот неожиданность! Вот конфуз!

Остановиться барынька не может, слова вставить не дает. Только успела все выпалить, входит нянька.

— Ай, — говорит нянька, — позорища-то сколько натерпелась!

И, как была, в кресло бухнулась, еле дышит.

Ну, спасибо тебе матушка барыня: все болести прошли. Уж так меня промыли, так промыли... На всю жисть! Никакой теперь хины по самый гроб не надо. Всю насквозь на много лет вперед промыли. И полно!...

Над рощей тучи встали,
Разгрохотался гром,
И молнии летали
Над молодым дубком.

По тайному закону
К нему привлечена,
В доверчивую крону
Ударила одна.

Он молнией отмечен
И не такой, как все:
Заметен издалече
По белой полосе.

Николай Моршен.

Александра Васильковская

БАРЫШНЯ ИЗ РЕСТОРАНА

Может быть, у настоящих кельнерш бывают праздники. И если не такие, как у всех, то какие-нибудь выходные дни; но у нас, ставших кельнершами заграницею, в этом ресторане — их не бывает. И даже в Сочельник все мы были на службе. Правда, работы в этот вечер было немного. В ресторане было почти пусто. Только несколько парочек тихо беседовали за самыми маленькими столиками.

Было необычно в ресторане в этот вечер. От обилия свежих цветов на столах, от белых, хорошо разглаженных, скатертей, оттого, что был притушен свет в зале, и горели только две маленькие боковые лампочки у входа, и ярко освещен был только буфет, а больше всего от того, что мы зажгли небольшую, но нарядную елочку на одном из столов; и от мягкого света ее тоненьких свеч и запаха разогретой хвои, — от всего этого на душе было напряженно и немного грустно.

В ресторане было тихо. Посетителей было мало, и говорили они вполголоса. Сегодня никто никого не торопил, не говорил кельнершам ни грубостей, ни глупых комплиментов. Никто не жаловался, что порции малы. Никто не заявлял почаще и погромче, (чтобы услыхали все соотечественники, что знает и он, что такое богатая жизнь): — Что за закуска такая? Как подан гарнир!

Никто не требовал раздраженно того, чего заведомо нельзя было получить. Никто не наслаждался своею собственною заздравною речью, проливая на скатерть вино, и не вопил в промежутках на весь ресторан: «Барышня, нельзя ли поскорее!» Неизменно улыбающаяся хозяйка не сверлила своими бойкими и жесткими глазами, не управляла:

— Вот с этим столом полюбезнее и побыстрее... А вот с этим вы посуше: шантрапа!... А вот тем можете сказать, что вина больше нет у нас. Вышло. Они тогда скорее уйдут. А вот там, если вас опять обманут, вам же и отвечать придется.

Кельнерша не должна болтать со знакомыми, если они не совсем угодны хозяйке. Резким и холодным тоном она отзывает неосторожную к буфету, чтобы прошипеть ей несколько неприятных слов, сказанных колючим полушопотом. Кельнершам не полагается иметь свои симпатии и антипатии. Этим ведает хозяйка. Она знает, что такое такт. В этом она уверена.

— Ах, эти барышни-дети, — говорит она часто, — их надо учить еще жизни!

Ресторан считается самым приличным в городе. Шумное пьянство и скандалы в нем не допускаются. Кельнершам получать на чай запрещено. И если кто-нибудь из посетителей уходя оставит на столе чаевые, хозяйка неспеша подходит, забирает их, и так же неспеша и спокойно прячет доход этот в свою кассу. Но сегодня хозяйки в ресторане нет. Она ушла рано, поручивши ресторан Валентине Павловне, «чайной даме».

Валентину Павловну мы все любим. У нее тонкое, увядающее лицо, покорные, кроткие глаза и иногда, внезапно, сияющая улыбка. Эта женщина никогда не сердится, только умолкает, когда другой бы на ее месте негодовал. Она никогда не жалуется на тусклую и тяжелую жизнь, после беспечно роскошной и праздной жизни в прошлом, — не жалуется на то, что пришлось терпеть нужду в той самой «загранице», куда когда-то ездила она для развлечения. Она смотрит на нас с ласковым сожалением. Не жалея о себе, она сожалеет о нашей молодости, так отличной от той, какую знала она. Но, говорит она, молодость это такой дар Божий, с ко-

торым все переживешь и все одолеешь.

Однако, скоро надо будет переменить свечи на елке. Кое-где уже потрескивают опаленные иглы. Сегодня не так торопливо двигаются среди белых столиков принаряженные девичьи фигурки. Кое-кто без передничка сегодня. Кое-кто даже успел побывать у парикмахера.

Возвращаюсь из кухни с подносом в руках, когда ко мне подбегает Таточка, наша младшая.

— Вам письмо, вот!

— От кого?

На большом голубом конверте незнакомый почерк.

— Я не знаю. Газетчик принес. Передал и ушел.

— Спасибо, Таточка.

Таточка всегда как-то не ходит, а летает. И часто на кого-нибудь налетает. А письмо я посмотрю потом, за ужином. Сейчас некогда. Прячу его пока на подоконнике, под запасными подносами. Там оно не потеряется.

Таточка получает жалованья меньше нас всех, но зато она получает второй обед и ужин для своей матери, старухи, очень величественной, вдовы тайного советника и урожденной баронессы, дающей уроки музыки по очень дешевой цене. Таточке лет пятнадцать. Посетителей ресторана она называет «пассажирами» и, несмотря на зоркий глаз хозяйки, держит их в некотором терроре. Капризничать она им совершенно не позволяет, в разговоры с ними ей вступать «некогда». Они должны знать, что Таточка спешит. А спешит она всегда.

— Барышня, — говорит кто-нибудь несмело, — я просил вас на второе дать мне телячью грудинку, а вы второй раз суп принесли.

Таточка быстро оборачивается с радостной улыбкою: — Разве?!.. И легко бывает улыбнуться ей в ответ.

Очень худой, маленький господин с поднятыми ватой плечами и грудью и с подкрашенными усами, (Тата называет его: «Тараканьи мощи»), обедающий обычно за столиком номер 3, является сущим наказанием для персонала. Он полон высокомерия и необычайно требователен. Угодить ему совершенно невозможно. Даже самые милые улыбки хозяйки не могут изменить презрительного выражения на его лице.

Между тем, постоянное его громкое брюзжание может вредить делу. Хозяйка распорядилась, чтобы барышни не вступали в пререкания с недовольными, а предлагали им обращаться со всеми претензиями к ее мужу, Степану Ивановичу, человеку внешности внушительной и несколько мрачной.

— Барышня, — сухо и повелительно спрашивает «Тараканьи мощи», — а почему это у меня в супе только четыре фрикадельки?

— Так полагается.

— А почему же так полагается?

— Если у вас есть претензии, обратитесь, пожалуйста, к Степану Ивановичу.

Но «Тараканьи мощи» не унимается.

— Разве это вязига в пирожке? Это крахмал какой-то искусственный...

— С этой претензией обратитесь, пожалуйста, к Степану Ивановичу.

— А почему в супе плавает муха?

— Я принесла без мухи.

— А вот она! Плавает... Почему она здесь?

Уже уходящая, Таня останавливается вполоборота и отвечает совершенно серьезно:

— А с этой претензией обратитесь, пожалуйста, к мухам.

На ближних столиках — смех. Пробегая мимо буфета Таточка косится на хозяйку, но та занята: у стойки стоят несколько человек, выбирая закус-

ки, а хозяйка разливает что-то по рюмочкам. И ничего не заметила. «Тараканьи мощи» извлекает муху из супа, кладет ее в пепельницу и доедает свой суп.

В этот вечер Сочельника «Тараканьи мощи» отсутствовал. Не было и Степана Ивановича и жены его в ресторане. Было очень тихо. В темной и благоухающей хвое дрожали, точно дышали, огоньки свечей. Смолистый хвойный запах был сильнее обычного запаха пудры, еды и духов. Но за пятым столиком обычный француз ел свой обычный вечерний бульон.

— Иностранцы любят этот ресторан... От кого бы могло быть письмо? Для второго стола принести сладкое... Почтового штемпеля нет... Может быть, передано из рук в руки издалека... Так бывает... Из Константинополя?... А может быть даже из России?... Форшмак. Рыбные котлеты... Две порции, две... От сестры или от отца? Надо будет сейчас, проходя к кухне, еще раз посмотреть на почерк. Может быть, я просто его не узнала... Нет, конверт слишком новый, не издалека... Из двадцати двенадцать пятьдесят — сколько будет сдачи? Семь пятьдесят, семь пятьдесят... Фаршированная щука! Да, одна! Ради Бога, Таточка, разве можно так из-за угла?

Щука лежит на полу.

— Дусенька, дорогая, простите! Я нечаянно, ей Богу, нечаянно!... (шопотом) Я сейчас подыму, никто здесь не видит. (Громко, на все помещение)—Я вам сейчас другую щуку притащу!

И шопотом опять Таточка добавляет:

— Эту самую съедят!

На мое счастье немногочисленная в тот вечер публика разошлась рано. Одна только парочка, расплатившись давно, засиделсь, заговорившись за столиком у самой елки. Я подошла поправить све-

чу. Золотой орех вдруг сорвался с ветки и шумно покатился под столик. И как по команде, оба вздрогнули, взглянули друг на друга, рассмеялись, сразу поднялись и торопливо ушли. И тут то я вытянула письмо из-под подноса и уселась за елкою у освободившегося столика почитать, пока остальные барышни с веселой болтовнею накрывали стол для нашего ужина, вдалеке, у самого буфета.

«Здравствуйте,
Милая незнакомка
Надежда Николаевна.

С месяц уже, и ежедневно, я не пропускаю того дня, чтобы только взглянуть на вас, дабы не терзать свое сердце и этим удовлетворить себя до известного своего времени.

Время это настало, теперь, и нет возможности далее молчать, потому и решил взять на себя смелость, и, сказать вам «12 слов» «Вы мне нравитесь, я вас люблю и хочу быть вашим мужем.

Мне 42 года, но выгляжу замечательно молодым, смело дают 35 л. Безукоризненно трезвый, ровного характера, добрый, в смысле здоровья замечательно сохранившийся, прекрасно воспитан в руках хороших родителей и сейчас здоров слава Богу, прекрасный отец семьи, потому что я уже был женат, ныне вдовец вот уже 12 лет тому назад, грязных прошлых не имею (извиняюсь за выражение). свободно могу дать счастливую семейную жизнь.

В данный момент служу в русском учреждении получаю 1000 (цифра перечеркнута) приличное жалованье и очень хотелось бы назвать вас подругой жизни т. е. женой закона. Одинок, скучаю, не кому приласкать, поговорить и поделиться. Был бы очень счастлив, если-бы вы взглянули в мою душу и серьезно решили бы ваше решение и не почтите во труд ответить мне, где и когда могу с вами встретиться и поговорить. Анонимкам не придаю значения, по-

этому называю свое имя отчество и фамилие. Анатолий Иванович Сундуков. Белград Джурска 45.

Гот. к услуг. и уваж.

А. Сундуков.»

А я-то надеялась, что от своих: от отца, от сестренки... хоть что-нибудь об Андрее, хоть когда-нибудь о нем... Ах, глупая, показалось. Потому что Сочельник...

Я глупая! Такие ведь письма, как это, бывали и раньше. Только грамотные и иногда даже красиво написанные.

И правда, не во всех говорилось о браке. Но писали их так же старательно и самоуверенно. Делали блестящее предложение — кельнерше.

А ответа им не было, как не будет и этому. Ответа от барышни из ресторана.

Я отодвинула стул еще глубже в темную хвою. Краснобокое яблоко качнулось и несколько раз прикоснулось к моему виску. Колко-пушистая ветка заслоняет лицо. И пахнет, и пахнет зимою... нет, летним леском... И на длинной шерстинке висит и поблескивает, вздрагивая, покачиваясь, яркоцветный, стеклянный шарик.

Это я ли сижу, в темном углу ресторана, в переднике, с подносом на коленях? Это я ли? В чужой стране...

И неужели же я никогда, никогда не получу дорогого письма?

МИНУТА

— Что разбита? Страшно? Больно? И кровь?
— Пустяки. Любовь.
— Что устала? И мысли, как тяжкий гнет?
— Пустяки. Пройдет.
— Одинока? Бессильна? И плачешь будто?
— Пустяки. Минута.

Александра Васильковская.

Н. Пугачев

СПЕЦ ПО МАЛЯРНОМУ ДЕЛУ

(Письмо друзьям из Америки).

... Вы, дорогие мои, которые неподходящих для трудовой жизни профессий — вроде как лауреаты премий за поэзию, или как Ировские чиновники по снабжению — не смущайтесь никак этим. Прите сюда смело!

Я вот приехал, например, таким дурак-дураком сюда. Мотаюсь, конечно, ищу работу по электрической специальности. На английском языке говорю вполне правильно (два месяца изучал на курсах УМКА перед отъездом), только американцы меня как-то слабо понимают, а я их почему-то никак.

Встречаю на свое счастье двух знакомых, по их словам профессоров хирургов. Устроились хорошо при большой клинике. Один ночным сторожем, а другой по еще более узкой специальности: чистильщиком каким-то.

— Братцы, говорю, помогайте! Мотаюсь, ноги побил, а службы никак найти не могу.

— Ну, говорят, дуракам везет. На той клинике, где мы работаем, взяли двух маляров окна красить, а один запил, на работу не выходит. Срочно гони туда!

— Вот, говорю, дармоед! Люди по улицам мотаются, работы ищут, а он от работы бегает. Только вот незадача: я не маляр! Я — инженер. Электрик. Ей Богу! У меня и диплом есть.

— И диплом, говорят, есть?

— Есть, говорю, друзья, есть. Как же без диплома можно? При себе завсегда ношу. И не копия какая липовая, а оригинал случайно сохранился. С

печатями!

— С печатями? А ну, покажи.

— Вот! — показываю. — Уважаемые профессора, обратите внимание на печати. По 100 марок в Мюнхене за каждую платил.

— Так чего ж ты к нам, осел этакий, обращаешься? Ты сиди и жди, когда «Вестингаус электрик компания» пригласит тебя на должность управляющего всего производства. Беспременно пригласит... Жди, в самом скором времени.

Повернулись и пошли.

— Постойте, кричу, черти полосатые! Да вы мне хоть скажите, на всякий случай, как маляр по-американски называется?

— Пэнтер, кричат, пэн-тер!

Почесал я затылок и подался в клинику.

— Ай эм пэнтер, виндоус специалист пэнтить.

Приводят меня в большую залу. Окон видимо-невидимо, все стены стеклянные. Стоит посередине мастер, солидный такой, краски разводит.

Вы есть пэнтер? — спрашивает.

А у меня и горло перехватило. Шутка что ли профессору можно сказать малярного искусства очки втирать? Я только головой мотнул — понимай сам, как знаешь, а за последствия я не отвечаю.

— Уэлл, — говорит. — Подводит меня к одной стеклянной стене, дает ведерко с краской, кисть без малого с лопату величиной и тряпочку небольшую.

— Вы, говорит, — эту стену красьте, а я буду другую. Если капнете краской на стекло, то тряпкой сразу вытирайте, а то краска быстро засыхает, потом не сдерешь.

Объяснил все это мне и словами и руками — понял я. Дело, думаю, несложное. Не в шашки играть!

Обмакнул я кисть в ведро. Ну, Господи, благослови! Как мазнул — мать честная! Так краска чуть

не пол окна залила. Я, конечно, скорей вытирать. Забрал поменьше краски, осторожненько провел,— опять течет, только поменьше. Так крашу и вытираю. Не столько этого крашенья, сколько вытиранья. Замучился вконец, аж пот с меня течет. Смотрю — с другого крыла, что окнами на мою сторону выходит, больные собрались, на меня показывают и смеются. Меня от неприятности в жар ударило. Чего они ржут, холеры, думаю. Виноват я что ли, что у них малярная техника так плохо поставлена? Переплет оконный — железный, тоненький, а кисть — как у нас заборы мажут. Рассердился, иду к мастеру.

— Дайте, говорю, мне соответствующую кисточку, тоненькую, «смол брешь». А эта лопата разве для такой тонкой работы? Этой, говорю, слонов только красить. Да и тряпок дайте побольше, чего жалеть, на этом не разживетесь.

А он плечами вздернул, но дал мне маленькую кисть, подходящую. Теперь дело пошло лучше. Мажется, конечно, но не так: подтирать успеваю. Повеселел даже я. Думаю, я вам покажу, как русские маляры работают! Марш «Победа» насвистываю. И не заметил, как два окна и прошел. Дай-ка, думаю, посмотрю, как у мастера дела идут. Да и тряпок еще нужно взять. Оглянулся — глазам не верю — он уж пол-стены своей лопатой отмахал. Шесть окон! И тряпкой не видно, чтобы подтирал. Ну, думаю, дело дрянь! В унынье пришел. Мажу, а сам на дверь поглядываю: кажись, пора удочки сматывать.

А мастер подходит ко мне: — Вот так, говорит, надо красить. И кистью — раз, два, три, четыре — внутренний переплетик готов и стекло чистое... Видит, что я нос повесил, похлопал меня по плечу, — ничего, говорит, пойдет!

Взял я опять большую кисть. Раз, два... а три

уж нет времени красить, подтирать нужно. Взяло тут меня зло. Не может быть, чтобы русский человек такой ерунды не осилил, посрамился! Не бывать этому! Стиснул зубы, работаю дальше, приловчился: лучше пошло.

На другой день еще лучше. На третий — и эту «смол брешь» и тряпки забросил, — орудую лопатой, марш насвистываю. В пятницу вечером говорят: расчет получай. Тут я признаться струхнул малость: это, думаю, значит катись, Петро, специалист «виндос» красить: ищи опять другую работу, неизвестно по какой специальности. Оказалось, нет! В понедельник на работу приходить, а долларов получил столько, сколько никогда в руках не держал. Даже в Мюнхене, когда спекуляцией занимался.

На радостях обоих профессоров — и сторожа, и того, прости Господи, чистильщика, в гости зазвал, американской водкой напоил, да и сам... Ну, да это к делу не относится.

Понравилось мое старание мастеру. Кончилась эта работа, он меня с собой на другую взял. И вот работаю теперь маляром в лучшем смысле. Живу, братцы не плохо. Прямо сказать — очень даже хорошо. Доллары-то здесь полноценные. А диплом в чемодан спрятал. На память.

Так-то вы, дорогие мои, гоните сюда смело! Дипломчики свои оригинальные и всяких композиций спрячьте, а на ручки поплюйте, да за работу,— и сами в люди выйдете.

1950. Калифорния.

Родион Березов

ДВЕ СИЛЫ

Соседки Акулина и Настасья поругались. С неделю злобились. Встретились нечаянно на речке — пришли за водой. Смущенно заулыбались. Домой пошли рядом. На плечах — коромысла с ведрами. У Акулины голубые, у Настасьи розовые. Вода не колыхалась: шагали медленно, нога в ногу, высокие, статные, красивые. Обе разом вздохнули: об одном думалось.

— Как мы недавно, кума, ругались-то с тобой, дуры ведь, как-есть дуры.

— А ты думаешь, еще не поругаемся? Э, на этот счет и зарока давать не надо: все равно не утерпим.

— Так неужто нельзя прожить без ругани?

— Кабы беса на свете не было, то может и ругань промеж людей не заводилась бы. А ведь этому нечистому неймется: только о том и думает, как бы сцепить людей.

— Люди — что... Ты погляди на цыпляток: манюсенькие, а как, бывает, дерутся-то... А ведь сердчишки-то у них меньше горошинки, где бы там злу поместиться?... Ан, нет, взъерошатся, всхохолятся, глазенки пронзительные, прыгают, как резиновые, по перышкам кровь льется...

— Так неужто и цыплят на драку бес подмывает?

— А кто ж, как не он? Ведь ему все-равно, кто бы ни дрался: люди ли, звери ли, птицы ли.

— Ах, вражище рогатый, ах, нечистая сила, да какая ж ему корысть от этого?

— Богу хочет досадить: «Ты, мол, меня с неба сверзил, так вот погляди, как Твоя тварь на земле грызется»...

— Так неужто «он» сильнее Бога?

— Да ты что, ополоумела что ли? Когда Бога во-время вспомнишь, бес всегда в дураках остается: хвост подожмет и скорей наутек.

— Эх, как бы мы почаще Бога вспоминали, жизнь совсем бы другая была.

Да вот то-то и оно, что мы насчет Божественного уж больно не догадливы, словно мозги-то у нас не человечьи, а, прямо сказать, цыплячьи...

Легко было на душе от таких разговоров. Светло. Празднично. Но вот одна забоялась и другая: как бы не слетело с языка нехорошее. Замолчали. Так то лучше. Шагали попрежнему мерно, степенно. Вода не колыхалась в голубых и розовых ведрах. (1949 г.)

Молния. Гром. Грохот.
Свист. Лязг. Жар. Свет.
Что это? Дьявольский хохот?
Нет.

Взрыв атомной бомбы.
Начало конца.
Изобретателям огнем бы
Выжечь сердца.

Кратер пламенем пышет.
Дым. А лава где?
Пусто. Никто не слышит.
Пепел везде.

Рады ученые. Они сила,
Завоюют мир.
А миру — могила.
Черту — пир.

Стонет земля набатом.
Тревога и страх растут.
Им, что разбили атом —
Страшный суд.

Елена Антонова.

† **Епископ Иоанн (Шаховской)**

ГИМН МАЛОМУ ДОБРУ

Многие люди думают, что жить по вере и исполнять волю Божию очень трудно. На самом деле — очень легко. Стоит лишь обратить внимание на мелочи, на пустяки и стараться отклоняться от зла в самых малых и легких вещах. Это — способ самый верный и простой войти в духовный мир и приблизиться к Богу. Человек, обычно, думает, что Творец требует от него очень больших дел, что Евангелие условием веры ставит крайнее самопожертвование человека, уничтожение его личности и т. д. Человек этим так пугается, что начинает страшиться в чем-либо приблизиться к Богу и прячется от Бога, не желая даже вникать в Слово Божие. «Все равно ничего не могу большого сделать для Бога, буду уж лучше в сторонке от духовного мира, не буду думать о вечном мире, а жить, «как живется».

У входа в религиозную область существует некий «гипноз больших дел»: надо делать какое-то большое дело, или не делать никакого. И люди не делают никакого дела для Бога и для души своей! Удивительно, — чем более предан человек мелочам жизни, тем менее именно в мелочах не хочет он быть честным, чистым, верным Богу. А между тем, через правильное отношение к мелочам должен пройти всякий человек, желающий приблизиться к Царству Божию.

«Желающий приблизиться»... Тут именно и кроется вся трудность религиозных путей человека. Обычно он хочет войти в Царство Божие совершенно для себя неожиданно, магически-чудесно, или же — по праву, через какой-либо свой великий подвиг. Но ни то, ни другое не есть истинное

нахождение высшего мира. Ни магически-чудесно входит человек к Богу, оставаясь чуждым на земле интересам Царствия Божия и светлой вечности, ни покупает он ценностей Царствия Божия каким-либо внешним поступком своим, как бы ни был велик этот поступок. Поступки добрые, святые нужны для привития к человеку жизни высшей, воли светлой, желания добра, психологии небесной, сердца чистого и правдивого.

И именно через малые, ежедневные поступки это все может привиться и укрепиться в человеке. Мелкие хорошие поступки — это вода на цветок личности человеческой. Совсем не обязательно вылить на требующий воды цветок море воды. Можно вылить полстакана, и это для жизни цветка будет иметь уже большое жизненное значение. Совсем не надо человеку голодному и долго голодавшему съедать полпуда хлеба, — достаточно съесть полфунта, и уже его организм воспрянет.

Жизнь сама дает удивительное подобие и образы важности маленьких вещей. В медицине, которая всегда имеет дело с малыми и строго ограниченными количествами лекарственных веществ, существует еще целая гомеопатическая наука, признающая лишь совершенно малые лекарственные величины на том основании, что наш организм сам вырабатывает чрезвычайно малые количества ценных для него веществ, довольствуясь ими для поддержания и расцвета своей жизни.

И хотелось бы остановить внимание всякого человека на совсем малых, очень легких для него и, однако, чрезвычайно нужных вещах.

«Истинно, истинно говорю вам, кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, не потеряет награды своей». В этом слове Господнем — высшее выражение малости добра. «Стакан воды» это — не много. Пале-

стина во времена Спасителя не была пустыней, как в наши дни, — она была цветущей, орошенной страной, и стакан воды был очень небольшой величиной, но, конечно, практически ценной в то время, когда люди путешествовали большей частью пешком. Но Господь не ограничивается указанием на малый стакан воды холодной, — Он еще говорит, чтоб его подавали хотя бы «во имя ученика». Это — примечательная подробность... И на ней надо внимательно остановиться.

Лучшее творение всего в жизни есть творение во имя Христово, во имя Господне. Благословен грядущий — в каком-либо смысле — во имя Христа. Имя Христово придает всем вещам и поступкам вечную ценность, как бы ни были малы поступки. И жертвенная любовь человеческая, на которой всегда лежит отсвет любви Христовой, делает значительным и драгоценным всякое слово, всякий жест, всякую слезу, всякую улыбку, всякий взгляд человека. И вот, Господь ясно говорит, что даже не во Имя Его, а только во Имя Его ученика, сделанное маленькое добро есть уже великая ценность в вечности. «Во Имя ученика», это — предел связи с Его Духом, Его делом, Его Жизнию.

Во всяком общении человеческом должен непременно быть дух добрый. Христос, либо в явном его явлении, либо в скрытом.

«Во Имя ученика» это — самая первая ступень общения с другим человеком во Имя самого Господа Иисуса Христа. Многие, еще не знающие Господа и дивного общения во Имя Его, уже имеют между собою это бескорыстное, чистое общение человеческое, приближающее их Духу Христову. И на этой первой ступени добра, о котором Господь сказал, как о подаче стакана холодной воды «только во Имя ученика», могут стоять многие. Лучше сказать — все. Также правильно понимать эти сло-

ва Христовы буквально и стремиться помочь всякому человеку. Ни единое мгновение подобного общения не будет забыто перед Богом, как «ни единая малая птица не будет забыта перед Отцом Небесным». (Лук. XII,6).

Спасение людей в том, что они могут привиться к стволу вечного Древа Жизни чрез самый ничтожный поступок добра. К дикой яблоне совсем не надо прививать целый ствол яблони доброй. Достаточно взять малый черенок и привить его к одной из ветвей дичка. Также, чтобы вскшасить бочку с тестом, совсем не надо смешивать его с другой бочкой дрожжей. Достаточно положить совсем немного дрожжей, и вся бочка вскиснет. Так же и в добре. Самое маленькое может произвести огромное действие. Вот отчего не надо пренебрегать мелочами в добре и говорить себе: «Большого добра не могу сделать, — не буду заботиться ни о каком добре».

Сколь даже самое малое добро полезно для человека, можно неоспоримо доказать из того, что самое малое зло для него чрезвычайно вредно. Попала нам соринка в глаз: глаз уже ничего не видит, слезит, и даже другим глазом смотреть в это время трудно. Маленькое зло, попавшее, как соринка, в глаз души, уже сейчас же выводит человека из строя настоящей жизни. Пустяшное добро: вынуть себе или другому человеку соринку из глаза, тела или души, — но это добро, без которого нельзя жить.

Поистине, малое добро даже более необходимо человечеству, чем большое. Без большого проживут люди; без малого не проживут. Гибнет человечество не от недостатка большого добра, а от недостатка именно малого добра. Большое добро есть лишь крыша, возведенная на стенах-кирпичах малого добра.

Малое, легкое добро оставил на земле Творец для человека, взяв все великое на себя. И тут, кто творит малое, тот творит — через того Сам Творец творит великое. Малое наше Творец творит Своим великим. Ибо Господь наш — Творец, из ничего создавший все, тем более из малого может сотворить великое. Но даже малому движению вверх противостоит воздух и земля. Всякому, даже самому малому и легкому, добру противостоит косность человеческая. Эту косность Спаситель выявил в совсем короткой притче: «...никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого; ибо говорит: старое лучше». (Лук. V,39).

Вот это убеждение, что старое, известное и привычное состояние всегда лучше нового, неизвестного, присуще всякому непросветленному человеку. Только начавшие возрастать, вступившие на путь алкания и жажды Правды Христовой и духовно обнищавшие перестают жалеть свою косность, недвижность своих добытых в жизни и жизнию согретых гнезд... Трудно человечество отрывается от привычного. Этим оно себя, отчасти может быть, и сохраняет от необузданной дерзости зла. Устойчивость ног в болоте иногда мешает человечеству броситься головой в бездну. Но более часто болото мешает человеку войти на гору боговедения.

Но через малое, легкое, с наибольшей легкостью совершаемое дело, человек привыкает к добру и начинает ему служить от сердца, искренно, и через это **входит в атмосферу добра,** пускает корни своей жизни в новую почву, почву добра. Корни жизни человеческой легко приспособляются к этой почве добра и вскоре уже не могут без нее жить... Так спасается человек: — от малого происходит великое. «Верный в малом» оказывается «верным в великом».

Оставьте в стороне все рассуждения: позволи-

тельно или не позволительно убивать миллионы людей, женщин, детей и стариков, попробуйте проявить свое нравственное чувство в пустяке: не убейте ни разу личности вашего близкого, ни словом, ни намеком, ни жестом.

Не гневайтесь по мелочам на «брата своего напрасно»; (Мф.V,22); не говорите в ежедневном житейском обиходе неправды ближнему своему. Пустяки, мелочь, ничтожество, но попробуйте это исполнить и вы увидите, что из этого выйдет.

Трудно ночью молиться. Но вникните утром, если не можете дома, то хотя бы когда едете к месту своей службы, и мысль ваша свободна, вникните в «Отче наш», и пусть в сердце вашем отзовутся слова этой краткой молитвы. И на ночь предайте себя от всего сердца в Руки Небесного Отца. Это — совсем легко...

И подавайте, подавайте стакан холодной воды всякому, кто будет нуждаться, подавайте стакан, наполненный самым простым участием всякому человеку, нуждающемуся в нем. Этой воды на всяком месте целые реки, — не бойтесь, не оскудеете, — почерпните для каждого по стакану.

Дивный путь МАЛЫХ ДЕЛ, пою тебе гимн! Окружайте, люди, себя, опоясывайте малыми делами добра — цепью малых, простых, легких, ничего нам не стоящих добрых чувств, светлых мыслей, слов и дел. Оставим большое и трудное. Оно для всех, кто любит его, а не для нас, еще не полюбивших большого; Господь Милостию Своею приготовил, разлил всюду, как воду и воздух, малую любовь. Эта малая, но непрестанная любовь есть неугасимая лампада Богу в Храме души. Она есть тихое дыхание человеческое, без которого у человека нет жизни...

Н. Лосский

ВНЕЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Лондонское Общество Психологических Исследований и американский профессор Rhine произвели множество опытов и статистически доказали существование у человека такой способности, как внечувственное восприятие. Райн производил следующие опыты: предметом восприятия служили пять карточек, на которых нарисованы круг, квадрат, треугольник, крест, волнистая линия; одна из таких карточек клалась нарисованною стороною вниз позади экрана, перед которым сидел испытуемый субъект; при этом сам экспериментатор не знал, которую из карточек он клал на экран. При множестве опытов количество правильных ответов получалось у многих субъектов большее, чем одна пятая. Таким образом статистически доказано, что правильные ответы происходят у таких субъектов не случайно, но возникают действительно благодаря внечувственному восприятию.

Объяснение того, как возможно внечувственное восприятие, может быть дано метафизикою персонализма в сочетании с гносеологиею интуитивизма, т. е. учения о непосредственном восприятии нами не только наших чувств и желаний, но и предметов внешнего мира. (Изложение такой системы философии можно найти в моем «Общедоступном введении в философию», изд. «Посева», 1956 г.).

Персонализм есть учение о том, что весь мир состоит из личностей, действительных, как напр. человек, или, по крайней мере, потенциальных, т. е. способных развиваться и стать действительною личностью. Всем известный образец персонализма есть монадология Лейбница. Согласно его учению, даже атомы, а в наше время, скажем, даже электроны,

протоны и т. п. суть потенциальные личности. Даже и такие мало развитые существа творят не только материальные процессы отталкивания и притяжения, но и переживают внутренние состояния, бессознательные психоидные процессы, отличающиеся от наших психических процессов лишь своею крайнею упрощенностью. Обладая внутреннею жизнью, потенциальные личности под влиянием опыта развиваются: вступая в союз друг с другом, именно образуя атомы, далее молекулы, организмы, они вырабатывают все более сложную жизнь и, наконец, становятся действительными личностями.

«Я» всякой личности есть существо сверхвременное и сверхпространственное, но свою жизнь, т.е. чувства, стремления и поступки «я» творит, придавая им форму времени, (психические или психоидные процессы) или же пространственно-временную форму, напр. материальные процессы отталкивания, притяжения, движения. Сверхвременное существо, творящее свои проявления во времени, называется в философии субстанциею. Будем лучше заменять слово субстанция термином **субстанциальный деятель,** чтобы подчеркнуть активность его.

Лейбниц утверждал, что монады (личности) «не имеют ни окон, ни дверей»; бытие каждой личности он считал сполна обособленным от других личностей. Такое учение о раздробленности мира не правильно. Каждый деятель творит свои проявления во времени и пространстве согласно одним и тем же принципам строения времени, пространства и математическим идеям, которые не сходны друг с другом, а буквально **тождественны.** Как носители тождественных формальных принципов строения мира, субстанциальные деятели **единосущны** друг с другом. Плотин превосходно пояснил единосущие личностей посредством следующего образа: человечество состоит из множества людей, которые

смотрят в разные стороны, но затылок у них — общий. Конечно, это единосущие лишь частичное, однако и оно создает такую интимную связь между деятелями, что переживания каждой личности существуют не только для нее самой, но, хотя бы бессознательно, и для всех остальных личностей, т.е. для всего мира. Отсюда получается важное следствие для гносеологии, т. е. теории свойств истины. Если я направляю акты сознавания, внимания и различения на предмет внешнего мира, он становится опознанным мною в подлиннике, а не посредством субъективных образов, символов и т. п. Такое непосредственное созерцание нами предметов в подлиннике можно назвать словом ИНТУИЦИЯ.

Если мы непосредственно воспринимаем предметы внешнего мира в подлиннике, то возникает вопрос, зачем же нам нужны органы чувств, глаза, уши, осязание. Согласно теории, выработанной Галилеем, Гоббсом, Декартом, раздражение органов чувств суть причина, порождающая в нашей душевной жизни субъективный образ предмета внешнего мира. Назовем такую теорию термином **каузальная** теория восприятия (causa — причина). Интуитивист Бергсон отверг каузальную теорию восприятия: согласно его учению, физиологические процессы в органах чувств и в центрах мозга не творят восприятия, они служат только поводом, подстрекающим наше «я» направить внимание на самый предмет внешнего мира, задевший наше тело и могущий быть полезным или вредным для нас. К сожалению, интуитивизм Бергсона был лишь частичный: не все акты знания он считает интуитивными. Научное знание о систематическом строении мира, выразимое в рациональных понятиях, он считал, подобно Канту, субъективною конструкциею нашего рассудка, а не созерцанием подлинной действительности. В дополнение к деятельности рас-

судка у нас, по его учению, есть еще способность интуиции, как созерцания творческой живой действительности, которая невыразима в рациональных понятиях.

Всесторонний интуитивизм, согласно которому все акты знания суть различные виды интуиции, разрабатывается мною в течение пятидесяти лет. («Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» УМСА Пресс, Париж 1938).

В книге «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» подробно изложено учение о том, что чувственные качества предметов, цвета, звуки и т. п. суть не субъективные наши ощущения, а свойства самих материальных процессов внешнего мира; интеллектуальная интуиция есть созерцание нами идеальной стороны мира, обусловливающей систематическое строение его; мистическая интуиция есть источник религиозного опыта.

Согласно интуитивизму, самое обыкновенное чувственное восприятие, напр. видение глазами дерева на расстоянии десяти метров от меня, есть своего рода ясновидение, потому что раздражение глаза и зрительных центров мозга есть только повод для того, чтобы мое «я» совершило акт ясновидения в пространстве. Бергсон говорит, что в процессе эволюции для целей самосохранения выработались органы чувств, сигнализирующие о появлении предмета, могущего быть полезным или вредным для нас, и побуждающие наше «я» направить внимание на такой предмет, а не заниматься восприятием вещей, не имеющих практического значения для нас.

Вследствие единосущия всех деятелей, переживания и свойства каждого из них существуют не только для него, но бессознательно и для всех существ всего мира. Отсюда следует, что раздражение органов чувств не есть необходимое условие

восприятия. В некоторых важных случаях восприятие предметов внешнего мира может произойти и без раздражения органов чувств. Смерть, болезнь, опасное положение лиц, близких нам, бессознательно волнует нас, как бы далеко они ни находились от нас; следовательно, такие события могут и без раздражения органов чувств привлечь к себе наше внимание и быть воспринятыми.

Многие лица обладают способностью возводить в сферу своего сознания и менее важные события, имеющие значение для их жизни. Например, многие лица, ложась спать, решают, что встанут в таком то часу утра, и действительно просыпаются точно в то время, когда стрелка их часов указывает намеченное ими время. Вероятно, в большинстве случаев это явление есть результат внечувственного восприятия положения стрелки часов. Опыты профессора Райна доказали, что если человек напряженно сосредоточивает внимание даже и на предмете, не имеющем значения для его жизни, он во многих случаях осуществляет внечувственное восприятие его. Все такие явления и даже ясновидение во времени объясняются изложенным выше учением о бессознательной связи человеческого «я» со всем миром. Они становятся понятными, если мы откажемся от каузальной теории восприятия и примем учение, согласно которому даже и обыкновенное чувственноое восприятие есть своего рода ясновидение.

Е. Грот

КОРНИ ТВОРЧЕСТВА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Он не любил рассказывать лично о себе, биографию свою по мере возможности скрывал. Официальный советский критик Воронской писал уже после смерти Есенина: — «Биография поэта мало известна: по причинам ему только ведомым, он скрывал и прятал ее».
Особенно не любил Есенин сообщать «властям» правду о своем дедушке. Он утверждал порой, что дед его умер, или изображал его в своих рассказах человеком веселым и легкомысленным, любителем устраивать разные деревенские любовные интрижки. Все это было со стороны Есенина чистой ложью. Дед его был старообрядцем-начетчиком, то-есть, по определению профессора И. Розанова, «хранителем исконной древнерусской культуры, которую заслонила у нас внешняя европеизация 18 и 19 веков». Дед был начетчиком, то есть человеком глубоко религиозным! Вполне понятно, что Есенин, глубоко любя деда, боялся за его участь и скрывал от безбожных властей истину. Вот официальная» биография поэта, данная им самим тем, «кому ведать надлежало».

«Родился 21 сент. 1895 года в селе Константинове, Рязанской губернии. Кончил церковно-учи тельскую школу. Готовился в Московский Учительский Институт. Посещал полтора года университет Шанявского. В 1919 году вместе с другими опубликовал «манифест имажинизма». Эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой... В годы революции был всецело на стороне Октября, но понимал все с крестьянским уклоном. Теперь меня тянет больше всего к Пушкину».

Среди публики многие все еще, кажется, думают, что Есенин был всего лишь «крестьянином-

самородком», почти необразованным деревенским парнем. Это мнение создалось, конечно, как результат его появления перед публикой на вечерах «ряженым пейзаном». Однако церковно-учительская школа, оконченная Есениным, вовсе не была «церковно-приходской» школой, да и происходил Есенин не из «простой мужичьей избы». Тот же профессор И. Розанов указывает:

«Есенин кончил Учительскую Школу, что-то вроде Учительской семинарии, где преподавание было поставлено довольно высоко... Происходил Есенин не из рядового крестьянства, а из верхнего, умудренного книжностью... Есенин с увлечением говорил, считая себя знатоком в этой области, о древнерусских книжных миниатюрах, заставках, орнаменте и особенно о «Слове о полку Игореве».

Небольшая книжка Есенина «Ключи Марии», изданная в 1918 году, была целиком посвящена истории и толкованию русского народного орнамента. По отзывам такого известного лица, как Сергей Городецкий, Есенин проявил в этой области «большое знание дела».

«Ключи Марии» являются также ключем ко всей поэзии и психике Есенина.

По собственным словам поэта, в русском народе жила вера в происхождение человека от дерева.

«Наши бахари орнамента... увидели через листья своих ногтей, через пальцы ветвей, через сучья рук и через ствол туловища с ногами-обозначающими коренья, что мы суть чада древа, семья того вселенского дуба, под которым Авраам встречает Св. Троицу. На происхождение человека от древа указывает и наша былина **«О хоробром Егории»;** — «У них волосы — трава, телеса — кора древесная».

В этих верованиях, представляющих из себя странное слияние христианства и язычества, Есенин

напоминает тех старообрядцев и жителей скитов, о которых писал Мельников-Печерский в книге «В лесах». Рассматривая лексику Есенина, можно явно, даже не зная ничего о его происхождении, установить связь поэта с старообрядчеством.

Народ русский, согласно «Ключам Марии», хранит скрытую веру в переселение душ. Эта вера является для него «узлом слияния мира потустороннего с миром видимым».

Самое название первых книг и поэм Есенина явно связано с религиозными настроениями, отдает Библией, старообрядческими легендами и традициями: — «Октоих». «Преображение». «Радуница». «Голубень»... Даже революцию Есенин приветствовал поэмой «Иорданская Голубица».

Все время в его стихах упоминаются каноны, монашки, скуфейки, ладан. У него даже воробей «псалтирь читает». Воспоминания детства поэта: «божница старая, лампады кроткий свет». Березки его «кадят листвой»... «И мыслил и читал я по Библии ветров, и пас со мной Исайя моих златых коров», пишет Есенин. В «недрах болотных» для него все еще живут не то языческие страхи, не то христианская «нечистая сила».

Показательно следующее стихотворение:

«Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.
На резных окошках — ленты и кусты.
Я пойду к обедне, плакать на цветы».

Здесь мы имеем прямое указание на старообрядческий обычай, упомянутый Мельниковым-Печерским. В Троицын день, чтобы получить отпущение грехов, надо было «плакать на цветы» так, чтобы на каждый лепесток цветка из праздничного букета упала слезинка.

В. Завалишин справедливо замечает, что вся «Инония» Есенина носит отпечаток легенды о «Бе-

ловодье». Подробности этой старообрядческой легенды и историю поисков народом Беловодья дает нам Мельников-Печерский в книге «В лесах».

Есенин, говоря о русском мужике, вполне ясно указывает на старообрядческие корни своего миросозерцания:

...но гонишь ты (мужик) лихо
Двуперстным крестом.
(Поэма «Отчарь»)

Также читаем мы у Есенина:

«Чую Радуницу Божью,
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.
Между сосен, между елок,
Меж дерев кудрявых бус,
Под венком в кольце иголок
Мне мерещится Исус.

Ритм здесь непременно требует старообрядческого произношения и начертания ИСУС, а не ИИСУС. То же мы встречаем и во всех других произведениях Есенина.

«Мать-земля» (молитва земле — остаток древнего русского язычества) для Есенина «черница» и, добавляет он, соединяя язычество и христианство: «все мы тесная родня». —«Молюсь дымящейся земле о невозвратных и далеких». Указание на существование у старообрядцев молитвы земле мы находим у Бунина, («Аглая») и у Шмелева («Лето Господне»).

И среди всех этих образов проходит один, никогда не исчезнувший из творчества Есенина, лейтмотив: — родство человека с деревом и, наоборот, дерева с человеком. Это даже не родство, а слияние, единосущие.

Березка-женщина, которую можно любить и обнимать:

«Зеленая прическа, девическая грудь,
О, тонкая березка, что загляделась в пруд?
Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум...»

Или:

«...дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна,
Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку»... и т. д.

Сам Есенин постоянно в самом себе ощущает эту древесную жизнь: «хорошо ивняком при дороге сторожить задремавшую Русь». «Хорошо бы, как ветками ива, опрокинуться в розовость вод». «Хорошо под осеннюю свежесть душу-яблоню ветром стряхать». «Я учусь, учусь моим сердцем цвет черемух в глазах беречь». «Я хотел бы стоять, как дерево, при дороге на одной ноге». «Я хотел бы под конские храпы обниматься с соседним кустом».

Позже в этих, одолевающих поэта, образах появляется стон, в них звучит трагическая мука, рыдает безнадежность, слышится черная дума о смерти:

«Ах, увял головы моей куст...» «И золотеющая осень, в березах убавляя сок, о всех, кого любил и бросил, листвою плачет на песок»... «Листья» падают, листья падают...»

Ощущая свое родство с деревом, Есенин связывает свою жизнь с одним, определенным деревом: с кленом, росшим перед его родным домом. Клен растет, крепнет, потом подгнивает и гибнет,

как сам поэт.

«Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет».

(1910 год)

«Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.
И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож».

(1918 год)

«Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь, с верхушкою зеленой?
Попрежнему ль крепка его кора?

(1920 год)

«Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...»

(1921 год)

«Ныне юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен».

(1924 год)

«Эй вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.
Мы к нему подъедем, спросим — что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

(3 окт. 1925 года)

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
....

Ах, и сам я нынче что-то стал не стойкий,
Не дойду до дому с дружеской попойки.
....
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а во-всю зеленым.
(Ноябрь, 1925 года)

И, наконец, страшное заключение:

«За окном протяжный ветр рыдает,
Как будто чуя близость похорон.
Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло небу о былом.
Какой он клен?
Он просто столб позорный,—
На нем бы вешать,
Иль отдать на слом.
И первого меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной,
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать стране родной.
Себя усопшего в гробу я вижу...»

Так «под знаком клена» прошла вся жизнь поэта, и до конца остался он верен народному «знаку древа», даже до смерти. Впрочем, он утверждал, что «...ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть».

«Все — от древа — вот религия мысли нашего народа, но празднество этой Каны и было и будет понятно весьма немногим. Исследователи древне русской письменности и строительного орнамента,» (говорит Есенин в «Ключах Марии») — «забыли, что... музыка и эпос родились у нас вместе через знак древа... Свидетельство этому — наш непоясненный и неразгадан-

ный никем бытовой орнамент».

Дальше поэт утверждает, что русский орнамент — коньки, петухи, голуби, украшающие, как резьба, крестьянские избы, а также вышивки: цветы, кресты, ветки на полотенцах и белье не представляют из себя просто «узорочья». Они имеют глубокий смысл:

«Это великая, значная эпопея исходу мира и назначению человека. Конь, как в греческой, египетской, римской, так и русской мифологии есть знак устремления».

(Конь и быстро мчащаяся тройка — обычный образ, встречающийся в стихах Есенина).

«Но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице... Я еду к Тебе в Твои луга и пастбища, говорит наш мужик, запрокидывая голову конька в небо. Такое отношение к вечности, как к родительскому очагу, проглядывает и в символе нашего петуха на ставнях. Известно, что петух встает вместе с солнцем... и крестьянин не напрасно посадил его себе на ставню: — здесь живет человек, исполняющий долг жизни по солнцу».

В этих словах мы можем расшифровать и остаток языческого поклонения Яриле-солнцу и «скрытое», как признается Есенин, верование в переселение душ, и старообрядческо-христианское представление о рае, где живут Исус и «возлюбленная Мати».

Все эти символы повторяются в стихах Есенина.

«Полюбил я мир и вечность, как родительский очаг». — «Все в них благостно и свято, все тревожное светло». «Придем мы по равнинам к правде сошьего креста, светом книги голубиной напоить свои уста». «В незримых пашнях растут слова».

И также:

«Братья мои люди, люди!
Все мы, все, когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный путь.»
....
«Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам».

Голубь, означающий по Есенину «осенение кротостью», ставится над крестьянским крыльцом, как бы благословляя входящих и уходящих. Все почти предметы в мировоззрении крестьянина «живут и молятся». Даже вышивка крестиком, все эти полотенца, наволочки, простыни — все имеет свой особый смысл, свою символику, понятную только крестьянину-пахарю.

«... с торжественностью музыки здесь переплетаются цветы, кресты и ветви. Древо... ни на чем не вышивается, кроме полотенца... Древо — жизнь. Каждое утро, встав от сна, мы омываем лицо свое водою. Вода есть символ очищения и крещение во имя нового дня. Вытирая лицо свое о холст с изображением дерева, наш народ немо говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов вытираться листвою, что он помнит себя семенем надмирного древа... Цветы на постельном белье означают царство сада, или отдых отдавшего день труду на плодах своих».

Все эти образы и символы нетрудно найти в поэзии Есенина. Весь мир, отразившийся в крестьянских сказках и песнях, по утверждению Есенина, похож на «вечно светящийся Фавор», где все является в новом, преображенном виде. Он часто употребляет старинные русские и старообрядчес-

кие религиозные образы, которые читатели принимали иногда, по неведению, за оскорбительные и кощунственные. Смысл некоторых образов нам открывают «Ключи Марии». Так, красный угол в избе это — заря, потолок — небесный свод, матица — млечный путь. Солнце уподобляется колесу, или тельцу. («Колесом за сини горы солнце красное скатилось»... «И невольно в море хлеба рвется образ с языка: отелившееся небо лижет красного телка»).

Облака, оказывается, «рычат, как волки». (У Есенина: «Облаки лают, ревет златозубая высь»). Луна — хлебная коврига. ((Ковригой хлебною под сводом надломлена твоя луна»). Улетающие птицы — образы отходящих в иной мир душ:

«Гусей крикливых стая
Несется к облакам.
То душ преображенных
Неисчислима рать
С озер поднявшись сонных
Летит в небесный сад».

Впоследствии эти знакомые образы окрашиваются горечью и мукой, но не исчезают из стихов Есенина.

Революция смела во прах источник вдохновения Есенина. Все его мировоззрение, все его поэтические образы оказались чужды и даже враждебны новому безбожному миру. Самой сущности поэзии Есенина новая Русь противопоставила отрицание религии, полное безбожие и безверие. Действительно ли потерял поэт свою веру, вступив на путь богоборчества и богохуления? Не нам судить! Факт остается фактом: поэт покатился по наклонной плоскости, падая все ниже и ниже.

Невольно вспоминается характеристика старообрядчества, данная Горьким в его книге «В лю-

дях». Горький встречал на Волге много старообрядцев и пришел к заключению, что их вера, на первый взгляд такая крепкая, в сущности носила характер пассивного упорства.

«Когда какой-либо удар извне сбрасывает их с привычного места, они механически катятся вниз, точно камень с горы».

(М. Горький. «В людях». гл. 12).

Так погиб Сергей Есенин. Но в смерти, когда личина, насильно надетая на поэта жизнью, упала с лица его, он явился людям самим собою. В гробу, как записал очевидец:

«Лицо мертвеца» было «церковное и скорбное, у переносья и под глазами — ожоги от трубы парового отопления — последнее целование».

Драма жизни закончилась, герой снял грим и ушел.

Но остались люди... Осталась бесконечно любимая им родина — Русь. Ей он был беззаветно предан, но и она, любимая, как и другие им любимые, оттолкнула его. Русь его убила.

Остались люди, чтобы хранить память того, кого при жизни они понять до конца не сумели...

И остались его горькие, безнадежно трагические, надрывные слова — слова его навсегда живых песен...

«И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком».

Марианна Полторацкая

ИЗ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

1. К 900-летию ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

«Молю же всех читающих: не кляните мя, но, исправив, почитайте».
(Из Остромирова Евангелия)

Близится к концу уже девятое столетие с того времени, когда появилась рукописная русская книга ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ.

Писалась эта книга на Руси, в Киеве, матери городов русских; писал ее русский священнослужитель, дьякон Григорий; предназначалась она для русского правителя — Остромира, посадника новгородского. А вместе с ним и для Господина Великого Новгорода.

И хотя оригиналом для писца служил церковно-славянский текст, но по нему узором вьется живая русская речь, что слышалась тогда от «озера Ильменя до моря Руськаго». Русский взлет художества сказывается и в артистически вырисованных письменах, и в хитро сплетенных заставках, и в причудливых КРАСНЫХ СТРОКАХ...

С Священным Писанием сплетаются летописные сказания о древней Руси. Говорит дьякон Григорий и о княжеской родословной, и о порядке княжения, и чему он сам был «свидетель и послух»:

«Изяславу же князю тогда предержащу обе власти (волости, т. е. владения): и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира. Сам же Изяслав князь правляше стол (престол) отца своего Ярослава в Киеве. А брата своего стол поручи правити близоку (родственнику) своему Остромиру в Новгороде».

Остромир пожелал иметь Евангелие для Нов-

города и обратился к князю Изяславу в Киев, где уже начала процветать книжность. Князь Изяслав поручил это священное дело искусному писцу и художнику, дьякону Григорию.

Так появилась 900 лет тому назад на Руси — не привезенная из чужих стран, а в отечестве созданная — первая русская рукописная книга. И потому 900-летие Остромирова Евангелия должно отмечать, как национальное празднество.

* * *

Уже само имя Остромир вводит нас в глубь Древней Руси. Крестили его христианским именем Иосиф, но оно не привилось к нему. Новгородцы величали своего посадника исконно по ильменскому обычаю: Остромир.

Остромирово Евангелие — это Евангелие апракос. Это значит: евангельские чтения в церкви при богослужении в течение всего года, начиная от Пасхи. Это священная книга, просветлявшая наших далеких предков. Она же внушала молитвенность и идущим за ними поколениям.

Прославлением Господа заканчивает дьякон Григорий свой благочестивый труд:

> «Слава Тебе Господи Царю Небесный, яко сподобил мя написати Евангелие се. Почах же писати в леть 6564, а окончих в лето 6565 (1056 — 1057). Написах же Евангелие се рабу Божию наречену сущу в крещении Иосиф, а мирски Остромир».

И высоко ценя религиозное рвение Остромира, дьякон Григорий возносит молитву за него и за его семейство:

> «Многа же лета даруй Бог стяжавшему Евангелие се, да иже горазне (искуснее) напише, то не моги зазрети (осудить) мне грешнику. Мо-

лю же всех читающих, не кляните мя, но исправив, почитайте».

* * *

На мою жизненную долю выпало редкое счастье: я не только видела Остромирово Евангелие, но я держала его в руках, переворачивала его пергаментные листы — всего 294, вчитывалась в его строки, вглядывалась в каждую гравюру, в заставки и концовки, в расписные золотом и алой киноварью титульные буквы. От книги веял на меня нетленный дух веков.

Остромирово Евангелие долгое время хранилось в Новгородском Софийском Соборе, затем было перевезено в Москву, как общенациональная реликвия, а при Петре Великом — в новую столицу Санкт Петербург. С основанием Императорской Публичной библиотеки, в начале 19-го столетия, Остромирово Евангелие было помещено в Рукописное отделение библиотеки. И вот именно там, в русском древлехранилище, мне выпало счастье непосредственно созерцать этот живой исток нашей отечественной книжности. На углу Невского и Садовой возвышается громадное здание, занимающее целый квартал прилегающих к нему улиц. Это, собственно говоря, **книжный городок**, или по-старинному: **книжный двор.** Полтора столетия уже он наполняется книгами со всей России и со всего света. И девиз его:

«Книжные словесы суть реки, напояющие
вселенную».

Внутри здания царит тишина храма. Вы охватываетесь этим чувством, как только вступаете в него. Ковры заглушают шаги, и вы в безмолвии спускаетесь по узкой, кружащейся винтом, лестнице, глубоко в подземелье. Туда не проникает ни дневной свет, ни шум улицы. Вы переноситесь из оглушительного 20-го века в безмолвную старину.

Вся злоба «дневи сего» осталась наверху, на земле. Вас охватывает спокойное величие давно ушедшей жизни; вы как будто слышите манящий голос предков.

Низкие сводчатые залы; полы, стены, потолки —обиты пушистым сукном. Свет льется сверху, как из церковных паникадил. Все помещение напоминает покои в Кремлевских древних палатах.

Вдоль стен, на полках за стеклом лежат рукописи. Их здесь тысячи. Наиболее ветхие свитки хранятся в особых «укладках» — в темных дубовых сундуках с тонкой кружевной резьбой.

В главном зале, совершенно круглом, без углов, на высоком парчевом аналое лежит ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ — большая массивная книга в тяжелом деревянном переплете, обтянутом кожей, с металлическими застежками. А перед Евангелием белая мраморная скульптура Антокольского: Летописец Нестор в монашеском клобуке и мантии, с гусиным пером в руке. На коленях у летописца развернутая хартия, и в ней будто только что выведенные слова:

> «Се повести временных лет, откуда есть пошла Руськая земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руськая земля стала есть».

И тут же, у высокого пьедестала статуи, за своим рабочим столом, сидит маленький, согбенный книжник нашего времени — академик Иван Афанасьевич Бычков. Он несменный хранитель Рукописного Отдела. Свою должность он принял наследственно от отца, который был первым куратором Древлехранилища, с основания библиотеки. Иван Афанасьевич родился и вырос в здании Публичной библиотеки. Над ним дружески подшучивали, что в детстве он не знал иных игрушек, кроме манускриптов да «хронологической пыли бытописания земли».

Когда я познакомилась с Иваном Афанасьевичем (1935-36 гг.), ему было уже 80 лет. Не знаю его судьбы после войны, но вплоть до войны он попрежнему преданно охранял рукописи и неутомимо подготовлял новые издания русских древностей. Его знания всех рукописей, вплоть до почерка каждого писца, были поразительны.

Бывало, всматриваешься через лупу в витиеватую вязь средневековья, или, что еще труднее, в размашистый почерк Петра Великого с буйными, как и его натура, росчерками, и никак не можешь разобрать того или иного слова. Обратишься к Ивану Афанасьевичу за помощью, и он без замедления прочтет слово — без лупы, только поднесет рукопись почти вплотную к глазам.

К Остромирову Евангелию Иван Афанасьевич относился, как к святыне. Оно было для него предметом благоговения и духовной гордости.

* * *

Так в моем представлении слились эти три образа в единое, нераздельное, вечное: Остромирово Евангелие на златотканном аналое, белый мраморный Летописец и Хранитель Русских письменных древностей — академик Бычков. Мысли и благодарные чувства нахлынули на меня в 900-летнюю годовщину первой рукописной книги на Руси — Остромирова Евангелия.

---

2. О Толковом Словаре Русского Языка под редакцией проф. Д. Н. Ушакова (1935-1940)

(К 20-летию выхода 1-го тома словаря)

Но далеко не всегда так благостны были картины академической жизни в Советском Союзе.

Второй юбиляр — Толковый Словарь Русского Языка появился на свет 20 лет тому назад в «грозе и буре» советской действительности.

Ленинград, начало 1935 года. Незадолго до этого произошло убийство Кирова. Напряженная до крайности атмосфера: обыски, аресты, высылки, «высшая мера наказания»... Никто не уверен в завтрашнем дне. И вот именно в это, скованное террором, время приезжает в Академию Наук «официальный энтузиаст-маррист», по фамилии Аптекарь. (Маррист — приверженец языковой теории Марра, построенной на принципах официальной советской идеологии). Аптекарь прислан из Москвы громить первый том Толкового Словаря, который был уже напечатан, но задержан цензурой.

Приказ всем сотрудникам ИЯМ'а (Института Языка и Мышления) явиться на заседание. За столом, посреди Конференц-зала, сидят, как подсудимые, ученые — авторы Словаря: профессора Ларин, Томашевский, Ожегов и с ними их единомышленники — академики Щерба и Обнорский.

Аптекарь прокурорским тоном начинает перечислять «преступления» составителей Словаря:

Не выдержаны принципы учения Марра.

Не показана пирамида движения языков мира к общей вершине, которую увенчает язык мирового коммунизма.

От словаря веет порочным идеализмом. Вот, например, что мы видим на первых страницах? Ангел, архангел, архиерей... Это не что иное, как классовая вылазка врага. Такие слова затемняют сознание пролетариата, бросают его в омут поповщины... А вот буква «Б» — и в словарной колонне «Бог». Что за бредни? Победивший пролетариат не нуждается в богах. Богом пользуется только буржуазия в своих эксплоататорских целях... Впрочем, чего ждать от этих авторов? Какой идеологической сознательности? Ведь каково их социальное про-

исхождение и прошлое?!!

В зале поднимается инсценированный шум «пролетарского гнева». Кричит академический «молодняк», состоящий из парттысячников, выдвиженцев от станка, красных партизан и т. п.

«Мы требуем чистки! Долой буржуазных ученых! Приступайте к орг-выводам!»

«Орг-выводы, т. е. организационные выводы. Это страшное слово в СССР, и особенно страшно звучало оно в кировские дни. Это значило: увольнение, исключение из профсоюза и обращение в лишенца, а иной раз — и тюремный застенок.

Напрасно авторы словаря стараются убедить собрание, что они действовали согласно распоряжению Ленина. Они пытаются прочесть письмо Ленина о том, что он хотел бы видеть словарь от Пушкина до Горького. А раз так, то никак нельзя было выбросить из лексики 19-го и начала 20-го века религиозно-церковной лексики.

Но Аптекарь перебивает: «А вот слово «морда»! Что за вульгарность!? Пролетариат не терпит вульгарности!»

Снова поднимается шум. Проф. Томашевский раскрывает французский словарь Ларусса и говорит: «Ленин рекомендовал нам взять за образец "Le petit Larousse". А вот послушайте, какие слова выдерживает Ларусс»... Он хочет читать, но ему не дают. Научная сотрудница ИЯМ'а, выдвиженка, покрывает его голос своим криком:

— Вы слышите, товарищи? Томашевский говорит, что русский выдерживает всякие вульгарные слова. Это оскорбление трудящимся...

(Эта «научная» сотрудница Академического Института не знала о существовании известного словаря Ларусса и приняла французскую фамилию Ларусс за слово «русский»).

Это далеко не все. Тягостные воспоминания

«встречи» Толкового Словаря развиваются передо мной звеньями длинной цепи. Я вижу взволнованных авторов, бессилие помочь на лицах Щербы и Обнорского. Я вижу Б. А. Ларина с яркой краской в лице, слышу его возмущенный голос:

— Я надрывал силы, я голодал, моя семья вынуждена была голодать... Я отдал себя всего, чтобы завершить этот труд... а вы, Аптекарь, поступаете бесчестно: вы искажаете факты, вы злостно подтасовываете их!...

* * *

Это было более 20 лет тому назад. С тех пор многое ушло безвозвратно: умер в Ташкенте, в тяжелых лишениях, в годы войны, замечательный русский ученый Дмитрий Николаевич Ушаков, главный редактор Словаря. Умер и профессор Винокур. А в 1950 году потерпели полное крушение их гонители — марристы.

Но ценное, несмотря на все гонения, остается ценным. Четырехтомный толковый словарь русского языка под редакцией проф. Д. Н. Ушакова прожил уже 20 лет, проживет без сомнения долго, и не одно еще поколение почерпнет многое из него и вспомнит добрым словом его авторов.

* * *

Все это пережито мною.

Пусть молодость прошла, на этом помирюсь.
И, если старость обовьет жестоко,
Не испугаюсь, не смирюсь.
Я никогда не буду одинока.

Вокруг меня прекрасный мир лежит,
Чудесных полон он загадок,
Волнует душу мне и разум мой живит,
И хочется постичь хоть несколько разгадок.

Елена Преснякова.

А. Ющенко

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Различие между контекстными и абсолютными свойствами или качествами предмета,— которое я предложил и обосновал в книге «ДИНАМИКА ИСКУССТВА» (Dynamics of Art, Indiana University Press, 1953) — позволяет не только определить искусство с большей точностью, чем это было возможно прежде, но и критически оценивать, с точки зрения этого определения, различные произведения искусства. Чтобы вкратце разъяснить это утверждение, я начну с рассмотрения примера моего различия между контекстными и абсолютными свойствами.

Если мы вырежем два круга одинаковой величины из листа зеленой бумаги, то оба круга, на фоне этого листа, представляются одного цвета друг с другом и с фоном. Этот **одинаковый** цвет может служить примером **абсолютного** качества цвета каждого круга. Но те же самые два круга меняют цвет, когда один из них показан на фоне желтого листа, а другой на фоне синего. Круг на желтом фоне приобретает синеватый оттенок и представляется более темным, чем круг на синем фоне. Эти различные оттенки зеленого цвета служат примером **контекстных** качеств. Контекстные свойства предмета исчезают, когда мы рассматриваем предмет вне связи с контекстом, т. е. с его окружением. Отсюда их название. Читатель найдет убедительные иллюстрации контекстных качеств на страницах 71, 73 и 75 американского журнала «Лайф» (“Life”) от 26-го марта 1956 г.

Разумеется, не только цвет, но и другие качества бывают контекстными. Например свойство величины или размера. При входе в кинематограф ги-

гантская величина действующих лиц на экране поражает зрителя. Но очень скоро их абсолютная величина сменяется контекстной величиной, которая представляется зрителю обыкновенной, или нормальной. Эта нормализация объясняется тем, что в связи с этими явлениями на экране, и в отсутствии связи с обыкновенной обстановкой, которую скрывает темнота зрительного зала, — все, что доступно зрению, увеличено в одинаковом масштабе, так что само увеличение остается незамеченным.

Даже вне искусства контекстные качества встречаются достаточно часто, чтобы обратить на себя внимание психологов. Тем не менее, психология не признает существования **особого вида** свойств представления, соответствующих контекстным качествам. Я объясняю это странное упущение тем, что психологи называют контекстные свойства иллюзорными. Благодаря этому неудачному названию, они пренебрегают серьезным исследованием контекстных качеств, оправдывая свое пренебрежение тем, что задача науки заниматься действительностью, а не иллюзией.

В искусстве же самое различие между действительностью и иллюзией неуместно. Если кто-либо, описывая пейзаж, скажет, что на картине не настоящий дом, а иллюзия дома, то он должен объяснить, что такое «настоящий дом» в применении к картине. Если бы картина могла вместить в себя настоящий дом, то, пожалуй, нарисованный дом мог бы назваться иллюзией. Однако, настоящему дому нет места в картине, и выражение «настоящий дом» неуместно в применении к картине. Отсюда следует, что и противоположение иллюзии дома настоящему дому также неуместно в искусстве.

На основании этих соображений должно заключить, что в мире искусства контекстные качества

не менее реальны, чем абсолютные свойства представления. Но мы не можем остановиться на этом заключении. Мы должны признать не только действительность, но и преобладание контекстных качеств в искусстве. И поэтому я определяю произведение искусства, как **предмет созерцания всех его контекстных качеств.** Произведение искусства тем более совершенно, чем более очевидно присутствие его контекстных качеств.

Обоснование предложенного определения искусства предполагает знакомство с различием между свойствами чувственными контекстными и чувственно не проявленными контекстными свойствами. Знакомство с этим различием позволяет нам установить, что главная роль в искусстве принадлежит чувственно непроявленным контекстным качествам. Это обоснование изложено в «Динамике Искусства», где чувственно непроявленные контекстные свойства названы “implicit qualities” (сверхчувственные качества). Некоторое представление об этих качествах эстетического восприятия можно получить при обсуждении «Оды о греческой урне», Китса. В конце своей Оды, Китс заявляет, что **красота и истина** одно и то же. Вне связи с другими частями той же Оды, это заявление или ложно, или бессмысленно, в виду того, что, согласно словарю, слова «красота» и «истина» не означают то же самое. Однако, контекстный смысл заявления о единстве красоты и истины не может быть установлен при помощи словаря. Содержание поэмы в целом, и в особенности заявление поэта, (при описании музыкантов, изображенных на урне), о том, что музыка, которую мы слышим в воображении, приятнее, чем музыка, доступная уху, позволяет нам установить, что Китс понимает красоту не в смысле словаря, а в смысле качества сверх-чувственного восприятия, в смысле «вещей обличения

незримых» посредством поэтического воображения. Если мы допустим этот контекстный смысл красоты, то заявление о единстве красоты и истины представляется в новом свете. Мы все знаем, что истина, как ее понимает наука, не раскрывается чувственному восприятию без помощи инструментов и вне-чувственного размышления и интуиции. Следовательно красота, в контекстном смысле Китса, и истина, в научном смысле, являются по существу тождественными.

Мне остается добавить, что я изложил контекстный смысл заявления о единстве красоты и истины вне связи его с контекстом, т. е. не путем цитирования частей поэмы, предшествующих этому заключительному заявлению. Посредством толкования и пересказа я восстановил контекстный смысл заявления Китса вне контекста его Оды. Толкование и пересказ изолированного заявления могут восстановить его контекстный смысл, потому что они заменят слова этого заявления другими словами. Смысл заменяемых слов служит примером абсолютных качеств, тогда как смысл новых слов соответствует контекстным качествам замененных слов.

Таким образом мой пример иллюстрирует общее положение о том, что контекстные качества частей произведения искусства могут быть воспроизведены вне связи с другими его частями, но толь-ко посредством новых абсолютных качеств. На основании этого положения критическое исследование частей произведения искусства возможно в отдельности, несмотря на то, что они зависят друг от друга.

Владимир Марков

ЗАПОЗДАЛЫЙ НЕКРОЛОГ

Михаил Лозинский... (Гумилев считает его переводчиком выше Жуковского)
Дневник А. Блока за 1920 г.

Смерть Михаила Леонидовича Лозинского 1-го февраля 1955 года русская литературная эмиграция обошла молчанием. Поэтому неплохо вспомнить о нем, хотя бы вскоре после первой годовщины его кончины.

Роль перевода в культуре вряд ли кто будет отрицать; однако ему редко воздается должное, и даже виртуозы этого искусства ведут почти анонимное существование. Упрекать эмиграцию в недостатке внимания к переводу было бы несправедливо, здесь перевод не так уж нужен. Большинство интересующихся литературой читают на главных иностранных языках, а задача «просвещения» так называемого «широкого читателя» отпадает: надо быть благодарным, если этот читатель читает хотя бы современные русские произведения.

Тем не менее, забыть о значении перевода мы не вправе. Наша литература началась с перевода Евангелия. Основные принципы художественного перевода были сформированы в 18 веке одним из отцов новой русской литературы В. К. Тредиаковским. О деятельности Жуковского знает каждый школьник. Едва ли не самый замечательный переводчик русской словесности, наш современник Лозинский, заключает триумвират.

В 1916 г. Лозинский выпустил свою первую книгу стихов «Горный ключ». У нас нет точных данных о том, что именно привело его к переводу. Очень возможно, что одной из причин была невозможность заниматься «оригинальным» творчеством.

Именно это, как мы знаем, произошло в 30-х гг. с Пастернаком. Если так, то шаблонное выражение «ирония судьбы» применимо с особенным успехом: не отними революция у Лозинского возможности свободно писать о своем, он, может быть, так и остался бы третьестепенным акмеистом. Духовный гнет заставил его пойти путем «вторичного» творчества, и Лозинский стал гением перевода, подобного которому мы с трудом найдем в иных литературах.

В этой связи нужно помянуть добрым словом деятельность издательства «Всемирная литература», которое объединило вокруг себя лучших переводчиков, окончательно договорилось о принципах современного перевода, создало переводческую школу и выпустило десятки значительных произведений в образцовых переводах. Именно отсюда начинается вереница известных имен в этой области, не прерывающаяся и после закрытия издательства. Далеко не полный список включил бы имена А. Блока, В. Гиппиус, Франковского, А. Смирнова, С. Маршака, А. Радловой, Формана, Кашкина, Стенича, А. Пиотровского и мн. др. Список до сих пор пополняется, (назовем хотя бы молодого переводчика «Симплицимусса»-Морозова). Здесь нужно упомянуть также и о научно-изыскательской работе проф. А. Федорова, критических статьях на эту тему К. Чуковского и педагогической деятельности К. Лозинского.

Расцвет перевода именно в советское время объясняется не только уходом части литераторов во внутреннюю эмиграцию, но и наивно догматическим «просветительством» большевиков, которое позволило осуществить еще один парадокс в этой истории, полный несуразностей, а то и прямой фантастики. Большевики простодушно уверены, что они являются наследниками «всех тех богатств, кото-

рые выработало человечество», что дает читателю возможность знакомиться с мировой культурой в довольно большом объеме. Все несоответствия марксизму легко объявляются неизбежными «родимыми пятнами» капитализма или феодализма, книгам предпосылаются «надежные» ортодоксальные предисловия, и только где-то на границе 19 и 20 веков начинает проходить граница недозволенного, и художники четко делятся на «наших» и «не-наших». Посетитель Эрмитажа поэтому может не плохо разбираться в Рембрандте, но о Ван-Гоге знает по наслышке: завсегдатай Филармонии имеет весьма полное представление о Бетховене (даже и «Мессе»), но Хиндемит (да и Дебюсси) для него не больше, чем имя. Фальсификация есть (особенно в литературе), но их меньше, чем можно было бы предполагать. Так советский молодой человек свободно читает монархические, религиозные и «анти-народные» стихи Пушкина. Так в СССР Лозинский не только перевел «Божественную комедию», но и получил за нее сталинскую премию первой степени, хотя «Рай» чуть не в каждой строчке полон преступлений с точки зрения «социалистического реализма», (там есть не только «религиозное мракобесие», но и «формалистические ухищрения»).

Переводческий диапазон Лозинского необычайно велик, (чего не достает например Маршаку). Он переводил не только стихи, но и прозу («Кола Брюньон» Ромэна, «Кармен» Мериме). Он переводил французов (Леконт де-Лиль, Мольер, Корнель), англичан (Шекспир, Шеридан), испанцев (Лопе де-Вега), итальянцев (Данте, Гоцци), немцев (Гете, Гейне).

Качествами, необходимыми переводчику, Лозинский был наделен в избытке. У него была блестящая историко-филологическая подготовка (см. его комментарии к «Божественной комедии»). Он

переводил с легендарной легкостью (блестящий перевод «Валенсианской вдовы» был сделан от скуки в вагоне поезда по дороге на дачу). Его словарь не уступит клюевскому, а его владение поэтической техникой любого направления дает ему возможность при переводе Данте пользоваться даже достижениями поэзии Хлебникова (Чистилище, XI, 105). Лозинский также владеет в совершенстве секретом растворения в чужом произведении, что не всегда удавалось, например, Пастернаку, «опастерначившему» некоторые из своих переводов, (особенно из Рильке). Главное же, он лучше всех достигает того сплава, без которого нет перевода, — у него рука об руку идут передача духа подлинника с точнейшим формальным и смысловым эквивалентом.

Конечно, не все одинаково удавалось Лозинскому. Его переводы с не романских языков не столь многочисленны и подчас не очень удачны. Его академичный, сухой и почти топорный «Гамлет» очень проигрывает рядом с пастернаковским. То же можно сказать о «Макбете» и «Отелло». Но «Двенадцатая ночь» по-шекспировски красочна, весела, легка (не потому ли, что в ней романский фон?). Несмотря на то, что он мало переводил с немецкого, его «Ночная песнь странника» Гете («Ты, что сходишь к нам с небес, всю земную боль целящий») и «Чайльд Гарольд» Г. Гейне («Крепкий, черный, челн просторный мрачно режет лоно вод») передают все высокие качества оригиналов.

Лозинский много переводил для театра («Школа злословия», «Турандот», «Испанский священник», «Сид», «Тартюф», «Валенсианская вдова» и др.). Здесь следует признать его шедевром перевод «Собаки на сене» Лопе де-Вега. Фразы из нее после прочтения звучат в ушах, как мелодии арий после оперы Россини:

Я, Ваша милость, слышал Вас,
Но мне не верилось, простите,
Что Ваша милость так кричите
В такой неподходящий час.

Или Доницетти:

Я уезжаю в дальний путь,
А сердце с Вами остается.

А в монологах слуги Тристана все барокко развертывает свой павлиний хвост:

Я подпись этого письма,
Я ножны этого кинжала,
Я рукоятка этой шпаги,
Я камень этого забора,
Я пляска этого танцора,
Я обувь этого бродяги,
Я только дышло этой фуры,
Я только цифра этой сметы,
Я только хвост его кометы,
Я только тень его фигуры,
Короче — я давным давно
На этом пальце только коготь,
И я прошу меня не трогать,
Пока мы вместе с ним одно.

Лебединой песнью Лозинского и его высшим достижением был перевод «Божественной комедии». («Ад» появился перед войной отдельной книжкой, а полный перевод вышел в 1950 г.).

Трудно в нескольких строчках перечислить все многочисленные достоинства этого перевода. Может быть, самое важное из них: впервые читая «Комедию» по-русски, понимаешь, что это произведение одного из величайших гениев человечества; впервые пропускаешь сквозь себя стих за стихом с волнением, какое бывает только при чтении

настоящей поэзии,— без столь знакомого чувства обязательной «общеобразовательной» скуки. Русские могут гордиться; — немецкие переводы, несмотря на точность, не передают дыхания подлинника; французы вряд ли когда-нибудь и будут читать Данте в пятистопном нерифмованном ямбе.

Точность перевода Лозинского баснословна. Он даже ухитряется перевести темные стихи с двойным смыслом — с тем же двойным смыслом на русский, передав и первоначальный смысл Виргилия и искажение Данте (Чист. XXII,40-41). Титаническая сила образов «Ада» передана превосходно. Вот Уголино:

Подняв уста от мерзостного брашна,
Он вытер свой окровавленный рот
О волосы, в которых грыз так страшно.

А вот и

....струны арф и скрипок, единясь,
Звенят отрадным чудом неразымно
Для тех, кому невнятна в звуках связь.

С легкой руки критиков 19-го века повелось считать, что после «Ада» все остальное в «Комедии» кажется бледным, и даже гений Данте, дескать, не мог ничего поделать с абстракциями и бесконечной теологией последней части. Сам Данте был иного мнения:

Ты усмотрел, читатель, как вознес
Я свой предмет, и поневоле надо,
Чтоб вместе с ним и я в искусстве рос.

У Лозинского «Рай» вышел, как и у Данте, кульминацией, и философские рассуждения о свободе воли и смысле любви звучат подлинной поэзией. Высота вдохновения Данте в некоторых местах «Рая» (напр. рождение Орла в XVIII песни или

строки о Райской Розе) заставляет забыть лучшие стихи двух предшествующих частей,— и русские терцины Лозинского убедительно передают это.

Выход в свет перевода «Божественной Комедии» в 1950 г., это событие русской литературы, в эмиграции прошел незамеченным, хотя именно там можно найти лучшие и горчайшие строки об изгнании (которые, цитируя, всегда забывают довести до конца):

Ты будешь знать, как горестен устам
  Чужой ломоть, как трудно на чужбине
  Сходить и восходить по ступеням.
Но худшим гнетом для тебя отныне
  Общенье будет глупых и дурных,
  Поверженных с тобою в той долине.

—о—

В 20-ые гг. 20-го века русская поэзия все еще была в расцвете, в 30-ых она умерла насильственной смертью. Но, вспоминая это десятилетие, будущие историки вряд ли забудут упомянуть имя переводчика Лозинского. Ведь это единственное, что русская поэзия в России дала в эти годы.

НЕ БОЙТЕСЬ СЛОВ

Не бойтесь слов — они даны,
Чтоб выражать и мысль, и чувства;
Без них не знали-б глубины
Мы ни науки, ни искусства.

Не бойтесь слов — они верней
Откроют счастья путь пред вами.
Ведь сердце ждущее больней
Молчаньем ранят, чем словами.

Елена Антонова.

Олег А. Маслеников

ПОД КРЫЛОМ НЕЗРИМОЙ ТЕНИ

(О поэзии Владимира Соловьева)

Поэзия Владимира Сергеевича Соловьева (1853-1900), крупнейшего русского философа, мистика, поэта, обычно рассматривается историками русской литературы, как один из источников русского символизма. Оправдание такой оценки роли, сыгранной стихами Соловьева в русской поэзии, можно легко найти не только у таких «соловьевцев», как Александр Блок и Андрей Белый, но также и у символистов старшего поколения — у Зинаиды Гиппиус и у Федора Сологуба. Каждый из них утверждает по своему, что «новая поэзия» в России — явление самобытное и от французской школы не зависящее. И действительно, стихи Соловьева ярко отражают то идеалистическое мировоззрение, которое в свое время объединяло русских поэтов-символистов, и которое определяло внутреннее содержание их поэзии. Связь между Соловьевым и символистами — несомненна; в основе ее лежит вера в существование иного мира, таинственного, непостижимого. И особенно ясно выступает этот дуализм в поэзии Соловьева.

Соловьев, как в жизни, так и в творчестве — личность не целостная. Облик его двойственный, постоянно двоящийся. То он покажется в своих серьезных стихах библейским пророком, то — шутом или даже чуть не демоном. Андрей Белый в своих воспоминаниях метко подчеркивает эту двойственность: в детстве его смущало, который из ДВУХ был настоящий Владимир Сергеевич — «боженька» ли Соловьев, или «бука» Соловьев.

Это раздвоение личности, вполне отвечавшее духовному разладу «нового человека» конца XIX

века, отражается в поэзии Владимира Соловьева. Подчас бывает трудно поверить, чтобы один и тот же поэт написал такие строки, как например:

Христос Воскресе!
Вот мы в Одессе....

или «Эпитафию» самому себе:

Он душу потерял,
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж — собаки съели...

и задушевные слова стихотворения «Миг»:

Опять надвинулись томительные тени
Давно забытых лиц и пережитых грез.
Перед неведомым склоняются колени,
И к невозвратному бегут потоки слез.

Самое замечательное и волнующее в духовном облике Соловьева, однако, это то, что он, пройдя через два острых душевных кризиса, вернулся к первым источникам своей веры — к идеалистическому уверованию в существование потустороннего мира. И пришел он к такому мировоззрению в эпоху, когда, согласно показанию А. П. Чехова, «материальное направление» являлось «неизбежным» среди интеллигенции, так как всякий «образованный человек» сознавал, что он «давно растерял» свою веру и поэтому «только с недоумением» мог поглядывать «на всякого верующего интеллигента».

Поэзия Соловьева в своих серьезных строках ярко отражает дуалистическое мировоззрение поэта. Среди мотивов, постоянно повторяющихся в его стихах, особенно часто встречаются три темы могущие считаться основными, как для самого Соловьева, так и для его последователей, т. наз. «младших» символистов, Вячеслава Иванова, Блока, Бе-

лого, Сергея Соловьева. Это — во-первых, мотивы, касающиеся таинственной мистической любви; во-вторых, чаяние близости конца; и в третьих, вера в существование идеального мира, бедным отражением и искаженным отзвуком которого должен являться мир житейской реальности.

Такое представление о единстве миров феноменального и нуменального навек связало имена Соловьева и его приверженцев со сторонниками идеализма, непримиримо боровшимися против господствовавшего материализма и научного позитивизма.

Знаменитое стихотворение Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь» стало девизом на знамени, поднятом «младшими» символистами в защиту своих убеждений. Взгляды Соловьева были приняты ими за откровение, за пророчество.

Вслед за Соловьевым они видят в видимой действительности

Только отблеск, только тени
От незримого очами...

и в житейском «шуме трескучем» слышат лишь

...отклик искаженный
Торжествующих созвучий.

И как Соловьев, так и его ученики остаются искателями тайны, поэтами, отвергшими науку, согласно которой нет в мире ни чудесного, ни объяснимого, ни даже непостижимого, ибо все в мире видимости является результатом непреклонного закона причинности и следствия.

Для молодых идеалистов стихи Соловьева казались вехами, стоящими на пути к познанию вечной истины. Красною нитью через всю его поэзию, буквально переливающуюся золотом и лазурью безоблачного неба, проходит мотив о незримой свя-

зи между миром видимой реальности и миром потусторонним, к которому поэт должен всегда стремиться. (А подчас и «мирами» потусторонними).

Все поэтическое творчество Соловьева отражает это стремление — ввысь, в бесконечность, к мечте, подальше от «оков земли», от «земной паутины». Перед собой он видит, (как и молодой Блок, как и ранний Белый), призрачный образ своей подруги, а над нею — нависшее «крыло незримой тени». Видение манит поэта к себе, в лазурную глубь, к иным берегам. Вдали же «в высоте сияющие звезды», посылающие поэту «верные мечты», растят ему «в пустыне бесконечной... нездешние цветы».

И поэт продвигается в замершую «бесконечную даль»» вслед за вечным миражем, за вечно ускользающей в даль мечтой. И «труден горний дальний путь», вьющийся по «давно знакомой» тропинке. И видится ему издавна знакомая картина: «все тот же лес», окутанный толпой «немых видений».

Весь мир

...стоит застывшею мечтою,
Как в первый день.

Душа поэта — одна «и видит пред собою свою же тень». Над ним «летают сны» и причудливо сплетаются «тени двух миров». Душа же, «схваченная снами», молится «неведомым богам». И поэт, останавливаясь на своем пути, ведущем его мимо знакомых грез, мимо вечных «обманов... мира жизни», чувствует, знает, что он идет вперед «не по воле своей», но что его движет «тайна нездешняя», что его влечет «вечно недвижная судьба».

Провозвестником Тайны — сокровенного знания, провидения о существовании мира иного, потустороннего, к берегам которого мы, смертные, прикованы «незримыми цепями», — вот кем является в своих лучших стихотворениях Владимир Со-

ловьев. Он — пророк, постигший древнейшую тайну иного бытия, тайну, вновь им открытую на рубеже нашего, нового, XX столетия.

Этот ли Соловьев, обращенный вдаль, вглубь небес и стремящийся постигнуть непостижимое, является символом искания Вечного в поэзии. Недаром он считается предтечею истинных символистов. И его поэзия, дышащая какой-то нездешней задушевностью, отвечает запросам его души... и нашим?

Мы Тебя создали сами,
Добрый Русский Бог исконный,
Бог лампадный, Бог иконный,
С Васнецовскими глазами —

В глубине своих страданий
В мире сумрачном и грешном
Мы нашли Твой образ тайный,
Говорящий о нездешнем;

И его одели в краски
Синих рек и радуг алых,
Как они, Ты тихо ласков,
Бог забытых и усталых;—

Бог, который нам состраждет,
Царь любви, Источник Света,
Но который тоже жаждет
На любовь свою ответа.

(1956) **Ольга Ильина.**

Л. Высоцкая

Посвящается

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМУ КРУЖКУ

Вот уголок, где иногда,
Забыв всю серость прозябанья,
Вновь человеком чувствую себя
И вижу лица чем-то вдруг родные,
Порою неизвестные, совсем чужие
И равнодушные ко мне.

Но в них до боли что-то дорогое,
Взаимно близкое, высокое, святое.
В них та же боль священная утерь,
В них та ж печаль несбывшихся стремлений
И та ж к отчизне светлая любовь.

Что от того, что разными путями
Мы шли в тревогах бытия,
Что от того, что разными словами
Звучала песнь скитанья, и тоска
По разному сердца нам тяготила.
Теперь, когда волна утрат остыла,
И время сгладило рубцы душевных ран,
Для нас, для всех не существует стран,
И времени период безразличен.

Мы к вечно ценному свой устремили взор.
И стал вселенною для творчества простор,
И красота для нас вселенной стала.

А. Мазурова

— ПИСЬМО —

Дорогой друг,

Узнав, что в 1953 г. исполняется 30-летие со дня основания Литературно-Художественного Кружка, мне искренне захотелось, в ответ на Вашу просьбу откликнуться, написать не просто юбилейное приветствие, а свои думы и впечатления со стороны. Говорю «со стороны» потому что я, хотя и состояла почетным членом кружка, но живя вдалеке, активной участницей мне редко приходилось быть. Помню одно выступление в десятую годовщину смерти Александра Блока.

Связующим звеном между литературным кружком и мной всегда были одни и те же члены кружка. Они залетали в мое удаление (за 50 миль от города), полные стремлений, горения и планов. На крыльце нашей избушки, или под раскидистым перцевым деревом мы проводили часы, обсуждая задачи и возможности Л.-х. кружка.

Мы, разумеется, во многом расходились. (Чем, как ни спорами, отличалась русская пред-революционная интеллигенция!). Разногласия не вредили, а оживляли планы и возможности. Конечная цель и традиция у нас были общие, различия были во вкусах, темпераментах, в уклоне и опыте.

Мы, русские, горазды покритиковать, и слово это стало синонимом «поругать». Поругать — легко, а вот осуществить и устоять в наших условиях ОЧЕНЬ трудно. Потому и хочу, не восхваляя, отдать должное и отметить значение деятельности Л.-х. кружка, как мне это видится.

В зарубежной жизни всякое культурное начинание должно оцениваться не столько за фактическое осуществление, сколько за наличие благих

намерений и преодолевания препятствий на пути. Нелепа и несправедлива острая критика, исходящая из сопоставления того, что удалось осуществить за рубежом, с тем, что происходило на родине, или осуществляется в других странах, где культура осталась на корню и продолжает свое развитие в нормальных условиях.

Надо учитывать наши ограниченные возможности, учитывать то, что эмигранты единятся не талантами и уровнем развития, а **общей драмой.** Она — тема и живая сила всякого начинания. Если в европейских странах еще как-то группируются русские беженцы по совпадающим интересам, уровню и традициям, то в США, куда за последнее время нахлынула самая пестрая масса, выброшенных за борт родины, каждый для каждого стал «своим» в испытании. Прошлое в беде одинаково влечет и роднит. У всех одно желание — вернуть это прошлое к жизни, опять его испытать, дать исход своей любви к нему, своей боли по нем, всяк по-своему. Будь то Лит.-худож. кружок, клуб, школа, периодическое издание, театр, — каждый несет в него и находит в нем «свое» переживание. Если изъять из любой организации общую любовь, общую боль, общую мечту, то она развалится и не выдержит высоких требований. Но в роковых условиях нашей доли достаточно, если мы единимся в попытках (пусть иногда неуклюжих!) сохранить живой интерес и передать нашей смене культурную традицию и ценности.

Л. х. кружок скромно, но настойчиво выполнял эту миссию вот уже тридцать лет; смело брался за самые разнообразные программы, работал, терпел, но и зажигал и бередил в сознании то, что так легко затушить и затереть в суете и благополучии новой жизни. Его деятельность способствовала и развитию дарований исполнителей. Подсчитать точно

эти заслуги — нельзя, а догадки у оптимиста и пессимиста разные.

Вот за это трудное, что Л.-х. кружок преодолел, и надеюсь будет преодолевать впредь, я душой с ним и всегда хочу быть его не почетным, нет, а дружеским членом. Спасибо тем, которые вовлекли меня в хорошее начинание, и простите, если я недостаточно помогала в нем. Оставайтесь же такими же работоспособными и увлекающимися. Такие нужны.

Искренне Ваша

Александра Мазурова.

РЕВОЛЮЦИЯ

Часы истории пробили грозный час...
Шут заплясал у свергнутого трона.
И блеск в веках вознесшейся короны
Бесславно и мучительно угас.

В позорный, злой неумолимый час,
Под черни дикий рев, проклятия и стоны
Склонились доблестно знамена,
О славе прошумев в последний раз.

Краснели площади плакатами и кровью,
Тащили женщины обломки баррикад,
Пьянел народ хмельною, буйной кровью,
Сметая кружево чугунное оград.

А бледный попик с кротостью и верой
Крестил убийц и братьев под расстрелом.

Н. Пугачев.

ОТКЛИК НА СОВРЕМЕННОСТЬ

В начале 20-ых годов нашего XX столетия из среды приехавшей в Сан-Франциско русской антикоммунистической эмиграции организовался Литературно-художественный кружок. Маленькая группка из нескольких человек в два-три года стала обществом, в деятельности которого принимали участие до 80 человек.*

По инициативе молодого морского офицера А. П. Ющенко, литературный кружок превратился в организацию, как секция Русского Об-ва Взаимопомощи. В этой секции вскоре оказались лекторы, артисты, писатели, поэты, организаторы. В ее же недрах возник первый Драматический кружок; ему удалось заинтересовать некоторых профессиональных артистов, местных любителей, музыкантов, чтобы ставить спектакли два раза в месяц. Все дело держалось на самоотверженности многих участников. Они даром отдавали свой короткий досуг после тяжелого физического труда.

Не случайно, уже в самом начале своей деятельности Лит.-худ. кружок сосредоточил свое внимание на современных темах, на только что вышедших литературных произведениях, на новых исследованиях по литературоведению. На первых литературных вечерах выступил даровитый лектор, уже почти закончивший свое образование в Московском университете, А. П. Ющенко. Он выбрал следующие темы для пяти вечеров: «Беженская поэма» Всеволода Иванова, «О поэзии И. Щербакова», Суд над «Двенадцатью» Блока, «Памяти Гуми-

---

* Статья «Культурный уголок русской колонии в Сан-Франциско» в Сборнике «Дымный След» (1925) дает все имена участников, стр. 121-124.

лева и «О Смехе».

Литературно-театральный сезон 1923-1924 г. прошел с большим воодушевлением. Работать приходилось на пустом месте: не было определенного помещения, не было крепко спаянного центра, не было и постоянного количества публики. Названия литературных вечеров и театральных постановок в этом начальном сезоне уже могут показать деятельность первого литературного общества в Сан-Франциско: «Осенние Скрипки». Сургучева. «Любовь — книга золотая», А. Толстого (шла два раза). «Касатка», А. Толстого. «Нечистая сила», А. Толстого. «Не все коту масленица», Островского. «Бедность не порок», Островского. «На бойком месте», Островского. «Вера Мирцева», Урванцева. «Привидения», Ибсена. «Романтики», Ростана. «Карнавал жизни», Е. Грот. «Дети Ванюшина», Найденова. «Гаудеамус», Л. Андреева. «Проф. Сторицын», Л. Андреева. «На дне» Горького. «Ревность», Арцыбашева. «Дядя Ваня» А. Чехова. «Мечта любви», Косоротова. «Пушкинский вечер» с постановками из его произведений. «Вечер поэзии и ужаса», «Вечер Агнивцева».

Осенью 1924 г. Лит.-худож. кружок выработал свой устав и стал самостоятельным. Было решено уделять больше внимания литературным вечерам, а не частым театральным постановкам, отнимавшим слишком много времени у некоторых членов общества. Ввиду того, что уже летом 1924 года стали появляться другие театральные организации, Лит.-худ. кружок не хотел с ними конкурировать и только изредка устраивал открытые вечера с театральными постановками.

Хотя деятельность кружка сузилась, зато появилась возможность сосредоточиться на современных темах в русской литературе. Этот интерес к современности чувствовался в течение почти всех лет существования кружка. Состоялись лекции приехав-

шего поэта А. Масаинова «О современных течениях в русской поэзии», Е. Грот «О поэзии Есенина», В. Пешехонова «Теория конструктивизма Эренбурга», «Эволюция русской критической мысли». Они чередовались с интимными литературными пятницами, которые устраивались два раза в месяц. На этих вечерах О. Ильина читала свою поэму «Колокола», Борис Волков, Е. Грот, Н. Дудорова — свои стихотворения, В. Аничков — свои воспоминания. Собрания происходили на «Черри стрит» в подвале дома одной американки, платили ей 5 долларов в месяц; через два-три месяца она отказалась от денег; повидимому, ей что-то понравилось в собраниях чужестранцев.

В последние годы интерес к современности принял другое направление. Было желание и старание приблизить даль времен, найти в прошлом нашей литературы что-то близкое, злободневное, дать публике почувствовать остроту переживаний настоящего через те же чувствования наших предков. Любовь к покинутой родине вспыхнула непотухающим огнем. Для литературного вечера «О единой, неделимой России» лектор подобрал материал из древней литературы. Публика слушала его речь с душевным трепетом, а иногда и с влажными глазами.

«Бесхитростна и незыблема любовь к «Русьской земле» у лучших русских людей X-XII в.» — таково было начало лекции. Древний летописец и автор «Слова о полку Игореве» не упоминает о северной, восточной или областной Руси. «Вься Русьская земля», ее горести, ее «туга» могли вызвать слезы у Владимира Святого. Не раз новгородский летописец, обыкновенно скупой и холодный в своих выражениях, горячо восклицает:

«О сынове Русьстии, потщитеся сохранить свое отечество, Русьскую землю!»

И киевский летописец (1170) присоединяется к

новгородскому кличу:

«Братие, пожальтесь о Русьской земле и о своей отчине и дедине». Страшно лучшим людям древней Руси при мысли, что настанут времена когда князья начнут «мълвити про малое «се великое». Слышится нечто пророческое, ныне нами переживаемое, в словах киевского летописца (1054):

> «аще ли будете ненавидно живуще... то погибнете самы и погубите землю отец своих и дед своих, юже налезоша трудом своим великым».

Исследование произведений двух паломников по Святой земле, игумена Даниила в 1108 г., и 800 лет спустя Ивана Бунина дополнялось прекрасными снимками Палестины.

Перевод на французский язык автобиографии протопопа Аввакума и защита докторской диссертации на ту же тему вызвали желание познакомить публику с этим мало известным произведением 17 века. Нетрудно было связать тяготы и мытарства «путнего шествия» Аввакума по Сибири с переживаниями Белой армии во время Ледяного похода в 1920 году. Долгие путешествия многих русских женщин с детьми через Сибирь, Монголию и пустыню Гоби или Шамо еще не забылись. Не раз в литературных беседах цитировался разговор Аввакума с женой, когда протопопица падала на скользкий лед и горестно восклицала: «долго ли мука сея, протопоп, будет?» и мужественный ответ Аввакума: «До самыя смерти, Марковна». Смахнув слезу и вытерев кровь с колен, протопопица с трудом поднимается, но твердо отвечает: «Добро, Петрович, **ино еще побредем».** Так без ломанья рук, без криков и воплей, одержимая печалью, а иногда и окаменевшая от отчаяния, поднималась русская женщина и в 20-ом столетии, чтобы продолжать свой крестный путь по обеим сторонам рубежа. Лозунг **«ино еще побредем»**

звучит одинаково для женщины 17-го и 20-го столетий.

Следя за исследованиями по литературоведению, кружок уделял время для докладов о забытых классиках: В. Тредиаковском и В. Кюхельбекере. Из «Вифлиофики» Новикова давались сведения о выдающемся ученом 18 века, Василии Тредиаковском. Многие забыли, что он пешком прошел от Астрахани до Парижа, не «убоялся бездны премудрости», учился в Сорбонне и получил там докторскую степень. Его основательное знание нескольких языков, открытие им тонического стихосложения в русской песне и стихотворениях, его употребление разговорного языка в переводах и статьях, его новая идея о необходимости фонетических реформ для правописания русского языка, — все это было новым для многих из нас, привыкших произносить имя В. Тредиаковского со снисходительной усмешкой, вспоминая его неудачные стишки и забывая его простую и глубокую мысль: можно и стихи писать, не быв поэтом.

После выхода Дневника, критических статей, драматических произведений («Прокопий Ляпунов») Вильгельма Кюхельбекера, читатель убеждается в его даровитости, начитанности и в художественном вкусе забытого классика 19-го века.

Многие из завсегдатаев литературных собраний, вероятно, не забыли ряда литературных вечеров о 20-ых, 40-ых годах 19-го столетия. Один из отделов этих вечеров назывался «Внуки о дедах». Он вызвал у внуков воспоминания из семейной хроники Баратынского, Тютчева, Языкова, Батюшкова, В. Даля. Среди русской колонии в Сан-Франциско нашлись внуки и родственники Кюхельбекера, Лермонтова, Карамзина и др. К сожалению, речи «внуков» никогда в печати не появились.

Для Тургеневского вечера в 1926 г., в пользу

нуждающихся русских писателей и ученых, был написан Еленой Грот драматический скетч, основанный на переписке Тургенева с мадам Виардо. Тургеневскими словами говорили все действующие лица этого скетча. Певица, игравшая роль мадам Виардо, пела в Сан-Франциско арии и романсы ее репертуара; загримированный Тургеневым, художник Глеб Ильин читал известное стихотворение в прозе о красоте русского языка.

Не был забыт и блестящий Екатерининский век. На вечере «из родного прошлого» в лекции были даны новые исследования о крепостном театре 18 века и о посещении в Останкине роскошного дворца-театра графа Шереметьева. На этом вечере было чтение в лицах комедии Екатерины Второй: «Невеста-Невидимка»; артисты сыграли сцену из «Гусарского Монастыря» Минцлова: репетиция в крепостном театре. Певица И. Олиневич, в костюме Екатерининских времен, спела ряд музыкальных произведений того времени.

По новому справлялся год получения Буниным Нобелевской премии, (1933 г.). Его соединили с обычным ежегодным празднованием «Дня Русской Культуры». На этом вечере оперная певица С. М. Саморукова и артистка Балиевской «Летучей Мыши», Зоя Карабанова, дали образы русской женщины 4-х столетий: Василису Мелентьеву (монолог из Островского), арию Оксаны из оперы «Черевички» Чайковского, Тургеневскую девушку в балетном скетче, и женщину 20-го века в музыке Гречанинова («Письмо»). Каждое столетие имело свое обрамление.

Этот вечер закончился Литературным балом, когда зал наполнился героями и героинями русской литературы. В лицах были представлены: «Война и мир», «Обрыв», «Бэла» и др. В конце вечера торжественно вошли в зал Пушкин с Натали Гончаровой: В. Толпегин со своей красавицей женой, поэтессой

Еленой Владимировной Росс-Толпегиной.

Так радостно отпраздновали далеко от России, у Золотых Ворот Америки, мировую славу Ивана Бунина, русского беженца, изгнанника, сына России, возвеличившего свою родину.

За долгие годы существования кружка много усилий было сделано, чтобы привлечь русскую молодежь к участию на лит. вечерах. Сорганизовали музыкальный вечер: «От народной песни до современного романса». Камерная певица С. М. Саморукова прекрасно исполнила песнь Калик перехожих, народные свадебные и плясовые песни, романсы композиторов «Могучей Кучки», затем Аренского, Медтнера, Рахманинова, Прокофьева. Три юных русских девушки, Вера Воропаева, Алла Свиридова и Ирина Гендель сыграли свои сольные номера на рояле: Балакирева, Ляпунова, Медтнера, Рахманинова и Прокофьева. Читатель этого сборника может узнать в конце книги, какую они сделали карьеру.

В течение нескольких лет, тоже отчасти для выступлений молодежи, устраивались «калейдоскопические» вечера; на них вместо одной длинной лекции бывало 8-10 коротких речей по 5-10 минут. Обыкновенно кто-нибудь из старшего поколения выбирал тему, давал молодежи материал, подходящий для короткой речи. Каждый писал сочинение. Эти хорошо выученные спичи встречались восторженно публикой и доставляли удовольствие молодым ораторам.

19-ый век был широко представлен вечерами, посвященными Пушкину, Лермонтову, Баратынскому, Гоголю, Тютчеву, Достоевскому, Л. Толстому и А. Чехову. Из писателей и поэтов 20-го века вспомнили Мережковского, Бунина, Блока, Есенина, Сашу Черного, Тэффи, Аверченко, Агнивцева и местных поэтесс Нину Назарину и Елену Росс-Толпегину, так трагически молодыми ушедших от нас.

Почти все значительные периоды русской литературы — от древних истоков до настоящего времени — нашли отклик у ЗОЛОТЫХ ВОРОТ Америки. В зависимости от юбилейных дат литературные вечера повторялись по многу раз, но всегда с новыми программами, новыми темами и идеями.

Когда просматриваешь обширный архивный материал этого маленького литературного содружества, даешься диву, как эта группа русских людей за 35 лет жизни в чужой стране сумела сохранить свою любовь к русскому слову, свою верность славным традициям русской культуры. Главными притягательными силами были для этого: уважение к свободе творчества и терпимость к мнению другого. Благодаря этому, Литературный кружок мог наладить более 100 литературных и музыкально-драматических вечеров, издать три сборника в 1925, 1934 и 1957 гг. и сохранить энергию для будущих дел.

День благодарения.

В этот день, посвященный былому,
Так недавно весело-шумливый,
Понимаешь ясней, по иному
То, что жизнь прожита торопливо.

Все покорно закону на свете,
Все уносит теченьем реки.
Разошлись возмужавшие дети,
И в могилу легли старики.

И бродя по пустынному дому
В этот день благодарственной были,
В сердце с грустью сплетаю знакомой
Благодарность, что жили и были.

(1939) **Наталья Дудорова.**

Ольга Ильина

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЕЧЕРЕ ГУМИЛЕВА.

(Посвящается памяти А. П. Ющенко)

Вскоре после того, как мы приехали сюда в Сан-Франциско, еще в середине 20-ых годов, наша знакомая сказала мне, что здесь организовался русский литературный кружок, что собирается он по пятницам, где-то на другом конце города; что хотя туда надо ехать на трех трамваях, и хотя по вечерам мы все еле дышим после 8-часового рабочего дня и всей домашней работы, к которой мы еще не применились; и хотя дети остаются дома одни, — все же ехать туда надо.

«Вы ДОЛЖНЫ туда поехать», сказала она мне строго, «должны поддержать это начинанье».

Можно было бы с тем же успехом сказать умирающему от голода: «Вы должны, должны купить себе хлеба, для того, чтобы поддержать заново открывающуюся булочную».

Мне было сказано, что одна из организаторш этого кружка — дама, страстно преданная русской литературе, «колосс энергии», а председатель кружка — талантливый молодой человек из Петербурга; этот молодой человек, я так поняла, стремился стать лифтером, чтобы, ездя вверх и вниз, нажимая кнопки и называя этажи, внутренне перерабатывать теории тех философов, которых он изучал по вечерам.

Мне тоже хотелось делать то, что заставляет жизнь, а думать о другом, о большем и лучшем. Я уже пробовала это в магазине, где я служила продавщицей бус, но меня там предупредили, что это может кончиться плохо.

Куда мы приехали в этот вечер, я не знала, в какой-то «холл». Мне помнится, что был полумрак,

и лампа горела только на столе лектора. Или, может быть, это впечатление темноты создалось от серых, потрепанных фигур всех нас, новоприбывших беженцев; но, может быть, темно было только у меня на душе.

Кто-то, открывший вечер, (кажется секретарь ново-созданного кружка), уже стоял за столом и, опираясь на оба конца расставленными руками, рассказывал, кто такой Гумилев, и что он написал и сделал.

«Гумилев, как вы, конечно, помните»,— он говорил, налегая на правую руку и подаваясь вправо, «вместе с Мандельштамом основал школу акмеистов. Он, — как вам всем известно» — налегая на левую руку и подаваясь влево, — один из самых выдающихся мастеров стиха».

Но мы ничего не помнили, нам ничто не было известно. После многих лет бездомных скитаний, в отчаянной борьбе за жизнь, мы успели забыть все, слушали все, как новое, забыли даже того себя, который все это знал когда-то.

«Память, ты слабее год от года,
«Я ли это, или кто другой»...

Когда секретарь кончил, его сменил докладчик, тот самый молодой человек из Петербурга, которого нам обещали. Когда он начал говорить, — был один такой момент, когда не хотелось слушать, чтобы не вспоминать того иного «себя», который был способен когда-то к восприятию отвлеченной мысли, чистой поэзии и всего, что с этим связано.

«Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла,
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела».—

У докладчика было худое, бледное лицо и та-

кой голос, как у инструмента, когда опущен модератор. Когда он говорил, он держал перед собой руку ладонью кверху, иногда с интересом опускал на нее светящиеся глаза, как будто в радостном удивлении вычитывая что-то, что на ней написано, — а иногда протягивал открытую ладонь вперед к нам, слушателям, чтобы мы читали с нее сами. В начале я ловила только отрывки фраз... Гумилев верил, что человек должен органически переродиться... Гумилев — служитель высшего смысла... За этот Высший смысл он борется, за него идет на подвиг, за него он жертвует жизнью».

«Я угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах и на земле».

Может быть, это был голос докладчика, тихий и шедший откуда-то глубже, чем обычные голоса, но через него постепенно нам стала передаваться вся гумилевская героическая тоска по ином человеке, вся его и наша общая тоска по иному «себе».

И этот облик иного «себя» вставал перед ним, как мечта, как надежда, как призыв к борьбе. Но не к той иссушающей жизнь борьбе, какой тогда боролись мы, исчисляя свои дни рабочими часами и долларами, теряя направление и цель —

(«А для низшей жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,»)

а к героической, гумилевской борьбе с душевной слепотой, с окаменелостью сердца, со страхом жизни и страхом смерти.

«За то, что не был ты как труп,
Горел, искал и был обманут —

В высоком небе хоры труб
Тебе греметь не перестанут».

Что значит для всех нас этот вечер, для нас, которых Судьба грубо, как поршнем, толкала все глубже и глубже в толщь материи, для нас, начавших среди всех наших забот и тревог забывать даже и о существовании Высшего Смысла...

«И забыли мы, что осиянно
Только Слово средь земных тревог,
И в Евангельи от Иоанна
Сказано, что Слово, это — Бог».

Как благодарить тех, кто тогда помог нам все это вспомнить?.

Час последний... Может он не страшен?
Может быть нездешний свет
Мне блеснет из розоватых башен,
Что построил в облаках рассвет?

Может быть за дверью, за порогом
Я по-новому сумею жить,
Не вплетая волокно тревоги
В золотую нить?

Я хочу, чтоб в час предсмертной муки
Я такие для людей сложил стихи,
Что они мне в холодеющие руки
Вложат грамотку: «прощаются грехи!»

(1949) **К. Кролл.**

ВСТРЕЧА ДВУХ КУЛЬТУР

Произошла ли встреча двух культур, русской и американской, за последние 35-40 лет жизни русских эмигрантов в Америке? Вопрос этот новый, неисследованный. Вероятно научный ответ на него будет дан нескоро. Для этого потребуется основательное исследование русских культурных центров в различных городах и штатах Америки, чтобы проследить литературу, музыку, театр и целый ряд отраслей науки и даже промышленности.

Некоторые русские писатели совершенно отрицают встречу культур. Так А. Мазурова, живущая в Америке с 1919 года, много видевшая и наблюдавшая, пишет:

«Американская литература не есть англо-саксонская литература, а сплав многих культур и художеств, пропитанных чужестранными соками. С глубокой скорбью приходится признать, что русские иммигранты НЕ внесли в американскую литературу ни своих толкований, ни своих эмоциональных переживаний, ни художественного восприятия жизни на новой почве. Не влили своей темы в общечеловеческую драму исторического «сегодня», а выделили ее, как свою национальную задачу. И в значительной степени Зарубежная литература выразилась в сохранении прошлого, где авторы «хранители» прежних ценностей, а не «творцы».

Другие же доказывают, что встречу культур следует искать не только в литературных темах, но в широкой обыденной жизни, где происходят не только встречи, а иногда заметно слияние культур, напр. в детях смешанных браков.

Встреча культур происходит иногда в самых скромных, незаметных местах. Русский Детский Сад в Сан-Франциско недавно отпраздновал свое 25-летие. За эти годы до трех тысяч русских и американ-

ских детей проводили там почти весь день. Русские песни, сказки, игры, танцы были обыкновенно любимыми среди обеих групп детей. Эта общая культурная ячейка вряд ли могла просуществовать и расшириться без значительной финансовой помощи. Американский «Комюнити Чест» с 1929 года до настоящего времени дал на это русско-американское дело до 160 тысяч долларов.

Собрание директоров под бессменным председательством Д-ра А. А. Максимовой-Кулаевой состоит из русских и американских общественных деятелей. В помещении Детского Сада за одним длинным детским столом обсуждаются различные педагогические и экономические начинания в обиходе жизни детей. В этом году на директорских собраниях не раз поднимались обсуждения плана постройки нового здания по последнему слову науки стоимостью в 50-60 тысяч долларов. Русские учительницы Детского Сада, во главе с заведующей В. Меньшиковой, самоотверженно работают для этой цели, собирая нужные средства различными способами: от устройства детских спектаклей, балетов, ярмарки, до продажи пирожков!

Наши русские школы,* как при церквах, так и частные, сохраняют русский язык нашей молодежи и готовят ее для будущей встречи с американцами в университетах. В настоящее время русский язык и курсы по русской литературе преподаются в 180 американских университетах и колледжах. Для докторских диссертаций требуется знание русского языка не только в Славянском отделе, но и для изучающих химию, физику и историю.

---

* За последние 10 лет количество детей в школах заметно растет, число посещающих доходит до 160,170. Школа русского языка И. В. и М. Ястребовых существует уже 23 года.

Если проследить только названия литературных и исторических тем для докторских диссертаций за последние годы, то несомненно общая идейная встреча уже намечается. Авторы следующих диссертаций — русские и американцы:

Причины русско-японской войны (русск.)

Русская Дальне-восточная политика 1881 — 1904 г. (русск.).

Регентство царевны Софии Алексеевны 1682 — 1689 г. (амер.).

Русская меховая торговля 1500 — 1700 гг. (амер.).

Администрация Сибири в 17 столетии, (русск.).

Русское движение на Кавказе в 19 и 20 вв. (амер.).

Россия в царствование Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича 1645 — 1682, по Скандинавским источникам, (амер.).

Язык Карамзина, (русск.).

Язык писем Петра Великого, (амер.).

Чернышевский, Добролюбов, Писарев — предвестники большевизма, (русск.).

Язык Аввакума в его «Житии», (амер.).

Если от научных идей перейти опять ко встречам в жизни, то здесь найдется много случаев исключительных и даже умилительных. Из военной школы в Монтерей американские студенты приезжают иногда на русские вечера: литературные, музыкальные, театральные. В настоящее время у них имеется хор в сто человек; под руководством русского регента, Н. Воробьева, они разучивают русские народные песни и исполняют их на концертной эстраде. Слова и музыка выучиваются ими наизусть; большинство из военных певцов не умеют читать нот. Их любовь к русской музыке доходит до разучивания ими церковных песнопений. Недавно при встрече с православным митрополитом хор приветствовал его обычным: «Ис полла ети деспота».

Много разговоров было в Калифорнийском университете и в русской колонии о Пушкинском вечере в Берклее в 1949 году, когда вся программа шла на русском языке, и все участники были американские студенты. Шесть человек из них выступали с речами на тему: «принадлежит ли Пушкин только русской литературе или всемирной». Сценки из Бориса Годунова», из «Капитанской дочки», декламация пушкинских стихов о временах года под музыку Чайковского и пение хором нескольких песен на слова Пушкина произвели на русскую публику глубокое впечатление. Вероятно, редко где еще вспомнили так русского писателя в чужой стране. Много потрудились американские студенты, чтобы донести до русской публики не только пушкинские слова, но и хорошее русское произношение.

Вряд ли надо доказывать, что в 20 столетии произошла встреча двух культур в области музыки, балета, театра и литературы. В Европе, как и в Америке, влияние русского искусства чувствуется во всех отраслях. Если оставить в стороне Париж, Лондон и Нью Иорк и сосредоточить свое внимание на Сан-

Франциско и окружающих его городах (Окланд, Берклей и др.), то и здесь за последние 35 лет мы слышали музыку почти всех больших русских композиторов. Приезжие русские дирижеры (И. Добровейн, И. Стравинский, С. Прокофьев, С. Рахманинов, Н. Соколов, О. Габрилович) в свои программы включали русскую музыку. Почти все великие солисты выступали у ЗОЛОТЫХ ВОРОТ: Шаляпин, Нина Кошиц, Женни Турель, Пятигорский, Яша Хейфец и другие знаменитые русские скрипачи; пианисты: Браиловский, Орлов, Горовиц, Истомин, Рахманинов. Их мы слышали почти каждый год. Чикагская опера и Сан-Франциско опера давали «Снегурочку», «Золотого Петушка» и «Бориса Годунова». Все это музыкальное богатство слушалось американцами при переполненных залах. Хор Жаровцев наполнял публикой все театры до отказа.

Приезжала сюда и Анна Павлова с «Жар-Птицей», затем и другие балетные компании. Знатоки русского балета с гордостью могут перечислить русских балетмейстеров, хореографов, их работу с новыми балетными «звездами» и новыми постановками.

Что же делалось самими русскими в Калифорнии в области музыки? Русские дирижеры имели в симфонических оркестрах многих русских музыкантов. Выдающиеся солисты, как Мишель Пиастро, Наум Блиндер и др. возглавляли отделы в оркестре. Симфонический оркестр в Сан-Франциско занимает одно из почетных мест среди других в Америке.

Здесь у Золотых ворот было несколько русских, до самозабвения любивших русскую музыку и особенно русские оперы. С небольшими силами и еще меньшими финансовыми средствами эти «меценаты» поставили в 1936 году оперу «Жизнь за Царя». В большом оперном зале «Тиволи» дирижер П. Шульгин управлял оркестром; русские художники напи-

сали декорации; хор (45 человек) и солисты вполне удовлетворяли требовательную публику. Опера повторялась несколько раз, однако расходов покрыть не удалось. Это не остановило таких «меценатов» как Л. Яковлев, В. Великосельский и др. В 1940 г. в 100-летний юбилей рождения Чайковского, был поставлен весь балет «Лебединое Озеро», а в 1944 г. опера «Князь Игорь», затем два года спустя «Снегурочка», «Демон». Понятно не все было первоклассным в этих постановках. Конкурировать с американцами было не под силу. Значительный дефицит от поставленных русских опер долго выплачивался, но не останавливал горения любителей музыки. Так на вопрос, заданный одному из устроителей: — «Почему и зачем вы это делаете?» последовал убедительно-самоотверженный ответ:

— Да имею же я право ходить уже десять лет вот в этом обшарпанном пальто, потерявшем и цвет, и форму! Вместо нового пальто имею же я право уплачивать свой долг за оперу. Ведь это же русская опера! Она ставилась впервые в Сан-Франциско, на русском языке, с русскими певцами и певицами!».

С таким же гореньем был поставлен «Евгений Онегин», где выступала в 1942 г. Нина Кошиц (няня) и ее дочь Марина в роли Татьяны. Русские оперы посещались обыкновенно только русскими, и повторные представления не наполняли зала. Зато короткие сцены из различных опер (из «Пиковой Дамы», из «Царя Салтана», из «Евгения Онегина», короткая опера «Алеко» Рахманинова) перед началом бала охотнее посещались русской публикой.

Еще раз в 50-х гг. были поставлены «Русалка», «Евгений Онегин», сцены из Бориса Годунова»,... затем оперные «меценаты» и артисты на время замолкли.

Не всегда большое бывает героическим и успеш-

ным. Когда-то Бисмарк сказал, что на поле сражения побеждает народный учитель: он поднимает своей ежедневной работой культурный уровень населения. В Сан-Франциско было много «неизвестных солдат» — первоклассных и второклассных музыкантов. Среди них были талантливые, добросовестные учителя. В студиях (рояль, скрипка, пение, виолончель и др.) своей систематической работой они вызывали и развивали любовь к музыке вообще, и к русской музыке тоже. У них в студиях занималось большое количество американцев. В местных балетных школах процент посещающих американцев был выше чем русских учеников. Своими ежегодными концертами и постановками русские учителя давали публике возможность убедиться в наличии встречи двух культур в музыкальных и балетных достижениях своих учеников.*

Театральной деятельности в Сан-Франциско и русским писателям в Калифорнии посвящаются особые статьи. Обе области искусства были закрыты для американцев из-за незнания ими русского языка. Однако драматические произведения, особенно А. Чехова на английском языке, имели всеобщий успех. Техника Московско-Художественного театра и новейшая Михаила Чехова заметно повлияли на игру артистов и на американские постановки. В Берклее в Калифорнийском университете под режиссурой опытных профессоров были поставлены почти все пьесы Чехова, затем «Жизнь Человека» и «Тот, кто получает пощечины» Андреева. Из среды своих студентов профессора имеют возможность хорошо подобрать действующих лиц для выбранных ими пьес.

---

* Постановки С. Темова, А. Жуковского и др. отличались художественным вкусом и профессиональной техникой.

Русская литература 19-го столетия — мировое явление. Нет почти страны, где Тургенев, Толстой и особенно Достоевский не имели бы подражателей. К сожалению, среди многих талантливых писателей в Калифорнии нет настолько выдающихся, чтобы их можно было бы поставить в первый ряд. Если советский писатель Шолохов (автор «Тихого Дона») правильно оценил советскую литературу, сказав, что за последние 20 лет вышло из печати пожалуй только ДЕСЯТЬ книг достойных внимания, то для Калифорнии с ее русским населением около десяти тысяч нельзя ожидать даже этого. Трудно согласиться и с Замятиным, что у русской литературы было славное прошлое и вряд ли будет будущее. Смолкли голоса Куприна, Мережковского, З. Гиппиус, Шмелева, Бунина, Тэффи, Алданова и др., но остались Ремизов, Сирин-Набоков и слышатся уже «молодые, добрые голоса».

Наряду со встречей разных культур наблюдается в какой-то степени СМЕЩЕНИЕ русского культурного центра. В 20-ых годах и до войны несомненно таким литературным и художественным центром был Париж. После войны некоторые русские писатели и журналисты, многие артисты и музыканты оказались в Америке. Русские ученые продолжают свою работу в американских университетах и ученых институтах. Щедрая финансовая помощь американских миллионеров помогает встать на ноги некоторым русским журналам в Европе и в Нью Иорке. Молодой Форд помогал издательству имени А. Чехова и обогатил русскую эмиграцию классическими и новыми произведениями. В этой помощи американцев видна дружески-творческая встреча культурных представителей двух стран.

Кто может отгадать, куда пойдет дальнейшее смещение русского культурного центра: вернется ли он обратно в Европу или окрепнет в США и двинет-

ся в разных направлениях по разным городам и весям?

Сборник «У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ» дает намек, что даже здесь, в Калифорнии, чувствуется какой-то рост новых русских культурных сил. Пусть это только кирпичик, но крепкий и готовый, может быть, для начала постройки чего-то нового и стойкого. Кто знает, «что день грядущий нам готовит?»

Трава растет нарядная
В степи, полынь-трава...
Степь русская громадная!
Да что мои слова?...

Не петь мне песни звонкие
На склоне грустных дней...
Лежу соломкой тонкою,
Мне-ль распевать о Ней?

Давно, давно копытами
Растоптана Она...
Измятая, прибитая...
Полынь — моя Страна!

Я снопик русской горечи
Принес с собой сюда...
Забился в норку кроличью...
И так прошли года.

На стенке скоро высохла
Полынь, трава степей,
О радости неслыханно,
Так пей же горе, пей!

Сожми рукою сильной
Сухой травы пучок —
На мой бугор могильный
Пусть брызнет горький сок!

К. Кролл.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ В КАЛИФОРНИИ

Наша эпоха не войдет в историю, как период процветания искусств. Глубокие сдвиги и трагедии человечества отвлекают от интересов культуры. Искусство, как высокая специализация выражения исключительно одаренных личностей, в наше время интересует меньше, чем массовые механические преимущества и стихийные мировые перетасовки. Самые формы современного искусства — абстракции и головоломные композиции — говорят о том, что личности с творческим стремлением сами находятся в искании путей, еще не найденных, и для них самих часто замаскированно-непонятных.

Тем не менее каждое поколение дает новые таланты. В каждом обществе известное количество индивидуумов выбирает искусство, как свою жизненную задачу. В русской эмиграции и в Калифорнии за наши 35 лет мы видели и знали русских одаренных людей, которые достигли высокого мастерства в живописи или скульптуре. Кто они, как работают некоторые из них, является темой этой краткой заметки.

Нужно напомнить, что как раз до начала первой мировой войны, в предыдущие семьдесят пять лет Россия испытывала артистически очень знаменательный период. Русская живопись, русская музыка, русский театр быстро достигли необыкновенно блестящих и неоспоримо русских выражений. Современное европейское артистическое безвременье и скудость мыслей и достижений на оообще-мировой арене имеет интересный контраст в недавнем прошлом: — появление в конце 19-го и начале 20-го столетий в разных областях искусства русских творений, которые были бесспорно признаны, как совершенно новые, яркие проявления эпохи. Этот факт важен для понимания той артистической традиции, если можно

так выразиться, и того энтузиазма к искусству, который побуждал к творчеству русских художников, имевших еще прикосновение к дореволюционной России.

* * *

За годы эмиграции в Калифорнии мы перевидели не мало русских художников: Рерих, Архипенко, Колмыков, Сорин, Недашковский, Стерн, Глеб и Петр Ильины, Арнаутов, Евгений Иванов, Сацевич, фон Мейер, Николай Фешин, Всеволод Ульянов, Сергей Иванов, Щербаков, Михаил Чепурков,— вот некоторые, хотя далеко не все, о которых говорили и писали. Все эти художники и скульпторы — законченные мастера; некоторые из них с международной известностью. Каждый из них в отдельности, и даже как группа, хотя они сами себя никогда так не группировали, — эти русские художники за границей, каждый по-своему, нашли ту форму искусства и то выражение, которое они сами себе поставили и «осуществили», хотя не могли дать своего «максимума», находясь в эмиграции.

Некоторые русские художники принимали участие в американских организациях, например «Вестерн Артистс»: Петр Ильин, Моллас, Орловский, Здасюк, Першин и Тихомиров. Успешно занимаются живописью и выставляются ряд русских художников и художниц: Ваганов, Надежда Ильина, Хелги, Скоблина, Четвериков; остальные составляют внушительную по числу и небезинтересную по достижениям группу.

* * *

Как охарактеризовать «русское искусство в Калифорнии», вспоминая выставки и рецензии за 1925 — 1956 годы? Не имея места говорить о всех, остановимся на трех, хорошо известных многим.

СЕРГЕЙ ИВАНОВ, выдающийся художник, пишет в реальных формах. В эмиграции он работал как

портретист: в Европе и на американском континенте. Осмотр его работ в студии убеждает, что его лучшие вещи сделаны «для себя», небольшого размера, где художник хочет передать интересными формами свои мысли и фантазии. В своих популярных работах Иванов прибегает к этому редкому гипнотическому качеству не так часто. Его портреты умно и свободно задуманы и мастерски исполнены.

МИХАИЛ фон МЕЙЕР — скульптор. Современная художественная неопределенность мало приемлема для этого художника с сильно выраженными артистическими предпочтениями и утонченным вкусом. Его особенно интересуют барельефы своей своеобразной игрой света и тени; также и деревянные скульптуры. Очень хороши некоторые из его исторических композиций, например, его большие романтические эпизоды ранней Калифорнии.

СЕРГЕЙ ЩЕРБАКОВ — акварелист, пейзажист, заинтересованный классическим пейзажем в ритмической интерпретации. Он, повидимому, не слишком беспокоится о поминутно меняющейся современности. В его ритмах и прекрасных красках читаешь весть, что все преходяще и только природа неизменна.

* * *

Оглядываясь назад, и зная трудности и испытания эмигрантов, нужно признать, что русские художники принесли нечто свое и самобытное в Калифорнию. Очень возможно, что именно старая русская просвещенная эмиграция на этом побережьи, которая так благополучно ассимилировала обе культуры, первая признает, что русское искусство своеобразно и стойко, и что его художники заслуживают серьезного внимания и будут являться одним из живых источников гордости нашего необычайного поколения.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В С-ФРАНЦИСКО

Любовь к театральному искусству глубока и крепка у русского человека. Ее ничем не остановишь, ее нельзя убить никакими препятствиями, никакими неудачами.Эту притягательную силу театра глубоко чувствовали крепостные артисты в России в 18-м веке. Неудивительно, что в наше грозное время даже в Соловецком концентрационном лагере шли с большим успехом театральные представления, так ярко описанные Ширяевым в его «Неугасимой лампаде». Духовное горение в театральном деле помогало многим уйти от ужасающей, убийственной действительности, чтобы сохранить в себе что-то Человеческое.

За последние 30-35 лет здесь в Калифорнии происходило на наших глазах это театральное «горение» среди русских эмигрантов. Около 200 различных постановок были поставлены здесь разными организациями, группами и одиночками: детские спектакли русских школ, сложные постановки исторических пьес, смелые попытки поставить здесь ряд русских опер и даже, целиком, весь балет «Лебединое озеро». Какой размах!

Следовало бы вспомнить добрым словом всех устроителей и всех участников, всех «неизвестных солдат», сидевших в суфлерской будке, стоявших и бегавших за кулисами, приготавливавших все бутафорские мелочи. Для перечисления только их имен понадобилась бы целая книга. Тот, кто творил здесь лицедейство и помогал ему, сам найдет в этом очерке свое участие и, может быть, некоторые неточности изложенного, хотя велись беседы о проверке событий со «свидетелями многих лет» и тщательно просмотрены альбомы Музея-Архива в Русском Центре.

Ежегодные многочисленные концерты светской и духовной музыки знакомили публику с неисчерпы-

ваемыми сокровищами наших русских композиторов. Наши художники, особенно Н. Першин и Е. Орловский неутомимо писали декорации для больших и малых постановок. Вероятно, не менее ста спектаклей прошли при их художественной помощи. Таково было всеобщее неугасимое горение в течение десятков лет.

Только с прибытием в 20-х годах нашего столетия антикоммунистической эмиграции, в среде которой оказались значительные группы русской интеллигенции, началась театральная деятельность в Калифорнии. Приехавшие студенты поставили «Женитьбу» в Берклее; «Медведя» Чехова в 1921 году сыграли (юная Клавдия Улиткина и Вл. Петр. Кулаев) в подвальном помещении Троицкого Собора. В 1922 г., опять таки студенты Н. Кожевников и Е. Фишер, в первый раз уже в театре «Секвойя Холл» поставили «Без вины виноватые» Островского. Они оба были главными даровитыми артистами во многих последующих спектаклях. В феврале 1923 года состоялась лекция приехавшего в Сан-Франциско С. Гусева-Оренбургского и постановка 3-го акта из его пьесы «Красная Москва». В том же году образовалось в Сан-Франциско Русское Общество Взаимопомощи и при нем секция: Литературно-художественный кружок с драматическим отделом. Этот, так называемый Драматический кружок ном. 1 поставил в сезоне 1923-24 г. до 29-ти спектаклей. Почти все постановки кружка прошли в помещении «Турн Ферейн Холл» — ныне собственный четырехэтажный дом Русского Центра.

Летом 1924 года образовалась новая театральная группа ТАРД, (Товарищество Артистов Русской Драмы), пожелавшая на коммерческих началах основать Русский театр. Доходы со спектаклей распределялись среди участвующих; касса оставалась пустой, и при первых же неудачах организация рас-

палась, хотя некоторые постановки шли с художественным налетом, и там играли даровитые артисты: В. Аликар, Т. Лауб, бр. Масловы, Сацевич, Г. Калинин, М. Тараник и др.

В 1925 году Драматический кружок ном. 2 некоторое время ставил свои спектакли под вывеской Русского О-ва Взаимопомощи, но вскоре он сделался самостоятельной организацией; председателем был Е. Беляев. Затем В. Варженский и др. поставили «Кукушкины Слезы» А. Толстого, затем «Дни нашей жизни» Л. Андреева и др.

В 1926 году председателем и вдохновителем Драматического кружка ном. 2 становится неутомимый энтузиаст В. Варженский. Среди постановок того времени нужно отметить «Лес» Островского, «Вишневый Сад» Чехова, «Месть Амура» Щепкиной-Куперник и пьесы местных авторов: Кирова и К. Яровикова.

В Драматическом кружке ном. 2 образовалась группа «Неомельпоменистов» с участием талантливой артистки и композитора А. М. Микешиной, Ю. Сатовского-Ржевского, М. Мельникова, Б. Ярославского (Тихомирова). Они создали и поставили удивительную пьесу «Австральное тело Альфонса Доде». Она производила странное впечатление, но по мнению Н. Першина «она была так ярко пронизана живым бодрым юмором, что смотрелась с неослабевающим интересом».

Небрежная постановка пьесы «Дантон» ухудшила положение Кружка, и он разделился. Часть членов образовала Общество Русской Культуры (РОК). Даровитая артистка В. Аликар поставила пьесы: «Мадам Икс», «Анфису» Л. Андреева и «Мадемуазель Фифи» (инсценировка Е. Грот рассказа Мопасана) и «Тот, кто получает пощечины» Л. Андреева. Однако о-во по каким-то внутренним причинам закрылось.

Остатки Драматического кружка во главе с Вар-

женским образовали новое общество «Кружок любителей драматического искусства». Он поставил «Майскую ночь» по Гоголю, «Потонувший Колокол» Гауптмана, «От ней все качества» Л. Толстого, «На дне» Горького и пьесу Сатовского. С отъездом Варженского и других артистов общество закрылось.

После короткого перерыва Драматический кружок воскрес под руководством М. С. Крапивницкой. Было поставлено несколько пьес Островского; после этого она прекратила свою работу.

Параллельно работал режиссер и профессиональный артист Ю. Братов, приехавший из Сеаттля. Его пьеса «Приехали» прошла с большим успехом. После этого он поставил «Живой труп» Л. Толстого, «Ревизор» Гоголя, «Недоросль» Фонвизина, «Наталку-Полтавку». По его инициативе создался на коммерческих началах театральный клуб, «Дом Артиста» с театром «Колобок», и там шли разнообразные постановки. Однако, несмотря на успех среди публики, театр «Колобок» из-за больших долгов закрылся.

Группа лиц под влиянием Е. Беляева и артиста В. Иконникова создала еще одно театральное О-во «АРТ» (Артистов и любителей русского театра). Вначале удалось объединить многих артистов. Но после смерти В. Иконникова и отхода от дел Е. Беляева произошел раскол. Небольшая, но активная часть членов, во главе с Братовым, ушла из АРТ'а и образовала «Студию-театр имени Островского». Работа в студии продолжалась недолго, и студия закрылась.

Основная часть АРТ'а, пережив удар от разделения, оправилась и продолжала свою работу. За последние годы АРТ поставил: много комедий Островского, «Момент Судьбы» и «Царица Таир» Тэффи, «Чудесный Сплав» Киршона и др.

Известная артистка московских театров Е. В. Лукомская-Карлтон и Е. Славина-Браун провели с

большим успехом вечера Чехова, Достоевского, Островского и др.

С приездом новой волны эмиграции в 1951-м году посещаемость спектаклей увеличилась. Как в 20-х годах стали образовываться новые организации, новые антрепризы. Подобно ТАРД'у на коммерческих началах режиссер С. Уралов создал «Общедоступный Театр» и в первый год поставил более десяти спектаклей: (в 1951 г. «Тубабаовцы в Америке» О. Скопиченко, «Хамка», «Вечер миниатюр», «Волк» Урванцева, «Недомерок», «На бойком месте» Островского, «Аттестат зрелости» под режиссурой Л. Эберга и др.).

Энергия С. Уралова стала быстро падать, и его театр закрылся.

Приезд профессионального артиста А. С. Орлова снова оживил театральную деятельность своими постановками в 1954 и 1955 гг.:

«Осенние скрипки», (1954).
«Чортова карусель», А. Ренникова.
«Его концерт», Барра.
«Цена жизни», Немировича-Данченко, (1955).
«Бешеные деньги», Островского. "
«Мадам Икс», А. Биссона. "
«Женщина побеждает», Р. Бракко. "

Несмотря на большую посещаемость, сбор не оправдывал его надежд.

Публика охотно посещает оперетки в постановках В. Костенко и В. Лукша, но большие расходы съедают всю ожидаемую прибыль. Даже для повторного спектакля нельзя собрать полного зала. А каждый раз ставить новую пьесу сопряжено с репетициями, новыми декорациями, расходами за зал и за объявления в газету; на крохи остающейся прибыли жить нельзя, и мечта о постоянном русском

театре так и остается пока мечтой.

Однако мнение художника и постоянного театрального декоратора Н. Н. Першина звучит вдохно--вляюще:

«И все-таки несмотря на все неудачи, убытки, разочарования, тяжелый труд, русские артисты и любители из года в год работают на подмостках театра, желая сохранить русское театральное искусство. Оказывается, можно потерять все материальные ценности, но ценности духовные живут и горят, освещая жизненный путь эмигранта, путь полный шипов, труда и лишений».

Все твое достояние,
Что осталось от прежних лет —
Детской улыбки сияние
Да старый английский плэд.

Ты плэд отдаешь тифозному,
А улыбку в алмазной росе
Поднимаешь к Незримому, Грозному,
Пред Которым виновны — все.

Верно взгляд ты встречаешь любящий,
Что Отец над детьми простер,—
Отнимая у нищего рубище
И младенца бросая в костер.

— И походкой беспечно гибкою,
В рваной шубке, в мороз и пургу,
С лучезарно-алмазной улыбкою
Ты пешком проходишь тайгу.

Мне же, в вере и радости павшему,
Остается смятенный бред:
—«Слава Ему, показавшему
Нам Свет!» (1920)

Ольга Ильина.

РУССКИЕ БИБЛИОТЕКИ В КАЛИФОРНИИ

Книги отвечают существенным запросам в нашей жизни. У каждого из нас есть свои любимые, настольные книги. В них мы находим то, что нам нужно: красоту, поэзию, жизненную одухотворенность, философию, научный материал. Они заставляют нас критически мыслить, будят наше воображение и эмоции, говорят нам иногда о нашей далекой родине. Вот почему в ответ на этот запрос, как в крупных центрах Калифорнии, так и в маленьких городках появлялись и росли русские библиотеки.

За последние десятилетия Америка стала во главе не только политическо-военной, но и культурной жизни цивилизованного мира. Здесь в США в течение последних лет заметен рост русских отделов в ее многочисленных библиотеках. Широко известны замечательные русские собрания книжных сокровищ в библиотеке Конгресса, в Нью-Иоркской публичной библиотеке, в Хуверовской библиотеке при Станфордском университете, в Калифорнийском ун-те в Берклее и во многих других университетах.

Славянский отдел Калифорнийского университета в Лос Анжелосе и его библиотека — учреждения сравнительно новые. Около тридцати лет назад на месте теперешнего университета было почти голое поле. Теперь — это громадное учреждение раскинулось на многих акрах Вествуда, а университетская библиотека не очень давно праздновала «миллионный» том в своей коллекции. В 1947 году среди этого миллиона книг в Славянском отделе было около 25,000 томов, включающих материалы для исследовательской работы*.

---

* Проф. Д. Красовский. «Русский отдел библиотеки Калифорнийского ун-та в Лос Анжелесе».

Среди книг и журналов по литературе, истории, экономике и др. библиотека Славянского отдела обладает многими униками: два биографических словаря Митрополита Евгения (Болховитинова), по два тома каждый; замечательный библиографический журнал «русского немца» Бакмейстера (в конце 18 столетия); очень занимательное создание Императрицы Екатерины II — Сравнительный словарь всех языков, известных в ее время.Этот словарь появился в двух изданиях: Палласа в 12 томах и Янковича де Мириево в 4-х томах. В Америке четырехтомное издание, вероятно, имеется только в библиотеке Калифорнийского ун-та в Берклее. Этот словарь, хотя и не научный и не совсем удачный, все таки дает сведения о первой попытке сравнительного языкознания*.

Среди книгохранилищ особое, единственное в Америке, место занимает «Военная библиотека имени Хувера в Пало Алто. По богатству содержимого она не уступит даже европейским книгохранилищам: Musée de la guerre, Weltkriegsbücherei, British War Museum. Французский музей собирает все, что было опубликовано о войне во время войны; Британский музей все об участии англичан во время войны; Хуверовская библиотека — материалы исторической ценности на языках почти всех стран*. В ней Славянский и особенно Русский отдел, по количеству названий собранного, стоит на одном из первых мест.

Частные библиотеки скупались в России и пересылались в Калифорнию. Образовалось богатейшее собрание книг и журналов в Хуверовской библиотеке. На полках красуются полные комплекты «тол-

---

* Проф. Д. Красовский. Калифорнийский Альманах, стр. 64-68.

стых журналов»: «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Русский архив», «Русская старина», «Русское Богатство», «Мир Божий», Герценовский «Колокол» и др. Среди газет, плакатов, листовок, среди изданий различных обществ и политических партий можно найти много уников, которые издавались в течение одного дня или нескольких дней.

Много русских ученых приезжают в Калифорнию для научных изысканий (Вернадский, Головин, Тимошенко и др.), пользуясь материалами Хуверовской библиотеки. По словам проф. Н. Н. Головина «Здесь можно достать то, что в Европе не всегда удается найти».*

Ввиду того, что доступ к университетским библиотекам ограничен, для более широкой публики имеются русские отделы в некоторых городских публичных библиотеках Лос Анжелоса, Сан-Франциско, Сакраменто, Окланда и др. Не всем известно, что русские книги можно доставать из Нью-Иорка и Вашингтона, заказав их в мелких отделах публичных библиотек.

В значительно меньших размерах, но часто для большего круга местных русских читателей создались и выросли библиотеки при русских организациях: в Русском Центре в Сан-Франциско насчитывается до 8 тысяч томов, в Обществе ветеранов — свыше 5 тысяч. В этом году А. Л. Исаенко привел в порядок библиотеку в Митрополичьем подворье, и теперь она открыта для публики.

Есть еще библиотеки при школах, церквах, книжных магазинах и у частных лиц. В Берклее уже в 1926 году, в домашней столовой С. М. Булгаковой все стены были заставлены книгами. Это был русский уголок, где С. Булгакова не только кормила студентов, но и выдавала им книги. Подбор книг был крайне разнообразен: от классиков до современной литературы, от детских книг и учебников до

богословских трактатов.

После смерти С. Булгаковой в 1924 г., ее библиотека была передана в церковь Иоанна Крестителя в Берклее. В настоящее время она обогатилась частными пожертвованиями и щедрым даром издательства имени Чехова в 1954 г. В ней до двух тысяч томов.

В течение многих лет Н. В. Борзов из своего кабинета в Берклее снабжал книгами своих многочисленных знакомых, учителей и профессоров. Около шести лет Н. В. Гиллеспи давала свои книги для общего пользования в Сан-Диего и в Окланде.

Вообще, несмотря на трудности приобретения книг, на дороговизну переплетов, на скромность «доходов», книги удовлетворяют разнообразный состав читателей.

Внуку.

Ты такой крошечный, ты такой маленький,
Откуда пришел ты, и куда идешь?
На тебе так смешон твой костюмчик аленький,
Твой зверек игрушечный на тебя похож.

Но ведь ты — человечек, и совсем особенный,
Никого нет, и не было, и не будет, как ты,
Между тем в твоем облике не случайно обронены,
Не случайно воскресли родовые черты.

То мелькнут мне в улыбке, и тот час же скроются,
То из детски-наивных покажутся глаз...
Наш росточек зелененький, мир тобою строится
От старинных корней — через нас.

(1941) **Наталья Дудорова.**

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В КАЛИФОРНИИ

Калифорния, весной цветущая золотым маком, осенью полная ароматного золота винограда и апельсинов, издавна влекла к себе русских.

Из Аляски пришли первые колонизаторы. Среди них оказались историки, этнографы, позднее писатели и поэты. Первые памятники русской письменности в Калифорнии — это мемуары, письма, дневники, правительственные указы и донесения. Затем последовала волна русских эмигрантов, покинувших свою родину по религиозным и политическим причинам. Отдельно стоят сектантские группы: духоборы, молокане, баптисты, не имевшие большого значения как литераторы.

После русской революции 1917 г. и гражданской войны вторая эмиграция, как ее назвала Лига Наций, двинулась из Сибири через Японию и Китай, доехала до Калифорнии и тут поселилась. Теперь это — старые эмигранты, воспитавшие здесь своих детей и внуков.

Первый период представляет ценный материал для историка Калифорнии. В этой исторической перспективе выделяется романтическая фигура Николая Резанова, оставившего обширный доклад в 1806 г .Описание путешествия Резанова издано в 1924 году.

Затем следует описание «Санто Франциско» лейтенанта Российского флота Маркова (1845), хранящееся в библиотеке Банкрофта в Берклейском Калифорнийском университете. Член Императорской Академии Наук Кирилл Хлебников (1775-1833) переселился из Аляски в Калифорнию, где приобрел имение близ форта Росс; он оставил ценную научную библиотеку и записки. Позднее Иван Петров (1842-1896), бывший офицером сначала русской, затем американской армии, работал вместе с американским

историком Банкрофтом; он оставил карту Аляски, сотрудничал в газете «Хроникл» и в журнале «Арго-навт». Кроме статей на английском языке он написал ряд рассказов, собранных им в одну книгу. У его дочери, которая живет в Лос Анжелосе, есть несколько его неопубликованных рукописей.

Первым редактором русской газеты в Калифорнии в Сан-Франциско (1868) был Агапий Гончаренко (1832-1916). Его газета выходила с двойным названием: «Герольд Аляски» и «Свобода». Жизнь Гончаренко была полна разнообразных приключений: он был членом Русского посольства в Греции, сотрудничал в Лондоне в «Колоколе» Герцена и закончил свою жизнь здесь в Калифорнии, недалеко от Хейварда. В 1871 г. он основал русскую школу, в 1860 г. издал «Стоглав».*

Другая русская газета «Великий Океан» появилась в Сан-Франциско в 1911 году. Редактором ее был украинец Щербак, который в 1917 г. уехал на родную Украину, взяв с собой печатный станок, в надежде продолжать там свое дело.

За все это время здесь не было профессиональных литераторов. Только с приездом в 20-х годах большого количества интеллигентных людей появляются как одиночки, так и организации, которые выпускают газеты из года в год; печатаются журналы, литературные сборники, стихотворения, рассказы и романы.

На короткое время появилась «Русская газета» (еженедельник) в 1921 г. под редакцией Ф. А. Постникова. Затем год спустя американец Кларк стал издавать газету «Русская Жизнь». Газета «Русские Новости» и затем «Русские Новости-Жизнь» была в руках их собственника и редактора П. Балакшина.

---

* Сватиков. «Агапий Гончаренко» в журнале «День Русск. Ребенка» ном. 17, 1950 г. стр. 30-41.

В 1941 году она была куплена Русским Центром. Первым редактором ее был профессор Г. К. Гинс.

В 20-х и 30-х гг. не раз возникали попытки издавать русскую газету. Их жизнь в большинстве случаев была недолговечна; некоторые оказались «однодневными». В 1923 г. появилась газета «День», в следующем году «Современник», затем «Русская Мысль» в 1925 г. и «День русской Культуры» в 1926 (один выпуск). Раз в году выходил «Русский Медведь», газета Татьянинского дня в 1930, 1931, 1934 г. под редакцией П. Балакшина; непродолжительны были «Западная Правда» (1934) и «Клич молодой России» (1933), орган Союза Младороссов.

В настоящее время в Сан-Франциско выходят три русских газеты: пятидневная «Русская Жизнь», (с 1941 г.), пятидневная «Новая Заря» (с 1929 г.) и еженедельник «Наше Время» (с 1950 г.).

Среди журналов первой ласточкой был маленький журнал «Родные Мотивы» (1923 г.). Вышло всего два выпуска. Издателями его были Ф. Постников и профессиональная журналистка и поэтесса Елена Грот. В журнале принимал участие С. И. Гусев-Оренбургский, живший в то время в Сан-Франциско.

В мае 1926 г. вышел ном. 1 «Вестника ветеранов Великой войны» под редакцией генерал-лейтенанта А. П. Будберга. В нем было всего 14 страниц. Он печатался на мимеографе. Вся работа по изданию была бесплатной. Военные писали свои воспоминания об участии в Первой мировой войне и в гражданской. Много ценного исторического материала и исследований современных военных событий можно найти в научных статьях А. Будберга и других авторов из среды образованного офицерства. Этот журнал с каждым годом увеличивался в размерах и распространении: в последние годы печаталось 300 экземпляров. В декабре 1954 г. был торжественно отпразднован выпуск 200 номера.

Создатели и продолжатели «Вестника Ветеранов» в Сан-Франциско могут гордиться своей продолжительной неутомимой работой по изданию его с 1926 по 1956 гг. В своем собственном доме они открыли военный музей в 1944 г.; их многотомная библиотека выросла из 300 томов, пожертвованных в 1924 г. А. П. Будбергом; в 1928 году в ней была уже тысяча книг, в 1938году— три тысячи томов, а в настоящее время уже пять тысяч.

Рядом с «Вестником Ветеранов» как-то неловко вспоминать листовку «Русско-Американское Эхо» (1929), вышедшую в Берклее на английском языке. Материал был посвящен русской музыке и литературе. Журнальчик «Рампа» ном. 1 изд. АРТ'а вышел в 1941 г. под редакцией Е. Исаенко.

Уже несколько лет как о. Николай (Вейглас) в Берклее издает маленький журнал религиозного содержания «По стопам Христа».

Долго просуществовал ежегодный журнал «День Русского Ребенка», благодаря неустанной работе Н. В. Борзова. Его журнал был религиозно-патриотического содержания с образцами поэзии и прозы русских классиков наряду с произведениями местных авторов. Историко-библиографический материал этого журнала несомненно заслуживает внимания и ждет оценки историков. За 22 года издания размер его постепенно увеличивался во много раз.

Педагогический журнал Н. Автономова должен занять почетное место, потому что он единственный в своем роде во всей Америке, как по своему содержанию, так и по технической части этого издания. Все делается в этом журнале самим редактором, Н. Автономовым. Он выпустил уже 38 номеров с педагогическими статьями о преподавании русского языка американцам.

В 1936 г. вышли два номера красиво изданного журнала «Земля Колумба», под редакцией П. П.

Балакшина. Там были рассказы, стихи, а также переводы произведений некоторых современных американских писателей и снимки работ местных художников и скульпторов.

Журнал «Дело» Иваницких в 1951 г. посвятил каждый из своих четырех номеров одному из русских писателей: Бунину, Тэффи, Ремизову, Пантелеймонову. К сожалению, журнал «Дело» неожиданно прекратился: все типографское оборудование было продано, и чета Иваницких уехала в другой город.

За последние годы в Калифорнии выходят небольшие политические журналы, но выпуск их не отличается регулярностью: («Согласие», «Родные дали», «Наш путь», «Жар-птица», «Русское Дело», «Свисток» и др.)

Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско за это время издал два литературных сборника:

«ДЫМНЫЙ СЛЕД» (1925)

«КАЛИФОРНИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ» (1934 г.)

В обоих сборниках встречаются имена и произведения лиц, ставших теперь профессиональными писателями и журналистами.

Из писателей, постоянно работающих в своей профессии, надо указать на Александру Мазурову. Она пишет в Америке с 1919 года по-русски и по-английски, в русских и американских журналах и газетах. Ее художественная критика литературных произведений и особенно статьи о балете, о художниках и скульпторах, ярки и оригинальны.

Список изданий калифорнийских русских поэтов и писателей довольно обширен. Краткая заметка о каждом вряд ли удовлетворит читателя. Однако имя, название произведения и год издания невольно

заставят задуматься, так ли незначительно было их творчество?

Печатные труды русских в Калифорнии:

Сборники стихотворений:

О. Ильина. Молчание звезд. 1926.
Е. Грот. Свеча зажженная. 1930.
Борис Волков. В пыли чужих дорог. 1934.
Е. Антонова. Отражения. 1944.
Р. Березов. Народные жемчужины. 1950.
Дождь и слезы. 1951.
Радость. 1953.
Песни души. 1955.
О. Скопиченко. Неугасимое. 1953.
А. Волошин. На путях и перепутьях. 1953.
И. Вонсович. Покуривая трубку. 1930.

Рассказы и романы:

М. Тулинова. Сказки. 1927.
И. Еловский. Русские студенты в Америке. 1922.
Ю. Братов. Повесть об одном генерале. 1932.
Приехали, комедия.
А. Мазурова. Земля, роман. 1929.
Беатриче. 1947.
П. Балакшин. Повесть о Сан-Франциско. 1936.
Весна над Фильмором. 1937.
Возвращение к первой любви. 1953.
Планировщики, сатира. 1955.
Н. Федорова. Семья. 1952.
Р. Березов. Далекое и близкое. 1952.
Русское сердце. 1954.
П. Лапикен. Четыре города. 1935.
Е. Печаткина. Перекати-поле. 1951.
Г. Ишевский. Честь. 1956.
Н. Нароков. Мнимые величины. 1952.

Статьи и книги философского содержания и по литературоведению:

Епископ Иоанн (Шаховской). Время Веры. 1954.

Г. Струве. Русский европеец. 1950.
О. Гумилеве. 1952.
Собранные труды О. Мандельштама. 1955.
Русская литература в изгнании. 1955.

В. А. Рязановский. Обзор русской культуры. 4 т. 1947 — 1949.

М. Полторацкая. Язык переводной литературы при Петре Великом. 1937.
Фолклор Некрасовских козаков. 1941.
Историческая грамматика русского языка. 1940.
Атлас диалектов в Ростовской области. 1936.
Пушкин в Донской области. 1941.
Учебник русского языка для американской военной школы. 1951.

200-летие открытия Аляски. Юбилейный сборник 1741 — 1941. Издание Русск. Ист. О-ва в Сан-Франциско (1942) под редакцией М. Д. Седых.

Г. К. Гинс. 11 книг политико-экономического содержания, изданные в Омске, Пекине и Харбине (1918 — 1941).

Печатные труды русских писателей и ученых на английском языке указаны в конце книги.

ЖУРНАЛ

В помощь преподавателю русского языка в Америке

Журнал посвящен русскому языку и методике преподавания его в Америке.

Он является единственным журналом в Америке, специально посвященным русскому языку. Именно отсутствие подобного журнала и побудило его редактора-издателя приступить к его изданию.

С самого первого номера журнал стал ратовать за то, чтобы преподавание русского языка было поставлено здесь, в американских университетах, колледжах и специальных школах, на надлежащую высоту.

В этих целях журнал пропагандировал мысль о необходимости организации при американских педагогических отделениях университетов и колледжей русских отделов, где разрабатывались бы вопросы преподавания русского языка в школах Америки. Как временную меру, журнал рекомендовал организацию при университетах и колледжах чтения курса методики русского языка. К сожалению, прочитан этот курс был только четыре раза.

Не удалось журналу видеть осуществленным другое его начинание, которое он предлагал: широкое обследование по всем США положения русского языка, проблем его преподавания и желательных реформ в связи с этим. К подобному обследованию в США до сих пор не приступлено.

Не удалось журналу видеть осуществленным в надлежащем масштабе и еще одного начинания, которое он пропагандировал: устройства ежегодных выставок в связи с преподаванием русского языка в Америке. Только частично эта идея была осуществлена: в 1952 году при Миамском университете (Фло-

рида), а в следующем году при Чикагском университете. И эта идея еще ждет своего настоящего осуществления.

К настоящему времени (на 1 июля 1956 г.) вышло 38 номеров журнала. Последний дает четыре номера в течение года.

Содержание каждого номера: статьи по филологии и лингвистике, по русской культуре и литературе; методические статьи; в журнале постоянными отделами являются:

Из практики преподавания русского языка в американских школах.
Вопросы и ответы (лексика, морфология, синтаксис, орфография).
Очерки по преподаванию русского языка в школах Америки.

В журнале хорошо поставлены отделы: библиографический, хроника, переписка с читателями. Большое внимание уделяется теоретическим работам по русскому языку не только в Америке, но и в Западной Европе, а также в СССР.

Помимо 38 номеров журнала последний выпустил к настоящему времени 26 особых сборников; в отдельных сборниках даются статьи, напечатанные в журнале, но объединенные определенной темой.

В журнале принимали и принимают участие профессора и преподаватели в американских университетах и колледжах, а также другие компетентные в вопросах русского языка и его преподавания лица. Свыше 60 лиц являются авторами статей журнала, которых насчитывается больше 150.

Из основных сотрудников журнала необходимо назвать д-ра М. А. Полторацкую, проф. Н. В. Первушина, проф. П. Е. Ершова, проф. Я. А. Позина, проф. Е. А Волконскую, проф Н. П. Вакара, проф. Д. М. Красовского, проф. Б. С. Фридла, д-ра Е. А. Мало-

земову, М. М. Заречняка. В разное время в журнале помещали свои статьи проф. Г. К. Нойз, ныне покойный), проф. Г. П. Струве, проф. О. А. Масленников, д-р Е. М. Двойченко-Маркова, проф. Собелл, проф. Г. Д. Гребенщиков и др. Ряд статей поместил в журнале и его редактор-издатель Н. П. Автономов.

ЛЮБОВЬ И ВЕРА

Любовь и вера легли в основание многолетней деятельности двух организаций в Сан-Франциско: Отдела помощи русским детям зарубежья, который существует в Сан-Франциско с 1932 года, и журнал «День Русского Ребенка», который начал издаваться в 1934-ом году.

Эти две ветви проявления лучших духовных сторон человека поддерживались почти всеми русскими общественными и церковными организациями. Все содействовали и работали безвозмездно, чтобы помочь нуждающимся детям за рубежом. За эти многие годы помощь шла в приюты, школы, санатории, — в какие страны? Да всюду, откуда долетал зов о нужде, всем была оказана посильная помощь.

В самые тяжелые годы эмиграции, во время и после 2-ой мировой войны, Отдел оказывал постоянную помощь крестникам. Такая помощь продолжает еще существовать: в настоящее время Отдел имеет ВОСЕМЬ крестников.

Бессменной председательницей отдела О.П.Р.Д.З. в Сан-Франциско свыше двадцати лет состояла д-р Антонина Александровна Максимова-Кулаева. При широком влиянии в общественных кругах и благодаря ее особому организаторскому таланту, Отдел успешно вел работу, все время развивая свою деятельность.

Уезжая в продолжительную поездку заграницу,

доктор Максимова-Кулаева передала председательство Николаю Николаевичу Лебедеву, который с успехом ведет дела Отдела в настоящее время.

Вторая организация — журнал «День Русского Ребенка». Этот журнал был детищем покойного Николая Викторовича Борзова. Он вел всю основную работу по изданию журнала. Его любовь, знание, систематический упорный труд и неизменное желание помочь детям зарубежья проявлялись с первого номера до 22-го выпуска включительно, начиная с 1934 года, когда вышел первый номер размерами в 48 страниц на мимеографе, а последующие номера печатались уже на прекрасной бумаге со многими иллюстрациями, и каждый год увеличивались в размерах, дойдя до 420 стр. с тиражем в 1000 экземпляров.

Издавался журнал на средства частных пожертвований при содействии общественных и церковных организаций.

Поэзия, русская классическая литература, религия и наука были основным содержанием всех выпусков этого журнала. Ученые, литераторы, поэты, художники, композиторы, артисты наших дней охотно безвозмездно внесли свою лепту в эти журналы-книги.

Покойный Николай Викторович Борзов положил упорный многолетний труд и свои знания на издание этого журнала, оказав этим изданием помощь русским детям зарубежья, которая выразилась в очень большой сумме.

Журнал «День Русского Ребенка» и «Отдел помощи русским детям зарубежья» возникли и окрепли при горячем участии Александра Николаевича Вагина и четы П. и М. Боджаровых, ныне покойных. Эти лица, равно как и Николай Викторович Борзов, до конца дней своих неустанно горели желанием помочь и облегчить участь детей зарубежья.

Многие, кто начинал, вел и сотрудничал в двух упомянутых организациях, переступили порог земной жизни, но их любовь и вера останутся вечным светом на радость живущим.

Большинство предыдущих статей безымянны. Для них были использованы материалы, посланные в редакционную коллегию. Многие сообщения повторялись. Недостаток места в сборнике требовал сокращений.

Редакция выражает свою глубокую благодарность А. Мак Гвайер, Е. Желтен, В. Шнееровой, Н. Шебеко, В. Великосельскому, Е. Ивановскому, Н. Першину, Н. Слободчикову, С. Темову, В. Толпегину, о. Георгию (Бенигсену), м. Иоанне, профессорам О. Масленикову и Д. Красовскому, русскому Музею-Архиву в Сан-Франциско, О-ву Ветеранов, и всем другим организациям и лицам, охотно помогавшим редакции при проверке исторической части сборника.

РЕДАКЦИЯ.

Благодарность благотворительно - просветительному Фонду имени ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА КУЛАЕВА

Без щедрой финансовой помощи от Фонда имени Ивана Васильевича Кулаева вряд ли мог появиться сборник «У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ». Широко известно, что Кулаевский фонд помогал «русскому зарубежному ребенку, юноше, ученому, писателю и лишенным отечества общественным деятелям». Более 80 тысяч долларов были переданы русским людям в тяжелые годы изгнания из родной земли. Эта помощь направлялась в разные страны в Европе, Азии, Америке и Африке. «Фонд вывел в люди сотни молодых людей и сохранил для культурной работы десятки представителей науки, искусства и пера».

Идея сохранения русской культуры была дорога и близка И. В. Кулаеву. При его посещении Православного Собора в Варшаве он любуется иконописью, приобретает книжечку с изображениями икон этого храма, которые были написаны лучшими русскими художниками. Он хранит эту книжечку не только для себя, нет, он посылает ее в Харбин; там в Софийском Соборе другие русские художники использовали его книжку с иллюстрациями, сохранив первоначальную иконопись. Собор в Варшаве был уничтожен, но ценное творчество русской культуры осталось в Харбине.

Эта идея охраны русской культуры не чужда и Кулаевскому фонду в США в 1956 г. Когда раздался клич об издании сборника о культурных делах русских эмигрантов за последние 35 лет здесь, у Золотых Ворот, Фонд отозвался и послал щедрый дар Литературно-художественному кружку на издание книги.

УШЕДШИЕ.

(Памяти проф. А. П. Ющенко.)

Нет больше того, кто вступил в 20-х годах нашего столетия на тихоокеанский берег Америки нищим, бездомным иммигрантом. Два года работал А. П. Ющенко на лифте в отеле Сан-Франсис, мечтая в то же время поступить в университет.

По его инициативе возник в Сан-Франциско Литературно-художественный кружок. Он был в нем первым председателем. Много труда было положено им, чтобы вдохнуть в него жизнь; он выступал как лектор, организатор, литературный критик и как редактор журнала «Дымный след» (1925).

Он не забывает своей мечты и главной цели; в 1925 году он в Калифорнийском университете. Зачеты, полученные им в Московском ун-те, дают ему возможность получить степень бакалавра уже через полгода, затем через полтора года он достигает ученых степеней: магистра и доктора философии. Университет Анн Арбор в Мичигане приглашает его читать курс философии, затем Принстонский и Блумингстонский в штате Индиана. В последнем он уже ординарный профессор, где он и продолжал служить до самой своей кончины.

Обширные познания в искусстве всех видов в связи с широтой философской мысли и необычайной трудоспособностью выразились в крупных вкладах Ющенко, в области философии и эстетики. Шесть солидных трудов на английском языке, изданных упомянутыми ун-ами, и до 20 статей в разных философских американских журналах составляют то научное наследство, которое оставил Ющенко человечеству.

Да «не покроет прах забвения» такого русского талантливого труженика и ученого, но да сохранится о нем с благоговейною грустью

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ.

За прожитые здесь 35 лет многие покинули нашу земную жизнь. Лит.-худож. кружок потерял близких и дорогих друзей, поэтов, артистов, ученых и общественных деятелей. Трагически погибли: поэт Борис Волков от последствий автомобильной катастрофы; океан поглотил Нину Назарину; неизлечимая болезнь скосила жизнь талантливой Елены Росс-Толпегиной; не выдержало сердце прекрасного чтеца, артиста и режиссера, Льва Эберга; от ранения бомбой сократилась жизнь Екатерины Чепиго, отзывчивой и благородной; неожиданно покинула нас самоотверженная Е. В. Борис, помогавшая всем и всегда; безвременно скончалась поэтесса Н. Г. Ватель; неожиданно ушли от нас ученые профессора Г. Ланц и Г. Ланцев и общественные деятели Н. В. Борзов и Л. А. Каппель.

Да сохранится о них всех

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ.

❂

Не под черным плащем, не с косою отточенной,
Не скелетом с улыбкою злой,
Непохожей на образ веками упроченный,
Я увидела смерть пред собой.
В модном платье, богато украшенном золотом,
И с румянцем на пухлых щеках,
И с цветком в волосах ее пышных приколотом,
Она радость несла, а не страх.
И не холодом смерти, а бодростью, силою
И как будто бы жизнью полна,
Прошептала она мне с улыбкою милою:
«Ты теперь мне еще не нужна».
И погладив котенка, ушла за матросами,
Что усталые к морю брели;
А котенок, раздавленный тут же колесами,
Бездыханным остался в пыли.

—ооо—

На свете больше нет чудес,
Все подчиняется законам;
Установить теперь легко нам,
Что перед тайной нет завес.
Над миром царствует прогресс,
И мы идем к нему с поклоном.
На свете больше нет чудес,
Все подчиняется законам.
В земном, обычном интерес
Находят люди с их шаблоном,
Не поклоняются иконам
И благ не просят у небес —
На свете больше нет чудес.

Елена Антонова.

ГИБЕЛЬ ЛЕРМОНТОВА

«Погиб поэт — невольник чести»
Лермонтов.

Не смолк проклятый гул Дантесу, пришлой мрази,
Что Пушкина отнял в потоке русских слез,
И выстрел новый вдруг раздался на Кавказе,—
Другого гения за гением унес.

Россия бедная! Тяжка твоя утрата
Великой гордости — отчизны Божий дар.
Но в этот раз твой сын убил родного брата,
Библейский повторив в истории удар...

И беспокойного в объятия покоя
Под грохот грома в дождь укрыла смерти мгла,
И, загрустив, Машук смотрел на прах с тоскою,
И за слезой слеза в ущелины текла.

Вдали же, черный плат на голову накинув,
Россия в ужасе, — опять осиротев...
Ужель надменностью кичился ты, Мартынов,
И не страшил тебя в веках народный гнев?

Ужели не был ты охвачен смертной дрожью
И в легкомыслии нашел достаток сил,
Что с хладнокровием нацелил в искру Божью
И так безжалостно навеки погасил?

Но вечной памятью поэта дар увенчан,
В поэзии садах — ярчайшая из роз...
....

Одним великим мир земной уменьшен,
Одним убийцей мир земной возрос!

Никита Бурнаков.

ЧАСЫ

Равномерно, однозвучно — тик так, тик так
С хрипом маятник качается...
Слышишь жизни нашей шаг, к смерти шаг?
Жизнь со смертию венчается...

Помню я: когда-то, где-то
Нас с тобой судьба свела.
Жизнь была в потоке света
И тепла.
А теперь поблекли краски,
Нет ни света, ни тепла,
Будто жизнь в короткой сказке
Протекла.

Равномерно, однозвучно — тик так, тик так
С хрипом маятник качается...
Слышишь жизни нашей шаг, к смерти шаг?
Жизнь со смертию венчается...

Все, что было — стало прахом
Нами пройденных дорог.
Кто-то станет черным страхом
На порог.
Кто-то жутью взглянет в очи,
Мозг и сердце леденя...
И нахлынет темень ночи
На меня.

Равномерно, однозвучно — тик так, тик так
С хрипом маятник качается...
Слышишь жизни нашей шаг, к смерти шаг?
Жизнь со смертию венчается...

Никита Бурнаков.

ДОБРО

Все добро поразвесила Домна
На крыльцо, на рыдван, на веревки.
Расцвели разноцветные маки:
Сарафаны, холсты и платки.

Вот извилистой лентой тканина —
На штаны мужикам, на рубахи,
Старикам — потемней, а ребятам —
Что по красному желтый уток.

На веревке висят полушалки,
Порасшиты углы и середки,
На крыльце — кофты, платья и юбки —
Красный, желтый, жандаровый цвет.

Среди юбок с лиловой отделкой
Сарафан, по тринадцать копеек
За аршин у разносчика Домна
Закупила лет тридцать назад.

Каждый год она в нем причащалась,
В тридцать лет не запачкала кромки,
Да теперь уж такие не носят,
Дочь-невеста смеется над ним.

Вот вздохнула невесело Домна:
Два пятна на малиновом платье,
Как на свадьбе у кума гуляли,
Брызнул красным вином Митрофан.

Ходит Домна, любуясь приданым,
Вся семья за работою, в поле.
Ветерок шелестит полушалки,
Солнце ласково сушит добро.

Сели голуби с краю на крышу,
Воркотню завели, зажурчали,

Стаи ласточек в небе ныряют,—
Значит, ведро еще постоит.

На крыльце развалился, как барин,
Кот и веки от солнца зажмурил;
Возле кур увивается кочет,
От наседки цыпленок отстал.

Перед вечером Домна наряды
Уберет, в сундуки поразложит,
Будет ждать у калитки корову
И довязывать белый чулок.

(1924) **Родион Березов.**

«Уходящие корабли».

Море манящее, теплое, южное;
Радугой, смехом полны
Отблески пурпура, всплески жемчужные
Синей волны.

Грустью невольною память отравлена:
Тонет в ряби голубой
Все, что покинуто, все, что оставлено
Там за собой.

Сердце еще не стремится в грядущее,
Прошлое ближе ему...
Море баюкает зыбью бегущею
Тихо корму.

(1923) **Наталья Дудорова.**

В ГОСПИТАЛЕ

1

Я не помню эти два дня
Библейской — «Смертной Долины»,
Когда привезли меня
Из разбитой в пути машины.

Казалось, я в поле спал,
И реяла в небе птица...
А был — операционный зал
И склоненные в масках лица.

—«Одна из тяжелых задач»,
Сказал через две недели
По английски мне хмурый врач,
—«Но, видимо, жить вы хотели».

2

В нашем тернистом пути
Устали сердце и ноги:
Можно ли счастье найти,
Обивая чужие пороги?

Но если не порвана нить,
В чаше — вина остатки, —
Хочется жизнь продлить
Для последней, смертельной схватки.

Умереть под победный рев
Смертью простой солдата,
Как расстрелянный Гумилев
В стихах написал когда-то.

И чувствуя на губах кровь
Проклятого нашего наследства,
Знать, что свободна вновь
Страна невозвратного детства.

Борис Волков.

ИЗ ЦИКЛА «ПРАЖСКИЕ ВЕЧЕРА»

1. На Карловом мосту

Л.Р.

Над Градом дымчатый закат,
Оранжево-голубоватый.
Святые бдят и сторожат
И мост, и остров, и палаты.

И рыцарь твой, поднявший меч,
Уверенный и непреклонный,
Готовый для нежданных встреч,
Стоит над гладью полусонной.

Мы здесь прошли. Еще звучит
Твой шаг, с моим в согласном складе.
Я вижу: ветер теребит
Твоих волос упрямых пряди.

(1938)

2. В поезде

Расцветают пожаром закатным
Перепутья неведомых троп.
О несбыточном, невероятном
Тараторят колеса взахлеб.

И бегут за окном, чередуясь,
Перелески, пруды и поля.
От заката стрелу золотую
Принимает покорно земля.

И ложатся лиловые тени
На белеющий, в плешинах, снег,
И в безудержном упоеньи
Поезд длит чародейный свой бег.

А душа повинуется чарам
И смыкает волшебно кольцо:

За окном, над закатным пожаром
Расцветает улыбкой лицо.

От тебя уносясь неуклонно,
Я чудесно к тебе возвращен,
И под клекот колес полусонный
Явью стал очарованный сон.

(1949) **Глеб Струве.**

ПОДЪЕЗЖАЯ К АМЕРИКЕ

Вместо водорослей Гольфштрома —
Туман из Святого Лаврентья.
Стирая понятье «дома»,
Близится жизнь Часть Третья...

Ветер, кажется, понимает
Радость полосок на флаге.
Только жаль комочка бумаги,
Что на гребень волна подымает:

С рук соскользнул — и в воду,
Плыть без конца и без края
Месяцы, может быть, годы.
Тоскливым словом «свобода»
Это у нас называют.

Неужели нету счастья в воле,
Так что сны даже больше не снятся?
Неужель в тошнотворной соли
Вечно мокнуть и растворяться?...

Ах, забыл среди плеска влаги,
Что на борту я, а не
Мятым обрывком бумаги
В Атлантическом океане.

(1949) **В. Марков.**

В ЗАПОВЕДНИКЕ

Там мхи опустились завесой
С корявых, седых стволов,
Идем по странному лесу,
Не слышим своих шагов.
И корни сплелись, как змеи,
Сомкнулся зеленый свод,
Похожи на орхидеи
Цветы у ржавых болот.
Живут там бобры, лисицы,
Барсук под гниющим пнем,
Ночные, серые птицы
Проносятся — даже днем.
Вздыбились над лесом горы,
В лазури орлы парят,
А здесь, внизу, мухоморы
Свечами во мхах горят.
Сумрак, и влага, и тленье,
Цапли неспешной полет,
Первыми днями Творенья
Веет от дремлющих вод.
Все здесь, как было от века.
Мнится — настанет черед,
Папортник в рост человека
Ярким огнем расцветет.
Кажется — тяжкой стопою
В пади, где пихта и лавр,
Ночью безлунной, глухою
Бродит во тьме динозавр.
В прошлое чудно и странно
Здесь перекинулся мост...
Дышит дождем и туманом
С моря прохладный норд-ост.

Olympic National Park **Е. Левитский.**

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Они глядели в даль; жара дворец палила,
Под ними в душной мгле Египет засыпал,
И воды грузные влачил ленивый вал
К Саису белому за черной дельтой Нила.
И чуял пленный вождь, когда она клонила
Свой стан в объятия его, как бушевал
В нем сладострастья вихрь и сердце обжигал
Под тяжкой бронзой лат, что грудь его теснила.
И детское чело и аромат кудрей
Пленяли, и огни в бездонности очей,
Очей загадочных царицы и гетеры;
И в синеву тех глаз вперив свой страстный взор,
Увидел Римлянин ликующий простор
И в даль лазурную бегущие галеры.

Перевод М. Авиновой.

РОМАНТИКИ

Много дней пролетело с тех радостных пор,
Но, наверное, Вы еще помните —
Вечерело, и солнце пурпурный ковер
Расстилало у Вас по комнате.
Ваши чувства украдкой читал по глазам,
И душа была вновь овесеннена.
Этот вечер мы отдали милым стихам
Гумилева, Блока, Есенина.
Прочитав упоительной лирики том,
Говорили о Шумане, Шуберте.
«А кого больше всех»,—Вы спросили потом,
—«Из плеяды романтиков любите?»
Небольшим своим знанием вооружась,
Я ответил Вам, взвесив продуманно:
«Из романтиков жизни люблю только Вас,
Из романтиков музыки — Шумана».

Никита Бурнаков.

РАДОСТЬ, ТОСКА И ГРУСТЬ

Радость мне шепнула, что проведать хочет.
Я просил быть гостьей моего угла.
Но напрасно ждал я эти дни и ночи,—
Радость обманула, радость не пришла.

Все ж не одинок я, и не так мне скучно,
Никогда мой угол не бывает пуст,
И всегда со мною — даже неразлучны —
Незваные гостьи: и тоска и грусть.

То прочтут мне Фета, то прочтут мне Блока,
То споют мне песни, что певала мать,
И былое живо встанет издалека,
И начну я прошлое припоминать...

Только наконец мне стало не под силу,
И тоску прошу я: «Ты от мук уволь!
Песни, воскрешая то, что в прошлом было,
Бередят мне раны, полошат мне боль».

Но неугомонны и упорны гостьи,
Даже не могу я устоять в бою,
Как их ни прошу я:—хоть умри от злости!—
О былом читают, о былом поют.

А вчера, как будто загнанные звери,
Обессилев, сели и упорно с мест
Смотрят со слезами, плачут о потере,
Надо всем прошедшим начертавши крест.

Тут уж я не вынес жалостную тризну,—
Крикнул: «Надоели! Прекратите вздор!...
Надо жить в надежде — воскресить отчизну,
Наш когда-то вольный вековой простор».

Никита Бурнаков.

Растают, как мираж, обманчивые чувства,
Песками занесет родник кристальных вод,
Испепеляют молнии искусства —
И горек знания с трудом добытый плод.
Безумца на костер приводит дерзновенье,
Мудрец от вечных тайн не подберет ключей...
Мы, точно бабочки, кружимся лишь мгновенье
Среди неведомых космических лучей.
Поэт своей тоски вложить не может в слово,
И смех сменяется могильной тишиной...
Но все рассказано!... Ничто, ничто не ново
Под этой бледною и мертвою луной.
И в исступлении невыразимой боли
Актеры, чуть меняющие грим,
Мы против разума и даже против воли
Все ту же драму снова повторим.
И то страшней всего, что все старо в картине,
Завязка и развязка не нова...
Герой... разлука... слезы... героиня...
Слова банальные... слова, слова, слова...

Е. Грот.

«НЕИЗВЕСТНОМУ БОЙЦУ»

Ночь пришла с косматыми мятелями,
Заглушая пуль минувших свист...
И напрасно под завьюженными елями
Призывал горнист...
И мороз заледенил дыхание...
Солнце в полдень заглянуло в лес,
Где для брачного любовного лобзания
Над постелью белой зеленел навес...
И на грудь, не скрытую кольчужною
Сеткой из стальных колец,
Ветер положил жемчужины...
И на лоб венец.

(1949) **К. Кролл.**

КАРАВАН

Шел в пустыне караван верблюдов
С ношею особенных сосудов.

Мудрецы трудились тайно целый век,
Чтоб был счастлив в этом мире человек.

Их волшебные дары нес караван
Чрез пустыню для народов разных стран.

Самым ценным из даров была любовь
И алела, как сочащаяся кровь.

Колокольчиком звенел другой сосуд, —
Радость редкую в нем людям нес верблюд,

А здоровье пело радости звончей,
И сосуд с ним был как сноп златых лучей.

Был еще в одном сосуде эликсир,
Приносящий всем народам вечный мир,—

Только каплю нужно было для страны
И не стало-б ни раздоров, ни войны.

Караван верблюдов шел в пустыне,—
Он идет, должно быть, и поныне.

Елена Антонова.

А. Соколов.

ДЕВИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО СБОРНИКА
«У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ»

«В мыслях моих возгорелся огонь».
(Писатель и поэт 17-18 века, Митрополит
Ростовский, Дмитрий).

И в мыслях моих возгорелся огонь,
А в душе моей струны запели,
Ее только согрей, иль идеей затронь,
В ней самой запылает священный огонь,
И польются поэзии трели.
Погляди на листы, что лежат пред тобой,
Они белые, — снега белее,
А на них строчек ряд! — так одна за другой
Словно струны натянуты чьей-то рукой,
И чем дальше, — аккорды звончее.
Эти звуки, — как мысли безбрежный разлив,
Оторвавший с души лепесток...
Это он подсказал мне бесценный мотив,
Мою душу и мысли мои вдохновив
На создание огненных строк.

RUSSIA-OUT-OF-RUSSIA

"Among the war-born nations there is one which appears in no atlas, no yearbook. Yet it has a population of one million, probably the most highly educated in the world... It has no government. It possesses no territory, but its colonies are scattered through the world... No parliament here affords a field for politicians' skill, yet we see a very rainbow of parties representing all shades of political convictions from Monarchism to Socialism — except communism, which is anathema. This paradoxical nation has a brilliant galaxy of actors, musicians and painters, who produce works of art largely for foreign consumption since their own nationals are too few and too poor to support them.

"Some years ago there were more than two hundred newspapers and almost as many periodicals published for less than a milion dealers. Many of these were mushroom publications and have since disappeared, but the number surviving is still great... Russian schools and Orthodox churches appear in many new places and the Lord's song is heard in a strange land with courage and success."

These are a few excerpts from W. Chapin Huntington's book about Russia-out-of-Russia, THE HOMESICK MILLION, published in Boston, in 1933. His analysis and impressions still hold in 1957. The book AT THE GOLDEN GATE is a testimony to his conclusions, containing a record of cultural achievements of the 10-15,000 Russian anti-communistic emigrants who settled in the early twenties of our century in San Francisco and its surrounding cities.

The list of names in WHO IS WHO gives a glimpse of the multifarious activities of Russian intelligentsia in American life: from kindergartens to universities and highly esteemed scientific institutions; from personal success in small enterprises to the leadership of the largest American corporations, reaching their honorable positions as "top-flight leaders in the world of business today, both here and abroad" (The Explosives Engineer, March — April, 1956, page 37).

The editorial committee has taken great care to find not only outstanding personalities but to follow the careers of boys and girls of Russian parentage who were born here, who received their education in the U. S. A. and finally attained professional recognition.

The WHO IS WHO in this book is far from complete. Additional names of writers and scientists are placed in list of works published in English. Many items came too late. A considerable number of autobiographies as well as late informations will be transfered to the Russian Museum — Archives in San Francisco as important first-hand material for the future book that will deal with Russian cultural activities not only at the Golden Gate of San Francisco but in various parts of California.

However the book **AT THE GOLDEN GATE** will reveal to future Americans of Russian origin — our great — great grandchildren who probably will not be able to read the Russian part of it — how a wave of their ancestors came to California in the twentieth century and contributed to American culture in a modest way with courage and dignity.

CONTENT OF THE BOOK AT THE GOLDEN GATE.

Short stories:

The Spy. Nina Fedorova, (writer of the 1940 Atlantic Monthly Prize novel THE FAMILY).

Without Tears. N. Narokov, (his novel FALSE GREATNESS 1956-57 in German and English).

Two Springs. A. Mazurova, (her novel EARTH, 1929, many articles and stories published in Russian and American periodicals).

Siamese Tulip. Peter Balakshin, (writer of four books and many essays and stories in Russian periodicals).

A Culinary Recipe. Boris Doudoroff, (short story writer).

The Ascent of Montblanc. Peter Lapiken, (poet, writer).

On a Ferry. E. Levitsky, (journalist).

An Eventful Day. E. Pechatkina, (her novel TUMBLE WEED published in 1954).

In the Restaurant. A. Vasilkovskaia, (poet and journalist).

A Specialist in Window Painting. N. Poogachev, (journalist).

Two Forces. R. Berezov, (published many books of poems and stories).

Twenty one poets.

Seven essays on philosophical and literary topics by:

Archbishop John (Prince Shahovskoi), Professors: N. Lossky, A. Uschenko, O. Maslenikov, Marianna Poltoratsky;

E. Grot and V. Markov.

Words and Deeds.

A poem by L. Vysotskaia and a letter by A. Mazurova dedicated to the Russian Literary Society in San Francisco (1923-57). Response to contemporary works in the activities of the same Society.

A Literary Soirée. Olga Ilyin, (dedicated to the memory of the first President of the Society, Professor A. Uschenko). The Fusion of American and Russian Cultures. Russian Artists in California.

Russian theatrical activities at the Golden Gate. Pedagogical Journal by N. Avtonomov, (A guide to teachers of the Russian language in the U.S.A.). Russian writers in California. Faith and Love. (dedicated to the memory of N. Borzoff, the editor during 22 years of the journal THE DAY OF A RUSSIAN CHILD). Cultural Activities of the I. V. KULAEV FOUNDATION. In Memoriam.

In English:

Russia-out-of-Russia. Who is who among the Russian Californians. List of published works by Russian writers and scientists in English.

WHO IS WHO AMONG RUSSIAN CALIFORNIANS.

Antonova Elena. 1923 Wash. Un. as geologist and minig engr. Empl. Alaska, Idaho, Cal. N. Y. Publ. 1944 REFLECTIONS, poems.

von Arnold Catherine. Warsaw Dental Coll., Harkov Un., James Levy Dental Coll. Director and lecturer Harbin Dental Coll.

von Arnold Boris. B. A. at U. C., M. A. Columbia Un.; clinical psychologist; Ford Foundation, professional assignments London, Paris, N. Y.

von Arnold — Mac Guire Antonina. B. A. & M. A. at U. C. in Social Welfare, Sch. Fine Arts S. Fr.; work: YWCA, Intern. Inst., Am. Red Cross, Public Welf. Dep. S. Fr.; member S. Fr. Women Artists.

Astrahantseff Boris. 1933 Ph.D. at U.C. (dentistry), 1933-43 dentist S. Fr.; 1943-46 Army Air Force; 1946 — date S. Fr.

---

†) deceased

*) see works published in English

Avtonomoff Nikolai. 1912 Nejin Inst. (Russia). 1912-39 teacher, lecturer Harbin Pedag. Inst.; 1947 — date editor Russ. Pedag. journal. S. Fr.

Balakshin Peter. Journalist, writer; 1936 editor of Russ. journal THE LAND OF COLUMBUS; 1940 editor Russ. newspaper RUSSIAN LIFE; four books of stories in Russian.

Blinder Naum. Concert-violinist in Russia, Japan, Europe, U. S. A.; violin studios Odessa, Moscow, S. Fr.; now concert-master S. Fr. Symph.

Bodisco Andrew. 1938 law degree Hastings Coll. U. C.; adm. to bar, in practice since; 1941-46 Dep. Distr. Att.

†) Boris Elizabeth. 1914 Imp. Moscow Conserv.; concert-pianist, Prof. Music Acad. Ufa; 1920-56 piano studio S. Fr.

†) Chepigo Catherine. Women's Un. Petrogr. (Bestujev), journalist. Publ. 1922 BEYOND THE CURTAINS OF BOLSHEVISM, transl. into many languages.

Cherney Leonid. 1934 M. D. at U. C.; since 1937 in practice (surg); Dipl. Am. B. of Surg.; Asst. Clin. Prof. U. C. Publ. *)

Cytovich Nadejda. 1916 Petrogr. Women's Un. (Bestujev). Many publications in Russian.

Galuzevsky Rostislav. Prof. Mech. Engr. U. C.

Gariaeff Olga. B. S.; 1943 DDS; S. Fr. dentist.

Grant James. 1933 B. S. (Mech. Engr.); now Sen. Mech. Engr. State Div. of Architecture, Sacramento.

Gromeeko Anna. 1916 Moscow Women's Un. Organized Charity Institutions in Europe, S. Fr. and Women's Monastery in Calistoga, Cal.

Gromeeko George. 1946-49 Menlo Coll., B. A. San Jose St. Coll.; 1953 M. S. Purdue Un. Psychologist in Health Council, Palo Alto, Cal.

Grot Elena. 1916 Petrogr. Women's Un. (Bestujev). Journalist, lecturer, translator. Publ. 1930, poems.

Guins George. 1909 Petrogr. Un. 1916-41 Prof. Omsk Polyt. Inst. Harbin Un.; 1945-54 lecturer U. C. Publ. eleven polit. hist. books in Russian. *)

Guins Sergei. 1938 B. S. Mich. Un. (Aero Engin.); 1939 M. S. (Appl. Mech.); 1939-47 Instructor N. Y. Un.; 1947 — date Assist. to Director of research as Analyt. and Test Engr. Publ. *)

Guins Vsevolod. 1933 Liege Un. (Belgium), Mech. and Electr.

Engr.; 1938-42 Chief Designer Jaccuzzi Pump Co. Berk.; now Sen. Engr. Westingh. Electr. Corp.; Publ. *)

Harlamov Anatole. 1931 B. S. (Mech. Engr.) U. C.; 1933 M. S.; 1934-47: Byron Jackson Co., Bendix Aircraft Co., A. O. Smith Corp. Since 1950 — date at U. C. Asst. Research Engr. and Assoc. in Engin. Design.

Hayes Antonina. 1952 B. A. at U. C.; teacher and social worker. Now director group works Intern. Inst. Alameda, Cal.

Heindl Irena. 1939 B. A., 1941 M. A., 1945 M. D. at U. C.; 1948-55 Asst. Health Hosp., Stanisl. Cy, Cal.; 1939 as pianist Dipl. at Conserv. Fontainebleau, France.

†) Melikian Barbara. Actress in Russia and S. Fr.

Hovsepian-Melikian Barbara. Since 1918 actress (Alikar) in Russia, S. Fr., Los Angeles.

Hovsepian Aramais. Since 1930 — date owner and president of Lincoln Clinical Lab. Los Angeles.

†) Hrenoff Tatiana. 1930-35 piano studio S. Fr.

Hrenoff Arseny. 1933 B. S. at U. C.; 1940 M. D.; 1940-46 Med. Corps. U. S. Army, Major. Since 1946 — date practicing S. Fr. Publ. *)

Hrenoff Michael. 1930 B. S. (Chem.) U. C.; Active spectroscopist.

Ilyin Olga. Poet, lecturer & writer. Publ. 1926 Poems. *)

Ilyin Boris. 1940 B. A. at U. C.; M. A. at Stanford Un. 1950 — date. Prof. Engl. Lit. Pomona Coll. Cal. Publ. *)

Ivanoff Serge. 1922 Petrogr. Academy of Arts. Exhibitions: Salon des Tuilleries, Salon d'Automne, Paris; 1942 Societaire de la Societe Nat. des beaux Arts; 1956 first prize Western Artists S. Fr.; worked: in Italy, Belg. Den., Neth., Arg., Braz.,; since 1950 in U. S. A.

Karabanova Zoe. 1917 Moscow Kamerny theatre; leading roles Russ. cinema; 1920-37 with Balief Chauve-Souris in Eur. & America.

Krumze Geo. 1933 B. S. Stanford Un. (Engineering). Engin. Corps in U. S. Army; since 1949 — date Div. of Archit. Sacramento.

Kasatkin Serge. 1938 Sinologue, Orient. Inst. Harbin; 1950 B. A., 1952 M. A. at U. C.; 1949-53 teaching Orient. Sch. of Lang. U. C.; since 1950 — date research linguist, (Mong. Dict. Proj.) U.C.

Kolova Lizetta. Concert-violinist; stud. in Odessa Conserv.; with

Prof. Ševčik (Prague), Leopold Auer (N. Y.). Teaching ten years Master Viol. Sch. of E. Ondricek (Boston); 16 years head violin Dep. Hollywood Conserv.; now violin studio, Berk.

Koneff Alexei. 1910-14 medical studies Imp. Tomsk Un. & Saratov; Prof. Experim. Biol. at U. C. Publ. *)

†) Kovalev Sergei. 1926 B. S. at U. C.; 1926-48 Engr. Enterprise, Engine & Foundry Co.; last position vice-president.

Krynine Dimitri. 1901 grad. Petrogr. Imp. Inst. of Civ. Engin. Since 1929 in U. S. A. For 20 years Prof. Yale Un.; since 1948 in Cal.; Tech. books in Russ. *)

Krynine Paul. B. S. at U. C. Ph. D. Yale Un. (geology); Prof. Penn. St. Un.

Kulaev Vladimir. 1912 Kiev Polyt. Inst.; chief engr. Hunt, Mirk Co. power plant contractor; President I. V. Kulaev educat. Foundation.

Maximova-Kulaeva Antonina. 1914 Petrogr. Wom. Med. Inst. M. D.; 1914-19: Doctor in Serbia, Surg. Hospital Petrograd. Since 1921 — date M. D. in S. Fr.; 1926 — date President Russ. Children's nursery; Charter member Russ. Children's Welf. Soc.

Kuzubova-Zavarina Valentina. 1953 B. A. at U. C.; 1953-56 lecturer Russ. Lit. at Holy Virgin Sch., research asst. Slav. Dep. U. C.; instructor Russ & French Lit. in S. Fr. Wom. Coll.

Lambrin Tatiana. 1931-32 Wayne & Mich. Un.; 1935-56 social worker S. Fr. & Los Ang.; Librarian Congress Libr. (Wash.) & U. C.; manager Army Sch. Libr. Monterey, Cal.

†) Lanz Henry. Moscow Un. (Math.); Ph. D. Heidelberg Un.; Prof. Slav. Lang. & Philos. Stanford Un. Publ. articles Russ. Germ. *)

Lanz Henry Charles. 1936 B. A. (chem.) Stanford Un.; 1948 Ph. D. at U. C.; 1936-48 research asst. Carlberg Lab. (Denm.) & Cal. Tech.; Assoc. Manhalle proj. & AEC.; 1949 acting director Radiozope Unit; Assoc. Prof. (biophysics) Texas Un.

Lapiken Peter. 1931 Harbin Orient. Inst.; Musical Sch. (violin). 1942-46 U. S. Army; 1947-48 Asst. Prof. Navy Int. Sch. (Wash.) 1953 Ph. D.; 1951 Asst. Prof. UCLA. Publ. articles, poems, stories in Russ. journals.

Lazarev Boris. Petrograd Conserv. (Piano with Prof. Ziloti).

Director and Prof. in Music. Inst.: Irkutsk, Chita (Siberia), Shanghai, Nanking (China); 1926-28 Asst. of Prof. Ziloti, N. Y. Since 1956 piano-studio S. Fr.

Lordkipanidze Olga. (Dr. O. Kipanidze). 1916-23 Medic Sch. Moscow, Tomsk, Irkutsk; 1923-31 M. D. in Irkutsk & Harbin; since 1931 M. D. in S. Fr. & Reno; now active member of A. M. A; Sen. Staff member Wash. Med. Center & St. Mary's hosp. Reno.

Lopatin Ivan. 1912 B. S. at Kazan Un. (Russia), 1929 M. A. Brit. Col. Un., 1955 Ph. D. at UCLA. Now Prof. Emeritus. Publ. 45 books and articles in scientific periodicals.

Lossky Nicholas. 1903 Master's degree Petrogr. Un.; 1907 Ph. D.; 1905-21 Prof. of Philos. in Petrogr. Wom. Un.; 1942-45 Prof. in Bratislava Un.; 1947-50 Prof. Orthod. Theol. Seminary N. Y. Publ. many books in Russian. *)

Lossky Andrew. 1938 B. A. London Un.; 1942 M. A. at Yale Un.; 1948 Ph. D.; 1947-50 lecturer (Hist.) Yale; 1950 active Prof. UCLA. Publ. *)

Loukashkin Anatole. Since 1941 — date research biologist at Cal. Academy of Sciences S. Fr. Publ. 66 articles.

Malozemoff Elizabeth. 1922 B. A.; 1929 M. A.; 1938 Ph. D. at U. C.; 1936-50 lecturer at U. C. Publ. articles in Russian newspapers & journals.

Malozemoff Plato. 1931 B. S. at U. C.; 1932-34 M. S. & research work at Montana Sch. of Mines; 1934-45 with Alaska Juneau, Pan. Am. Engin. Corp. in Berk.; manager of goldmines in Arg. & Costa Rica; two years U. S. Government war agency (Wash.). Since 1945 — date with Newmont Min. Corp.; 1952 as vice-president, 1953 as Director & President. Besides Director or vice-president: in Sherritt Gordon Mines Ldt.; East Tenn. Natural Gas Co.; W. Nickel Ldt.; O'Okiep Copper Co.; Idarado Min. Co.; Continental Oil Co.; Newmont Min. Corp. of Canada; S. Peru Copper Corp.; Cassiar Asbestos Corp.; Magna Copper Co.; Tsumeb Corp. Ldt. and others.

Maslenikov Oleg. 1935 B. A.; 1942 Ph. D. at U. C.; Prof. Slav. Dept. 1944-49 & 1950-52 Chairman Slav. Dep. at U. C.; 1956,57 acting Director of Slav. Inst. of Slav. stud. at U. C. Publ. articles Russ. journals. *)

†) Maximov Gregory. 1912 M. D. Tomsk Un.; 1912-22 doctor: on Amur railr. & in Harbin; 1924-46 S. Fr.

Maximov Elizabeth. 1914 M. D. Tomsk Un.; 1914-18 doctor on Amur railr. 1922-46 S. Fr.; 1946 — date Santa Rosa Cal.

Maximov Alexei. M. D. at U. C.; since 1937 — date doctor Santa Rosa; 1946 Dipl. Am. B. of Obst. and Gynec.; 1947 Fellow of Am. Coll. of Surg.; 1949 President Med. Soc. Sonoma Cy; 1951,56 Chief Obst. Gynec. dep. Santa Rosa Memorial hosp.

Maximov Nicholas. M. D. practicing in Santa Rosa.

Menshikoff Barbara. 1924 B. A. at Mills Coll. Oakland; since 1928 — date teacher and now superviser Com-ty children's nursery, S. Fr.

von Meyer Michael. Sculptor. 1924-32 studying and teaching at Cal. Sch. Fine Arts; 1934 Bronze Medal Award; 1945 Asst. Prof. Cal. Coll. Arts & Crafts; his works located S. Fr. Art. Com. Fleish. Playground, Russ Holy Trinity Cath., S. Fr. Museum & other places.

Mihailoff Sergei. 1916 Moscow Un. (mathem.); Imp. Moscow Conserv.; 1919 — date piano studio S. Fr.; 1930-35 lecturer on piano pedagog.; Publ. music. Compositions: Concert, Minstrel, Village Festival.

Mirovitch Emma. Concert opera singer & teacher. 1912 Petrogr. and Rome Conserv.; 1917,18 leading contralto in Petrogr. Musical Drama (opera); 1926-36 vocal studio S. Fr.; now Los Ang. Conserv.

Nasonova Anna. Petrogr. Conserv. Piano soloist, accompanist & teacher; 1923-33 piano studio S. Fr.; 1933 — date accompanist Queen's Coll. N. Y. and Metrop. opera singers.

Novikoff George. 1941 B. C. (Civ. Engin.) U. C.; 1941-47 with various Co's; 1947 — date owner of constructing bus. G. Novikoff Engrs.

†) Oeberg Leo. 1913 Petrogr. Drama Sch.; 1914-48: actor F. Komisarjevsky Theatre, actor and director in Estonia, Latvia and Germany theatres; since 1950 S. Fr.

Orlovsky Eugene. Harkov Tech. Inst.; stagecraft painter Moscow Vahtangov Theatre, Siberia & S. Fr.

†) Patrick George. 1905 Moscow Hist.-Philol. Inst.; 1911 Faculté de droit Paris.; 1916-19 Russ. Embassy in U. S. A.; 1923 Ph. D. in French at U. C.; 1923-27 Asst. Prof. of French and Russ.; 1927-46 Prof. Slav. Dep.; 1934-37 Russ. Lang. intensive Courses in Harvard, Columbia and U. C. Publ. three Readers, articles in Russian journals. *)

†) Pchelkin Nicholas. 1911 M. D. Tomsk Un.; doctor on Zeia Mines (Siberia), Vladivostok, Shanghai, S. Fr. to 1944.

Piastro Michel. Concert violinist. Petrograd Conserv. with L. Auer; Concert tours: Eur. Siberia, India, China, Japan, Siam, Sumatra, Java, Austral., New Zealand. Since 1920 in U. S. A.; violin studio S. Fr.; now conductor Longine Symphoniette.

Pershin Nicholas. Moscow Un.; Art Sch. with Baron E. Clodt. Since 1920 — date stagecraft painter for Russ. performances. Publ. articles in Russian newspapers and journals.

Poltoratsky Marianna. 1922-27 Leningr. Un.; 1927-30 Foreign Lang. Inst.; 1933-36 post grad. Academy of Science; 1936 Ph. D. Leningr. Un.; 1946 Ph. D. Gratz Un. Austria; 1950, 52,55,56, Prof. Middlebury Coll. Vermont; since 1950 — date lecturer, editor of textbooks for Russ. Div. A. L. S. Monterey, Cal. Publ. six books on linguistics & many articles Russ. Pedagog. Journal S. Fr.

Poniatoff Alexander. Kazan Un.; Imp. Moscow Coll.; Karlsruhe Tech. Coll. (Germany); founder and owner Ampex Equipment Co. (Magnetic Recordings), Redwood City, Cal.; active Ampex chairman.

Popov Paul. 1911 M. D. Tomsk Un.; 1911-15 Kiev Clinics; four years Russ. Army; then in Hailar & Harbin to 1927; since 1929 — date S. Fr. Publ. in Russian Medic. periodicals.

Popov Egor. 1933 B. S. at U. C.; 1934 M. S. Inst. of Techn.; 1946 Ph. D. Stanford Un. (Civ. Engin.); 1934-36 lecturer Cal. Tech.; since 1946 — date Prof. of Civ. Engin. at U. C. Publ. *)

Popov Nicholas. M. D. in Phila.; four years doctor Am. Army; now practicing in Burlingame, Cal. Publ. *)

Preobrajensky Vera. Composer, pianist, accompanist, teacher. S. Fr. St. Coll. Scholarships at Mills Coll. and U. C.: with Milhaud, Bloch, Sessions, Jacobi, Tcherepnine and Dohnani. Her compositions: 1946, Blue Sonata; 1956, Requiem for piano and chorus; Ballet Music (Clara Milich) & others.

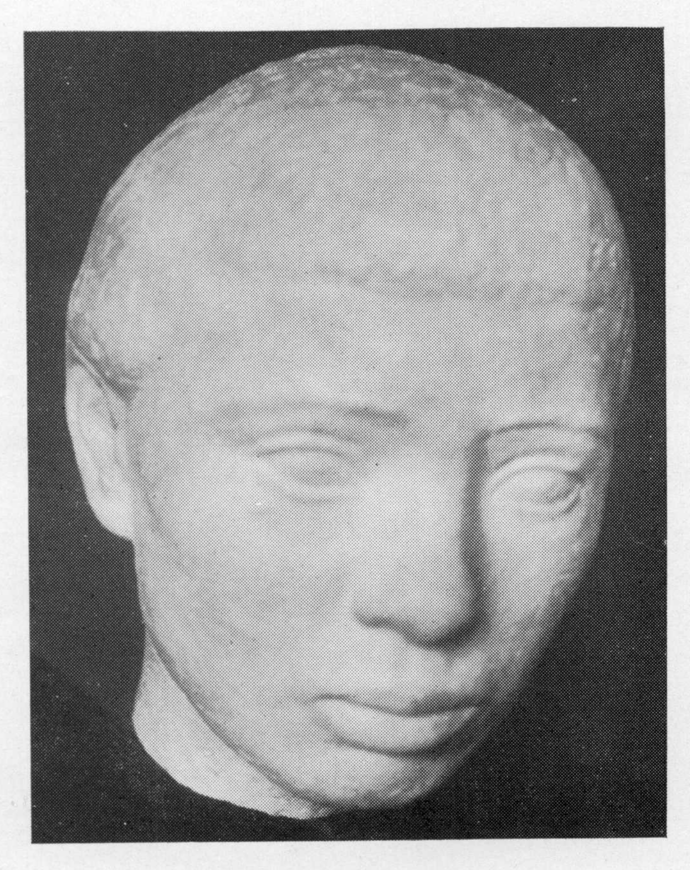
Prischepenko Irena. 1937 YMCA Coll., Harbin; 1942 B. A. Mills Coll.; 1951 M. A. at N. Y. Un.; since 1951 owner and director Parsons nursery, Flushing N. Y.

Prischepenko Nicholas. 1925 Harbin Law Sch.; 1949 L. L. M. at N. Y. Un.; 1953 J.S.D. Interpreter and translator U. S. Dep. of St., U.N.C.I.O.; 1946 linguistic research specialist; since 1949 — date reviser. Publ. articles in judicial field.

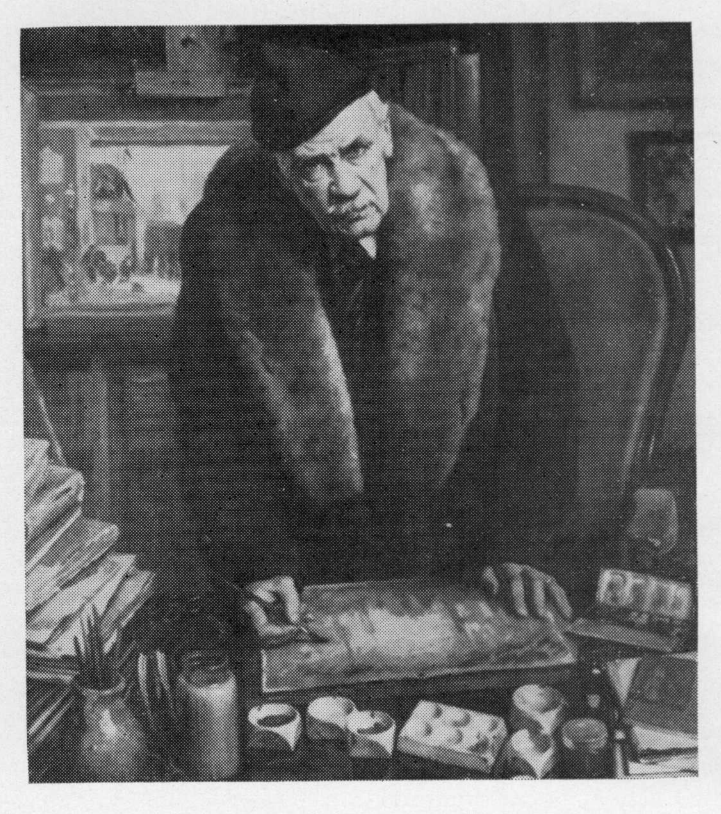
Профессор Андрей Павлович Ющенко, основатель и первый председатель Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско в 1923 г.

Professor A. Uschenko, the founder and first President of The Russian Literary Art Society.

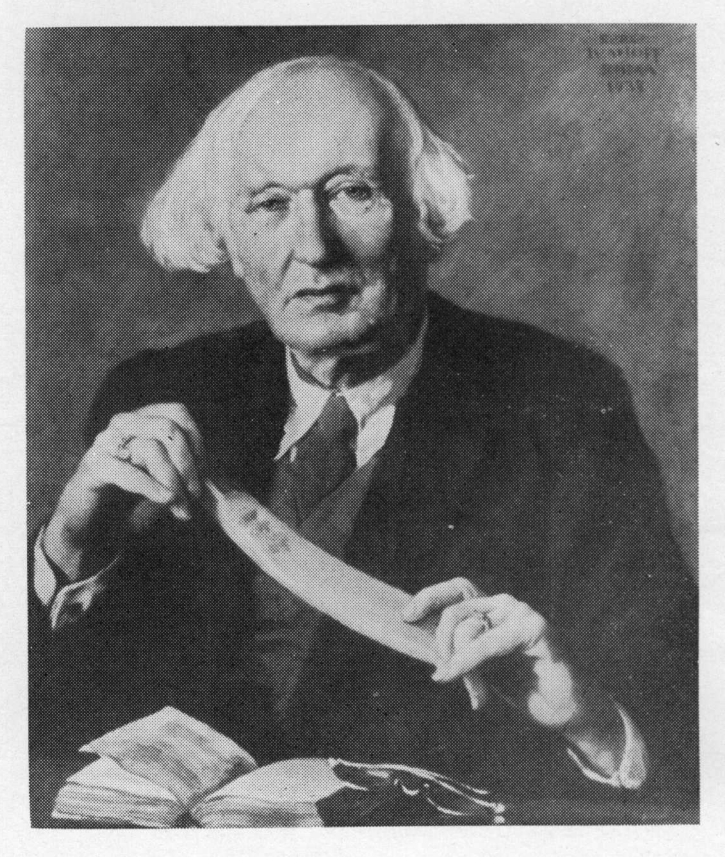
Скульптура работы скульптора
Мих. фон Мейера.

Sculpture, by M. Von Meyer.

Александр Николаевич Бенуа.
Портрет художника С. Иванова.

Alexander Benois (portrait by artist S. Ivanoff)

Поэт Вячеслав Иванов (портрет художника С. Иванова).

Poet V. Ivanoff, portrait by artist Serge Ivanoff

Riaboff Alexander. 1914-16 Moscow Un., 1917 Moscow Aviation Sch.; 1918-1920 White Army (Siberia); since 1923 U.S.A.; 1936 Law Coll. S. Fr.; 1937 adm. to bar; since in practice.

Riaboff-Whitely Helen. 1941 B. A. at U. C.; 1945 M. A. Galveston, Tex. Un.; Ph. D. (microbiol.) Wash. Un. Seattle. Lecturer; now on European scientific research.

Riazanovsky V. 1903-8 Moscow Un.; 1911-12 German Un.; 1915-20 Prof. of Law in Yaroslavl, Tomsk, Irkutsk, Vladivostok; 1921-34 Prof. Harbin Law Sch.; publ. many books and articles. 1947-49 Survey of Russian Culture, four vols. *)

Riazanovsky Nicholas. 1942 B. A. Harvard Un.; 1947 M. A. (Hist.); 1949 Ph. D. Oxford Un. (Engl.). Since 1949-56 Prof. of Hist. Iowa Un.; Since 1957 at U. C. Publ. *)

Shebeko Boris. B.S. at U.C., (Mech. Engin.) Empl. Stand. Oil Co.; Pac. Gas & Elect. Co.; now Supervising Engr.

Scherbakoff Serge. Harkov Art Acad.; Moscow Strogonov Sch.; exhibitions & acquisitions: Russia, China, Japan, U.S.A.; since 1922 — date S. Fr., Los Angel., San Diego, N. Y., Seattle; now coml. artist.

Sheviakov George. Wash. Un. & U. C.; 1925-29 Research at U. C.; 1936-38 Chicago Un.; lecturer: Chicago, Stanford, Columbia Un.; since 1946 lecturer in Psychol. S. Fr. St. Coll. Publ. *)

Shokin Constantin. 1915 Mech. Engr. Petrogr. Technol. Inst., 1935 D.D.S. at Coll. of Phys. & Surgery, S. Fr. 1916-23 with Russ. Gov't Techn. Mission to U. S., Tech. adviser U. S. Engin. Mission to Russia, as Engr. Dutch East India Gov't Java; 1924-30 Engr. Pac. Tel. & Tel. Co. S. Fr. Since 1935 practicing dentistry S. Fr.

†) Slootsky Alexander. Composer, conductor symph. orchestras & operas; grad. Petrograd Conserv.; 1947-57 musical teacher in Convent of Sacred Heart, S. Fr.

Struve Otto. Prof. of Astronomy at U. C. Director of Leuschner Observatory. 1923 Ph. D. at Chicago Un.; Honorary Dr. Sc. from Carl Inst. Penn. Un., Copenhagen, Liege, Mexico Un.; 1921-1950 Prof. Chicago Un.; since 1950 — date Prof. of Astronomy at U. C. Publ. *)

Struve Gleb. 1921 Balloil Coll. Oxford; 1922-32 engaged in journalism and liter. critism; 1932-47 lecturer at London Un.; since 1947 — date Prof. at U.C. Slavic Dep.; publ.*)

Sviridoff Alla. Concert-pianist and teacher; stud. music at Conservatoire Russe de Paris, Music Coll. Cincinnaty with Leon Conus; three scholarships at Mills Coll.; winner of West piano contest; Debut concert 1940 S. Fr.; since 1940 — date piano studio S. Fr.

† Taranik Jacob. Techn. engineer, Harkov Un.; for 29 years with Pac. Gas & Electr. Co. S. Fr. as Chief designer.

Taranik Vladimir. 1935 B.S. Stanford Un.; 1937 dipl. Mechanical Engr.; now president of Nat. Food Equip. Co. Anaheim, Cal.

Tarassuk Nikita. Prof. of Dairy industry (Davis) U.C.

Temov Serge. Ballet dancer & choreogr.; stud. with Fokin & A. Bolm. Danced in Metrop. Opera, Balanchine & Monte Carlo ballet. Empl. in cinema. His ballet studios: N. Y., Texas, S. Fr. since 1946 — date.

Tihenko Vladimir. 1917 Imp. Alexander Lyceum; 1931 B. S. at U. C. (chem.) Now Chief Contr. Chemist, Spray Chem. Corp. Richmond, Cal.

Timoshenko Stephen. Grad. Petrogr. Inst. Civ. Engin.; Prof. of Theoret. & applied Mechanics; Prof. Emeritus, Stanford Un. Publ. *)

Tolpeguine Victor. 1918 Kazan Un. (Law). 1917 Conserv. (violin); since 1919 in symph. orch.: Harbin, Seattle, 16 years S. Fr. Symph. & opera. From 1942 Asst. struct. engr. in St. Service S. Fr.

Varakina-Stovsky Anna. From Russian Kindergarten... to Law Sch. U. C.; 1956 grad. & adm. to bar.

Vedensky Dmitry. 1924 B. S. at U. C.; 1937-48 Chief metallurgist & partner Pan Am. Engin. Co. Berk.; 1948-51 Consult. Metallurg. S. Fr.; 1951 — date Director of research and development, M. A. Hanna Co., Cleveland, Ohio.

Victors Peter. 1930 B. S. at U. C.; 1930-44 as Electr. engr. in private Co's; 1944-56 U. S. Navy, now U. S. Air Force.

Voropaieff Vera. Concert pianist and teacher. 1940 B.A. at U.C.; since 1954 Faculty member at U.C. and S.Fr. Conserv. of Music.

† Uschenko Andrew. 1925 B.A., 1926 M.A., 1927 Ph.D. at U.C.; Prof. of Philos.: Ann Arbor, Princeton, Indiana Un. Publ. books & articles in Russian journals; editor 1925 of the Almanach MISTY TRAIL. Publ.*).

Uspensky J. 1909 Petrogr. Un.; 1907-25 Prof. in: Engin Inst.; Wom. Un. & Petrogr. Un.; 1929 Memb. of Rus. Acad. of

Science. 1926-47 Prof. at U.C. & Stanford. Publ. four books and many articles on abstract Mathem.*)

Yadov Oleg. 1931 Paris Un. (Dr. of Engin.); 1939 Ph.D. (Physics) Caen Un. (France); 1946 Ph.D. (Mathem.) Paris Un., Sch Adv. Sciences. Several discoveries and inventions. Publ.*)

Wilson-Milukov Olga. Concert pianist; 1944 B.A. Holy Names Coll. Oakland, Cal. Piano studio and concerts: Berk., Oakland, N. Y., Los Angeles.

Woelz Emily. 1899-1905 Music. Sch. Petrogr.; 1908-13 Petrogr. Wom. Medical Inst.; 1918 in Bern; 1920 M.D. in U.S.A.; 1921-24 doctor in Strassburg; 1924-25 French Hosp. S. Fr.; since 1926 general practice S. Fr. 1954 retired.

PUBLISHED WORKS IN ENGLISH BY RUSSIAN WRITERS AND SCIENTISTS DURING THE LAST FORTY YEARS

Antonenko B. Airplane Structure; Theory of Flight; De-icing and Anti-icing systems on Large Airplanes; Cathodic Protection of Metals against Corrosion.

Bertenson S. & Jay Leyda. Sergei Rachmaninoff. 1956.

Prof. Cherney Leonid M.D. New surgical approach to the pelvic Cavity; Low Transverse Abdominal Incission; other articles on surgical matters. SGO. 72:92, 1941; J.A.M.A., 157-23, 1955.

Prof. Doudoroff Peter. Physiology, Toxicology and Ecology of Fishes and the Biology of Polluted Waters. 1945. (With W. Hart and J. Greenbank.)

Prof. Doudoroff Michael. Sugar Research Foundation Prize, 1946. Articles on Soc. Bact., Gen Physics; Soc. Biol. Chem. Nutrition Requirements and Metabolism of Bacteria, Bacterial Enzymes and Synthesis of Carbohydrates.

Elovsky J. In Old California. A play in five acts. 1937.

Ilyin Olga. Dawn of the Eighth Day. 1951. Novel.

Prof. Ilyin Boris. Green Boundary. 1949. Novel.

Fedorova Nina. Family. 1940. Atlantic Monthly $10,000 prize novel; Children. 1942. Novel.

Prof. Guins George. Soviet Law and Soviet Society. 1954.; Communism on the Decline, 1956.

Prof. Guins Sergei. Articles on his research as analytical and test engr., 1945, 47, 48, 51, 52. Patent 2,720,433 (Rail-

road Journal Bearing.)

Prof. Guins Vsevolod. Disk Stresses, 1945. (With G. Heiser.)

Hovsepian Aramais. Your Son and Mine, 1950, Novel.

Hrenoff Arseny M.D. Since 1937 twenty articles on bacteriology, clinical medicine, amebiasis in medical periodicals.

Joukoff-Eudin X. Translator and editor: V. I. Gurko, Features and Figures of the Past, 1939; Life of a Chemist, Memoirs of V. N. Ipatieff, 1939. Soviet Russia and the East, 1920-27; Soviet Russia and the West, 1920-27; (1957).

Prof. Koneff A. Essays in Biology, Cancer research, Stain Technology, Endocrinology, etc.; in medical periodicals.

Prof. Krasovsky D. Pseudonyms in Russ. Literature; Russ. Journals in the 19th Century; Russ. Books of Reference.

Prof. Krynine Dimitry. Soil Mechanics, Its Principles and Structural Applications, (2 editions), (transl. into Spanish); Principles in Engineering Geology and Geotechnics, 1957 (with W. R. Judd); many tech. articles in Russian, English and Spanish.

Prof. Lantseff G. Siberia in the 17th century. 1943.

Prof. Lanz Henry. Physical Basis of Rime, 1932; In Quest of Morals, 1935, Scandinavian award. Articles in German and American periodicals.

Prof. Lanz H. Charles. Articles on Cytochemistry, biological and medical applications of radioisotopes.

Prof. Lossky Nicholas. Intuitive Basis of Knowledge, 1919; The World as an Organic Whole, 1928; Freedom of Will, 1932; Value of Existence, 1935; History of Russian Philosophy, 1952.

Prof. Lossky Andrew. Louis XIV, William III and the Baltic Crisis in 1683. (1954).

Malozemoff Andrew. Russian Far Eastern Policy, 1881-1904, with Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. 1957.

Prof. Maslenikov O. The Frenzied Poets, 1952; The Mirror Theme and Allied Motifs, 1957. Articles in Russian and American Journals.

Prof. Mazour Anatole. First Russian Revolution, 1937; Outlines of Russian Historiography, 1938; Russian Past and Present, 1952; Finland Between East and West, 1955; Writing and Re-writing of Russ. Hist. 1957.

Mazurova A. Revelation of a Russian Actor, 1944; Short sto-

ries in Russian and American journals.

Narokov N. False Greatness, 1956,57 in German and English. Novel.

Prof. Patrick G. Popular Poetry in Soviet Russia, 1929; Eugene Onegin of Pushkin, 1939. (Transl. with Mrs. D. Radin).

Prof. Popov Egor. Mechanics of Materials; Articles in Journal of Applied Mechanics and Amer. S. of Civil Engineering.

Popov Nicholas M.D. Articles in Medical periodicals.

Prof. Posin J. Slavic Studies, 1943; World through Literature, 1951; Articles in Russian Review and Slavonic Review.

Prof. Riazanovsky V. Customary Law of the Mongol Tribes, 1929; Fundam. Principles of Mongol Law, 1937; Chinese Civic Law, 1938.

Prof. Riazanovsky Nicholas V. Teaching of Slavophiles, 1952; Articles on European and Russian History, 1947-56.

Sobieski E. M.D. Thirty four publications in medical field.

Stepanoff A. Centrifugal and Axiol Pumps, 1948. Turboblowers, 1955; Numerous articles in scientific periodicals.

Prof. Struve Gleb. Twenty five years of Sov. Russ. Literature, 1935; new edition 1944; in French 1946, also in Chinese. Practical Russian Books I and II, 1946; Sov. Russ. Literature 1917-50 (1951).

Prof. Struve Otto. Stellar Evolution, 1950; about 650 scientific articles in various journals.

Prof. Timoshenko Stephen. Strength of Materials; Theory of Elasticity; Theory of Plates and Shells; Theory of Elastic Stability; History of Strength of Material.

Prof. Uschenko A. The Logic of Events, 1929; The Theory of Logic, 1936; The Philosophy of Relativity, 1937; The Problems of Logic, 1941; Power and Events. 1946; Dynamics of Art, 1953; Eighteen articles 1929-55 in various philosophical periodicals.

Prof. Uspensky J. Two books and 50 articles on abstract branches of mathematics: Theory of Numbers, etc.

Valov P. Determination of Burbitrates from Postmortem Specimens, Industrial and Engineering Chemistry, vol. XVIII, July 15, 1946.

Varneck Elena. Soviet Finance by Sokolnikoff; Testimony of Kolchak and other Siberian materials. Translations: The Tragedy of Tolstoy, (with A.L. Tolstoy); Articles in Living Age (1922-27), Foreign Affairs and other journals.

Prof. Yadov O. About 120 scientific works in various fields.

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА при СВЯТО-ТРОИЦКОМ СОБОРЕ в Сан-Франциско.

Адрес Собора: 1520 Грин стр.
Адрес школы: 2040 Анза стр.
Телефон: ОРдвей 3-8565

Занятия по субботам от 10 час. утра. Предметы преподавания: Закон Божий, русский язык и русская литература, родиноведение (история и география России), пение. Возможна доставка детей на автомобиле. Обучение бесплатное. Принимаются дети от пятилетнего возраста.

Директор школы протоиерей **Георгий Бенигсен.**

РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ГИМНАЗИЯ при СВЯТО-СКОРБЯЩЕНСКОМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ в Сан-Франциско, — 864 Фултон стр.

Телефон ФИлмор 6-4387

Занятия происходят по понедельникам, вторникам, средам и четвергам с 4:15 до 5:40, и по субботам с 9:30 до 1 ч. Каждый класс имеет 9 уроков и занимается три дня в неделю. Канцелярия гимназии открыта с 9:30 утра до 6:30 веч. ежедневно.

РУССКАЯ ШКОЛА при ЦЕРКВИ СВ. ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ в Берклее, — 1900 Эссекс стр.

Телефон Тн 5-2944

Занятия по субботам от 10 ч. до 12 ч. Воскресная школа от 9:30 до 11:30. Предметы преподавания: Русский язык и Закон Божий (на английском языке)

Преподаватели: О. Николай (Вейглас), М. Дубасова и В. Шнеерова.

ALLA SVIRIDOFF
PIANO STUDIO
572 Funston Avenue — San Francisco.
Telephone SK 1-5878.

LYDIA KLEPIKOFF
Member of National and California Music Teachers' Association
PIANO STUDIO
275 Stanyan Street — San Francisco 18, Cal.
Telephone EVergreen 6-7733.

IN SAN FRANCISCO and ITS SURROUNDINGS:
VIOLIN STUDIO: Lizetta Kolova, Michel Piastro, Naum Blinder.
VOCAL STUDIOS: Elizabeth Evert, concert and opera singer, Sophie Samorukova-Kaplur, concert and opera singer.
PIANO STUDIOS: Boris Lazarev, Nadia Lorenz, Olga Shoulguine, Helen Svensen, Mrs. Teodorovich, Vadim Hrenoff.
BALLET SCHOOLS: Anatole Zhukovsky and Yania Vasilieva, Vladimir Kostenko and Maria Korzhenskaia, Tatiana Svetlanova, Serge Temov.

THE RUSSIAN YOUTH ORGANIZATIONS, the SCOUTS and SOKOLS, have their meetings and performances devoted to Russian history and literature.

RUSSIAN LITERARY ART SOCIETY in San Francisco
1923 — 1957
Charter and Honorary members: N. Doudorova, A. Gromeeko, E. Grot, O. Ilyina, E. Malozemova, A. Mazurova, A. Uschenko, H. Vants.
The Board of Directors in 1956-57:
E. Malozemova, president. 248 Santa Clara Ave. Oakland, Cal.
E. Isaenko, vice-president. 590 — 3rd Ave. San Francisco, Cal.
M. Evdokimova, secretary & treasurer. 410 Cabrillo Street San Francisco, California.
A. Mac Guire. 155 Downey Str. San Francisco, Cal.
I. Skoblina. 840 Sloat Blvd. San Francisco, Cal.
L. Shokin. 1982 Fullton Street San Francisco, Cal.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАССКАЗЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТАТЬИ

ДЕЛА И ЛЮДИ

